W 512
112
e 7.

W 517
117

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА

подъ редакціей В. Ѳ. САВОДНИКА.

Выпускъ 7-ой.

ЛЕРМОНТОВЪ и ЕГО НАПРАВЛЕНІЕ.

(„Крайнія грани развитія отрицательнаго взгляда“).

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
въ книжныхъ магазинахъ Бр. Башмаковыхъ
Москва — Петроградъ — Казань.

N 517/117

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА

подъ редакціей **В. Ѳ. Саводника.**

Выпускъ 7-й.

„ЛЕРМОНТОВЪ и ЕГО НАПРАВЛЕНІЕ".

(„КРАЙНІЯ ГРАНИ РАЗВИТІЯ ОТРИЦАТЕЛЬНАГО ВЗГЛЯДА").

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., с. д.
Москва—1915.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
30099-50

2007051005

Статья: «Лермонтовъ и его направленіе», по указанію самого автора, является непосредственнымъ продолженіемъ задуманнаго имъ обширнаго изслѣдованія о «развитіи идеи народности въ русской литературѣ со смерти Пушкина» (см. выпускъ 3-й настоящаго изданія). Статья эта составилась изъ ряда главъ, посвященныхъ Лермонтову и включенныхъ первоначально въ составъ другихъ критическихъ статей Григорьева («Взглядъ на русскую литературу со смерти Пушкина», «О правдѣ и искренности въ искусствѣ» и др.); но будучи соединены вмѣстѣ, эти разрозненныя части получили, въ своемъ новомъ составѣ, характеръ большей цѣльности и законченности.

Въ глазахъ Григорьева, дѣятельность Лермонтова представляетъ собой очень важный фазисъ въ ходѣ развитія русскаго самосознанія, могущественнымъ органомъ котораго была наша литература. Правда, значеніе этой дѣятельности, съ точки зрѣнія нашего критика, преимущественно *отрицательное*, такъ какъ, съ одной стороны, поэзія Лермонтова является носительницей сомнѣнія, протеста, отчаянія, байроническаго «непріятія міра»; а съ другой стороны, преждевременная смерть самого поэта не дала ему возможности возвыситься до сознанія какого-либо положительнаго идеала и вмѣстѣ съ тѣмъ, освободившись отъ чуждыхъ вліяній, выйти на самостоятельную дорогу и стать народнымъ поэтомъ, какимъ былъ, напр., Пушкинъ.

Однако эта зависимость отъ чуждыхъ образцовъ, увлеченіе чуждыми идеалами, т.-е. главнымъ образомъ Байроновскимъ идеаломъ гордой личности, не лишали Лермонтова извѣстныхъ національныхъ чертъ, хотя и не давали ему возможности въ полной мѣрѣ проявить особенности своей «русской души»: будучи въ нашей литературѣ наиболѣе яркимъ представителемъ романтизма, въ его байронической формѣ, Лермонтовъ, какъ это очень вѣрно отмѣчаетъ Григорьевъ, является представителемъ именно нашего, *русскаго* романтизма, имѣвшаго несомнѣнно свои отличительныя особенности, сравнительно съ романтизмомъ нѣмецкимъ, фран-

цузскимъ, англійскимъ. Анализируя эти отличительныя черты русскаго романтизма, Григорьевъ совершенно правильно привлекаетъ къ сравненію современниковъ Лермонтова—Полежаева и Марлинскаго, отмѣчая въ ихъ творчествѣ сходные элементы и мотивы,—пріемъ очень удачный, позволяющій глубже проникнуть въ сущность романтическаго движенія 30-хъ годовъ и въ духъ той эпохи, наиболѣе яркимъ представителемъ которой былъ у насъ Лермонтовъ.

При этомъ нужно однако принять во вниманіе, что Григорьевъ, давая характеристику романтической эпохи, не ставилъ себѣ историко-литературныхъ цѣлей, и потому, съ строго научной точки зрѣнія, его опредѣленіе романтизма можетъ оказаться неполнымъ и одностороннимъ. Но при всемъ томъ у него есть и большое преимущество передъ современнымъ ученымъ, старающимся путемъ анализа проникнуть въ духъ той, уже далекой отъ насъ эпохи: это то, что Григорьевъ самъ былъ романтикомъ въ душѣ, «послѣднимъ романтикомъ», какъ онъ иногда подписывалъ свои статьи; онъ самъ пережилъ увлеченіе поэзіей Байрона и Гюго, игрою Мочалова, романами Марлинскаго, самъ отдалъ дань культу романтической восторженности, тревожныхъ и страстныхъ исканій, громкихъ словъ и трагическихъ жестовъ; онъ самъ испыталъ непосредственно на себѣ «вѣяніе» романтической эпохи, — и это развило въ немъ особенное чутье ко всему романтическому, позволяющее ему глубже проникнуть въ психологію романтизма, въ его интимныя стороны, и вмѣстѣ съ тѣмъ ввести и читателя въ настроенія той эпохи, заставить и его «прочувствовать» ихъ ярче и непосредственнѣе.

Но будучи «романтикомъ въ душѣ», сохраняя въ ней живые отголоски былыхъ увлеченій, признавая даже законность и необходимость этихъ увлеченій, Григорьевъ однако уже настолько отошелъ отъ романтизма, чтобы увидѣть несостоятельность его идеаловъ, особенно въ приложеніи къ нашей русской почвѣ, въ русскомъ *бытовомъ* воплощеніи. Эту несостоятельность онъ показываетъ, какъ на анализѣ характера Печорина, такъ въ особенности на разборѣ нѣкоторыхъ болѣе позднихъ произведеній Авдѣева, Анненкова и Станкевича, въ третьей статьѣ своего изслѣдованія, посвященной «попыткамъ комическаго разоблаченія Лермонтовскаго типа».

В. С.

Лермонтовъ и его направленіе.

Крайнія грани развитія отрицательнаго взгляда [1]).

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Элементы поэтической дѣятельности Лермонтова.

I.

ВВЕДЕНІЕ.

Оппозиція застоя не даромъ накинулась съ ожесточеніемъ на Лермонтова при самомъ первомъ его появленіи на литературную арену [2]).

То была великая художественная сила, которая шла такъ-сказать на помощь къ отрицательному взгляду, узаконивала его неясныя предчувствія, раскрывала ему новые обширные горизонты.

Ни оппозиція застоя, ни самъ отрицательный взглядъ не знали еще тогда, да, конечно, и не могли знать, что эти обширные горизонты, въ сущности только миражъ, что за ними, за этими туманными картинами, поворотъ къ почвѣ, поворотъ къ народности, что въ самомъ Лермонтовѣ готовился, по справедливой догадкѣ Гоголя, одинъ изъ великихъ живописцевъ нашего быта.

Инстинктивно-пророческое предвидѣніе великихъ поэтовъ — фактъ несомнѣнный, хотя вовсе не мистическій, а объясняемый

---

[1]) „Время", 1862 г., №№ 10—12.

[2]) Объ „оппозиціи застоя" см. 3-й выпускъ настоящаго изданія: „Развитіе идеи народности въ нашей литературѣ со смерти Пушкина" (стр. 109 и сл.). Главнымъ образомъ Григорьевъ имѣетъ здѣсь въ виду журналъ „Маякъ" и его редактора С. А. Бурачка, посвятившаго нѣсколько статей Лермонтову и его литературной дѣятельности. *Примѣч. В. С.*

стихійными началами ихъ природы, ея самостоятельными данными которыя, даже и подчиняясь могущественнымъ вѣяніямъ эпохъ, упорно, хотя сначала и смутно, заявляютъ свою самостоятельность.

Нѣтъ! я не Байронъ—я другой
Еще невѣдомый избранникъ,
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой,

говоритъ о себѣ самъ Лермонтовъ въ одномъ изъ своихъ, такъ-сказать, кабинетныхъ, домашнихъ стихотвореній,—и лучшую характеристику едва ли можетъ придумать критика.

Благодаря послѣднему, довольно полному и толковому изданію всего того, что оставилъ намъ въ наслѣдство этотъ великій во всякомъ случаѣ, хотя не высказавшійся даже въ половину, духъ, характеристика эта ясна до очевидности [1]).

Въ ней, въ этой характеристикѣ, двѣ стороны. Поэтъ хочетъ заявить свою самостоятельность—но между тѣмъ, фактъ отъ котораго онъ ее отстаиваетъ, т.-е. Байронъ и его вліяніе, явнымъ образомъ его еще безпокоитъ. Съ этимъ громаднымъ фактомъ онъ еще мучительно, болѣзненно борется.

Борьба была прервана рокомъ въ тотъ самый мигъ, какъ она только переходила въ новый фазисъ. Едва только еще отдѣлался поэтъ отъ мучившаго его призрака, едва свелъ его изъ туманно-неопредѣленныхъ областей, гдѣ онъ являлся ему „царемъ нѣмымъ и гордымъ“, въ общежитейскія сферы, въ которыхъ живетъ и дѣйствуетъ маскированный гвардеецъ Печоринъ, еще онъ не успѣлъ хорошенько приглядѣться къ пойманному имъ образу, увидать въ немъ комическую сторону, съ которой неминуемо долженъ былъ начаться поворотъ... какъ смерть сразила его.

Великій поэтъ является передъ нами еще весь въ элементахъ, съ проблесками великой правды, но еще не уяснившейся нисколько самостоятельности, не властелиномъ тѣхъ стихій, которыя заключались въ его эпохѣ и въ немъ самомъ, какъ высшемъ представителѣ этой эпохи, а еще слѣпою, хотя и могущественною силою, несущеюся впередъ стремительно и почти безсознательно.

---

[1]) Подразумѣвается 2-хъ томное изданіе сочиненій Лермонтова, вышедшее подъ редакціей *Дудышкина* (Спб., 1860 г.) въ этомъ изданіи впервые былъ напечатанъ „Демонъ“, хотя въ далеко не исправной редакціи.

Примѣч. В. С.

Стремленія этой силы для насъ теперь уже прошедшее, и какъ всякое прошедшее могутъ быть разъяснены: въ нихъ можемъ мы теперь уловить залоги и проблески самостоятельности, можемъ разгадать даже смыслъ ихъ движенія, при пособіи послѣдовавшихъ за Лермонтовымъ литературныхъ явленій, вызванныхъ толчкомъ, который дала его поэтическая сила, но во всякомъ случаѣ самъ онъ для насъ представляется не завершенною, а стихійною силою.

Вотъ почему, прежде чѣмъ говорить о немъ самомъ безотносительно, необходимо говорить о тѣхъ элементахъ, изъ которыхъ началась его поэтическая дѣятельность.

Въ Лермонтовѣ, на самый первый, поверхностный взглядъ представляются двѣ стороны. Это—*Арбенинъ* или *Арбеньевъ*, какъ онъ названъ въ прозаическомъ отрывкѣ: «Воспитаніе Арбеньева» (я беру нарочно самое первое, юношески-откровенное и рѣзкое выраженіе типа) и *Печоринъ*. Внимательное изслѣдованіе поможетъ, вѣроятно, найти еще и третью сторону, но на первый разъ очевидны только двѣ.

Арбенинъ (или, все-равно, Арсеній въ «Бояринѣ Оршѣ», «Мцыри» и проч.) это необузданная страстность, рвущаяся на широкій просторъ, почти-что безумная и слѣпая сила, воспитавшаяся въ дикихъ понятіяхъ, вопіющая противъ всякихъ общественныхъ условій, исполненная къ нимъ ожесточенной ненависти, сила, которая сознаетъ на себѣ «печать проклятья» и гордо носитъ на себѣ эту печать; сила отчасти звѣрская, которая сама, въ лицѣ Мцыри, говоритъ:

Какъ будто самъ я былъ рожденъ
Въ семействѣ барсовъ и волковъ.

Пояснить возможность такого настроенія души поэта однимъ вліяніемъ музы Байрона, однимъ вѣяніемъ байронизма, нельзя, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя и отвергнуть того, что Лара коснулся обаяніемъ своей поэзіи, подкрѣпилъ, оправдалъ и толкнулъ впередъ тревожныя требованія души поэта.

Байронъ и его вліяніе, однимъ словомъ, несомнѣнно, отражаются въ поэтической физіономіи Лермонтова чертами гораздо болѣе рѣзкими, чѣмъ на болѣе гармонической и раньше достигшей самостоятельности натурѣ Пушкина; но самые элементы такого настройства «русской души» поэта могли зародиться только или подъ гнетомъ жизненной обстановки, сдавливающей страстные порывы

Мцыри и *Арсенія*, или на дикомъ просторѣ разгула и неистоваго произвола страстей, на которомъ выросли впечатлѣнія Арбенина.

Вѣдь приглядитесь къ нимъ поближе, къ этимъ туманнымъ, но могучимъ образамъ:—за Ларою и Корсаромъ, проглянетъ въ нихъ, можетъ-быть, Стенька Разинъ, хотя, съ другой стороны, несомнѣнно, что Лара и Корсаръ давили воображеніе поэта.

Не всматриваясь еще заранѣе въ другую сторону Лермонтовскаго типа, въ Печорина, я останавливаюсь на этой сторонѣ и неминуемо долженъ говорить 1) сперва:

О Байронѣ и о матерьяхъ важныхъ,

а 2) потомъ о романтическомъ броженіи эпохи, котораго полнѣйшимъ и самымъ яркимъ представителемъ, даже завершителемъ является Лермонтовъ.

Байронъ и байронизмъ, какъ общее, и нашъ русскій романтизмъ, какъ особенное—вотъ элементы того Лермонтова, какой намъ остался въ его произведеніяхъ. Чтобы добраться до оригинальности этой физіономіи нужно прежде разсмотрѣть ихъ, эти элементы, слѣдя, разумѣется, повсюду отношеніе самой натуры поэта къ этимъ элементамъ его эпохи, его обстановки.

II.

О БАЙРОНѢ И О МАТЕРЬЯХЪ ВАЖНЫХЪ.

Есть большая разница между понятіемъ о Байронѣ его эпохи и нашей, между понятіемъ о немъ его собственнаго отечества и понятіями французовъ, нѣмцевъ и нашими, равно какъ и въ самую эпоху его дѣятельности было различіе между взглядомъ толпы и взглядомъ людей, стоявшихъ съ нимъ въ уровень. Гёте смотрѣлъ, напримѣръ, на Байрона нѣсколько свысока; онъ изобразилъ его въ Эйфоріонѣ своего Фауста:

Icarus, Icarus.
Leiden genug! [1])

Молодую, необузданно-порывистую и отчасти неразумную, но ничѣмъ не удержимую силу видѣлъ онъ въ немъ, блестящій ме-

[1]) *Эйфоріонъ*—аллегорическая фигура во 2-й части „Фауста“ (дѣйствіе III), по первоначальному замыслу долженствовавшая являться олицетвореніемъ поэзіи вообще; позднѣе Гёте придалъ этому лицу черты Байрона, уже послѣ смерти послѣдняго. *Примѣч. В. С.*

теоръ, разсыпающійся прахомъ. Замѣчательнѣе же всего, что не Прометеемъ, а юношей, только-что вышедшимъ изъ отрочества, представлялъ себѣ многодумный веймарскій старецъ этого, въ глазахъ толпы, мужа борьбы съ людьми и съ судьбою, этого мрачнаго скитальца, проклинавшаго свою туманную родину, этого таинственнаго Лару, душа котораго бездонна, какъ бездна, и темна какъ бездна. Для него, умѣвшаго однако понимать борьбу Прометеевскую, создавшаго сатаническій образъ Фауста, для него, вложившаго въ уста своего Прометея все энергическое, что человѣческая гордость можетъ сказать о себѣ:

Ich—dich ehren? Wofür?
. . . . . .
Da sitz ich,
Forme Menschen
Nach meinem Bilde.

Демоническій духъ Байрона былъ ясенъ, и ясенъ былъ самъ поэтъ, яснѣе, можетъ быть, чѣмъ былъ онъ, или просто сказать, чѣмъ хотѣлъ быть для самого себя; хотѣлъ быть—потому что слишкомъ хотѣлъ казаться таковымъ толпѣ.

Нашъ Пушкинъ, которому дано было расти, т.-е. быть и отрокомъ, и юношей, и мужемъ, который былъ бы, безъ сомнѣнія, и мудрымъ старцемъ, еслибы трагическое начало, тяготѣющее надъ судьбою нашихъ поэтовъ, не пресѣкло нити его теченія въ самую пору мужества, представлялъ себѣ этого «властителя духа» своего поколѣнія въ видѣ моря, обращаясь къ сему послѣднему:

Онъ былъ, о море! твой пѣвецъ...
Твой образъ былъ на немъ означенъ,
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ,
Какъ ты, великъ, могучъ и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.

Въ другихъ случаяхъ онъ называетъ его «поэтомъ гордости» («Какъ Байронъ, гордости поэтъ») и, разумѣя глубоко значеніе его поэзіи, равно какъ и самый ея источникъ:

Лордъ Байронъ прихотью удачной
Облекъ въ унылый романтизмъ
И безнадежный эгоизмъ...

ясно видитъ притомъ, какимъ вѣкомъ эта поэзія вызвана:

Свидѣтелями бывъ вчерашняго паденья.
Едва опомнились младыя поколѣнья;

Жестокихъ опытовъ собирая поздній плодъ,
Они торопятся съ расходомъ свесть приходъ,
Имъ некогда шутить, обѣдать у Темиры,
Иль спорить о стихахъ. Звукъ новой, чудной лиры,
Звукъ лиры Байрона едва развлечь ихъ могъ.

Ламартинъ одинъ почти призналъ въ Байронѣ то, чѣмъ Байронъ хотѣлъ казаться,—поэтическаго сатану, и даже подвергъ, въ угоду Байроновскому обаянію, сомнѣнію вопросъ о томъ, точно ли зло есть зло, и добро—добро?

Toi dont le monde encore ignore le vrai nom,
Esprit mystérieux, mortel, ange ou démon,
Qui que tu sois, Byron, bon ou fatal génie—
J'aime de tes concerts la sauvage harmonie,
Comme j'aime le bruit de la foudre et des vents,
Se mêlant dans l'orage à la voix des torrents;
La nuit est ton séjour, l'horreur est ton domaine,
L'aigle, roi des déserts dédaigne ainsi la plaine:
Il ne veut, comme toi que des rocs escarpés
Que l'hiver a blanchi, que la foudre a frappé... [1])

Наконецъ любопытно еще отношеніе къ Байрону Жуковскаго и Козлова, поэтовъ не равныхъ между собою по силамъ дарованій, но такъ-сказать, однозвучныхъ; любопытно—какъ свидѣтельство могущественнаго вліянія Байрона на натуры, даже совершенно чуждыя мрачнаго Байроновскаго настройства, на натуры кроткія и задумчивыя: вліяніе это указываетъ на одну изъ существенныхъ сторонъ Байронова таланта, одну изъ тѣхъ сторонъ, которыми онъ самъ былъ отраженіемъ существенныхъ сторонъ духа человѣческаго. Все, что есть мрачно-унылаго, фантастически-тревожнаго, безотрадно-горестнаго въ душѣ человѣческой и что по существу своему составляетъ только крайнюю и сильнѣйшую степень грусти, меланхоліи, суевѣрныхъ предчувствій и суевѣрныхъ обаяній, лежащихъ въ основѣ поэзіи Жуковскаго и въ тонѣ таланта Козлова,—все это нашло для себя въ Байронѣ самаго глубокаго и энергическаго выразителя: никто короче его не знакомъ съ мрачнымъ міромъ однообразно-болѣзненныхъ скорбей, въ которомъ мелькаютъ только

образы безъ лицъ,
Безъ протяженья и границъ.

[1]) Близкій переводъ этого стихотворенія Ламартина, сдѣланный *Полежаевымъ* былъ напечатанъ въ альманахѣ „Уранія" Погодина. *Примѣч. В. С.*

Никто не постигъ такъ глубоко всего, что есть величаво-унылаго въ развалинахъ, никто не знаетъ такъ хорошо призрачной натуры привидѣній, дѣйствія производимаго на организмъ прикосновеніемъ ихъ длинныхъ мраморно-бѣлыхъ и пронзительно холодныхъ перстовъ («Явленіе Франчески Альпу»), никто не подмѣтилъ такъ вѣрно и страшно судорожныхъ движеній пальцевъ, «невольно бьющихся о чело» [1]); никто не сумѣетъ заставить, какъ онъ, страдать читателя вмѣстѣ съ его Ларой всѣми ужасами безсонной и таинственной ночи. Байронъ великій виртуозъ на этихъ струнахъ души, виртуозъ, извлекающій изъ этихъ тревожныхъ струнъ звуки потрясающіе натуру человѣческую вообще, и потому естественно, что онъ дѣйствовалъ магически на такія натуры, въ которыхъ особенно развита была чуткость этихъ струнъ.

Наконецъ, что касается до отношеній толпы, или лучше-сказать, мѣщанства къ Байрону, то едва ли не лепѣе всѣхъ усмотрѣлъ и поразительнѣе высказалъ всю неправильность, фальшь и смѣшную сторону этихъ отношеній нашъ Грибоѣдовъ, заставившій своего Репетилова разсуждать съ достойными членами его «секретнѣйшаго союза» по четвергамъ

О камерахъ, присяжныхъ,
О Байронѣ... ну, объ матерьяхъ важныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ для свѣтской толпы, французской ли, нашей ли—та и другая равно невѣжественны—тупоумной ли нѣмецкой, Байронъ равно принадлежалъ къ числу „важныхъ матерій“, о которыхъ можно потолковать на досугѣ, т.-е. пережевывать взгляды людей высшихъ, не понимая ихъ.

Отношеніе къ Байрону собственной его страны опредѣлялось еще тѣмъ, что онъ былъ эксцентрикъ и, какъ таковой, не подлежалъ уже никакому дальнѣйшему суду; довольно того, что онъ вышелъ изъ условныхъ орбитъ условнѣйшаго существованія: онъ могъ быть хуже или лучше того, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, это уже ничего не прибавило и не убавило бы въ его эксцентрическомъ образѣ.

[1]) Альпъ, герой Байроновской поэмы „Осада Коринѳа“, ренегатъ, принявшій исламъ и во главѣ турецкихъ войскъ осаждающій Коринѳъ; вечеромъ, на берегу моря ему является призракъ Франчески, дѣвушка, которая нѣкогда была его невѣстой; этотъ эпизодъ: „Явленіе Франчески“ былъ переведенъ *И. П. Козловымъ* („Невскій Альманахъ“, 1830 г.). *Примѣч. В. С.*

Таковы различныя отношенія собственно къ Байрону и къ его таланту. На всѣхъ онъ болѣе подѣйствовалъ, такъ-сказать, стихійными своими началами: Гёте видѣлъ нѣчто слѣпое въ необузданной силѣ его таланта; Пушкинъ поэтизируя эту слѣпую силу, проникалъ разумно въ ея личныя пружины; Жуковскій и Козловъ сочувствовали великому виртуозу на струнахъ души, имъ также, хотя и не въ такомъ сильномъ строѣ, доступныхъ... Ламартинъ только въ посланіи, изъ котораго приводилъ я отрывокъ, посланіи, въ которомъ Байронъ, каковымъ онъ хочетъ казаться, изображается, надобно отдать справедливость, — весьма поэтически, — Ламартинъ только, какъ выразитель въ этомъ случаѣ потребностей цѣлой пресыщенной и вмѣстѣ жадной эпохи, взялъ все на вѣру, и притомъ имъ впервые узаконено слѣпое стихійное начало, *байронизмъ*, это особое повѣтріе, особый зловѣщій и фосфорическій блескъ, увѣнчавшій сначала голову Байрона и перелетѣвшій на нѣсколько другихъ головъ. Байронизмъ, которому не подчинились, конечно, но тѣмъ не менѣе глубоко сочувствовали великіе и равные Байрону поэты: Пушкинъ и Мицкевичъ; байронизмъ, котораго печать легла и на даровитомъ нѣмцѣ Гейне, превратившись изъ ироніи мрачной и сплинической въ иронію болѣзненно-ядовитую и полу-нахальную, полу-сентиментальную, и на даровитомъ французѣ Альфредѣ де Мюссе, претворившись у него изъ безотраднаго смѣха въ беззаботно-наглый и вмѣстѣ наивный цинизмъ или въ слезы тоски и стоны искренняго раскаянія, какъ напримѣръ, въ „Confessions d' un enfant du siècle“; байронизмъ возлотившійся наконецъ и достигшій крайнихъ предѣловъ своихъ въ яркомъ и могучемъ талантѣ Лермонтова и въ немъ окончательно истощившійся, ибо дальнѣйшее отношеніе къ байронизму самого Лермонтова, который былъ

не Байронъ, а другой
Еще невѣдомый избранникъ,

было бы непремѣнно комическое, а лицо Печорина и такъ уже одной ногой стоитъ въ области комическаго, что и оказалось, когда писатель не безъ дарованія вздумалъ послѣ Лермонтова повторить этотъ образъ въ лицѣ Тамарина.

Байронизмъ, какъ нѣкоторое повѣтріе, выразилъ свое вліяніе двоякимъ образомъ: во-первыхъ онъ пожиралъ страстныя натуры, слѣпо и искренно ему отдававшіяся и искавшія въ немъ опратмати-

лованія своихъ безобразій, и такое вліяніе ни на комъ не отразилось такъ трагически, какъ на нашемъ безвременно и безплодно погибшемъ даровитомъ Полежаевѣ. Нѣсколько напряжено, но искренне въ основахъ и чрезвычайно сильно выразилось это вліяніе въ такомъ, напримѣръ, изображеніи:

Кто видѣлъ образъ мертвеца,
Который демонскою силою,
Враждуя съ темною могилой,
Живетъ и страждетъ безъ конца?
Въ часъ полуночи молчаливой,
При свѣтѣ сумрачномъ луны
Изъ подземельной стороны
Исходитъ призракъ боязливый...
. . . . . .
Вотъ мой удѣлъ,—игра страстей!
Живой стою при дверяхъ гроба,
И скоро, скоро месть и злоба
Навѣкъ уснутъ въ груди моей.
Кумиры счастья и свободы
Не существуютъ для меня,
И, членъ ненужный бытія,
Не оскверню собой природы [1]).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что изображавшій себя такимъ образомъ несчастный поэтъ, какъ ни падалъ онъ, но все-таки много клеветалъ на себя, и въ этой постоянной клеветѣ на себя, въ постоянномъ стремленіи развивать напряженно-мрачныя стороны души, заключалось все зло байронизма—зло страшное, когда оно оказываетъ свое вліяніе на натуры, подобныя натурѣ Полежаева. Найдя оправданіе, такъ-сказать опоэтизированіе своихъ внутреннихъ тревогъ въ словѣ вождя вѣка, онѣ съ какимъ-то упоеніемъ отдавались стремительному потоку страстей, отдавались *наслажденію страданія:*

Въ моей тоскѣ, въ неволѣ безотрадной,
И не страдалъ, какъ робкая жена:
Меня несла противная волна,
Несла на смерть—и гибель не страшна
Казалась мнѣ въ пучинѣ безпощадной.
И мракъ небесъ, и громъ, и черный валъ
Любилъ встрѣчать я съ думою суровой—

[1]) Изъ стихотворенія *А. И. Полежаева*: „Живой мертвецъ".
Примѣч. В. С.

И свисту бурь подъ молніей багровой
Внимать, какъ мужъ отважный и готовый
Испить до дна губительный фіалъ [1]).

Было въ самомъ дѣлѣ нѣчто обаятельное въ этихъ самовольно развиваемыхъ страданіяхъ, что-то сладкое и вмѣстѣ лихорадочно-болѣзненное въ этомъ состояніи духа, что-то безвыходное въ этой тоскѣ, отвергающей даже живительный лучъ свѣта:

Я трепеталъ, чтобъ истина меня,
Какъ яркій лучъ, внезапно осѣня,
Не извлекла изъ тьмы ожесточенья...

Но тяжела была расплата за это болѣзненное сладострастіе сердца, и тяжесть расплаты, можетъ быть, нигдѣ не высказана съ такою грустью и искренностью, какъ въ слѣдующихъ, Полежаевскихъ же стихахъ:

Я встрѣчаю зарю
И печально смотрю,
Какъ кропинки дождя,
По эѳиру слетя,
Благотворно живятъ
Попираемый прахъ,
И кипятъ и блестятъ
Въ серебристыхъ звѣздахъ
На увядшихъ листахъ
Пожелтѣвшихъ луговъ.
Сила горней росы,
Какъ Божественный зовъ,
Ихъ младыя красы
И крѣпитъ и роститъ.
Чтожъ кропинки дождя
Вашъ бальзамъ не живитъ
Моего бытія?
Что въ вечерней тишли,
Какъ пріятный обманъ,
Не исцѣлитъ онъ ранъ
Охладѣлой души?..
Ахъ, не цвѣтъ полевой
Жжетъ полдневной порой
Разрушительный зной,—
Сокрушаетъ тоска
Молодого пѣвца,
Какъ въ землѣ мертвеца
Гробовая доска...
Я увялъ и увялъ
Навсегда, навсегда!
И блаженства не зналъ
Никогда, никогда!
И я жилъ, но я жилъ
На погибель свою...
Буйной жизнью убилъ
Я надежду мою...
Не расцвѣлъ, а отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней,
Что любилъ, въ томъ нашелъ
Гибель жизни моей...
. . . . . .
. . . . . .
Не кропите-жъ меня
Вы, росинки дождя! [2])

Съ другой стороны, байронизмъ, какъ повѣтріе, выражался въ общежитіи живыми пародіями, заставившими Пушкина спрашивать, даже нѣсколько во вредъ своему герою:

---

[1]) Изъ стих. Полежаева: „Черные глаза".
[2]) Стих. „Вечерняя заря". *Примѣч. В. С.*

Чудакъ печальный и опасный,
Созданье ада иль небесъ,
Сей ангелъ, сей падменный бѣсъ,—
Что жъ онъ? Ужели подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ?..
Ужъ не пародія ли онъ?

Въ томъ и другомъ случаѣ байронизмъ, безъ малѣйшаго сомнѣнія, имѣлъ вредное, можно сказать, пагубное вліяніе. Въ немъ была неправда, стало быть и безнравственность постольку, поскольку неправда. Неправда же его заключалась въ неправильномъ отношеніи къ мрачнымъ сторонамъ души, къ темнымъ, слѣпымъ силамъ, которымъ байронизмъ подчинялъ человѣческую натуру; все, что дотолѣ, т.-е. до байронизма, нѣкоторымъ образомъ скрывалось или порицалось, порицалось даже и тѣми, которые не вѣрили ни во что святое:—безбожіе, эгоизмъ, сухая гордость, злобная ироніа въ отношеніи къ людямъ, безстыдство отношеній къ женщинамъ, —все то, однимъ словомъ, что прежде выступало подъ благопристойною маской самой чинной нравственности въ какой-нибудь сухой Sitten-Lehre барона фонъ-Книгге [1]), въ какомъ-нибудь изъ романовъ XVIII вѣка,—все это явилось безъ маски въ байронизмѣ и прямо сказало міру: „поклоняйся мнѣ откровенному, какъ ты доселѣ клалися мнѣ прикрытому“. Но между тѣмъ, такъ какъ сама по себѣ высокая поэтическая натура Байрона не могла же принять спокойно обоготворенія эгоизма, то оно и выразилось въ ней тоской или ироніей, что естественнымъ образомъ окружило эгоизмъ поэтическимъ ореоломъ. Можно сказать, что самая крайность неправды была слѣдствіемъ правдивости и поэтичности натуры Байрона. Ненавидя маску ханжества и лицемѣрія, подъ которою прятался до него эгоизмъ, самъ развращенный ученіями и опытами вѣка, поэтъ, чѣмъ носить маску, готовъ былъ лучше клеветать на самого себя: таковъ онъ, когда смѣется своимъ сатаническимъ хохотомъ надъ тѣмъ, что матросы съѣли Донъ-Жуанова учителя; таковъ онъ, поющій неистовый гимнъ чувствен-

[1]) Adolf-Franz Freiherr von Knigge– нѣмецкій писатель XVIII вѣка, членъ ордена иллюминатовъ. Ему принадлежитъ между прочимъ нравоучительное сочиненіе: „Ueber den Umgang mit Menschen“ (1788), которое, вѣроятно, и подразумѣвается въ данномъ случаѣ Григорьевымъ. *Примѣч. В. С.*

ности по поводу любви Донъ-Жуана и Гайде; таковъ онъ въ анализѣ отношеній леди Аделины къ Жуану,—все это неправда, все это напряженіе, клевета на самого себя и на душу человѣческую, клевета, проистекающая, съ одной стороны, изъ прихоти человѣка, пресыщеннаго изображеніями условной и истрепанной добродѣтели, изображеніями весьма притворными, а съ другой стороны, изъ правдиваго негодованія на ложь и лицемѣріе жизни.

Байронъ есть пламенный поэтическій протестъ личности противъ всего условнаго въ окружавшемъ его общежитіи, и потому можетъ быть судимъ только съ высшей точки зрѣнія христіанскаго суда, но не съ точки зрѣнія нравственности того общежитія, которую постоянно казнила его муза: онъ ничего иного не сдѣлалъ, какъ обнажилъ только то, что прикрывалось ветхимъ покровомъ условнаго, сорвалъ маску съ обоготворенпаго втихомолку эгоизма, и какъ истинный, глубокій поэтъ, воспѣлъ торжество этого страшнаго начала съ тоской и ядовитой ироніей. Въ нихъ-то, въ этой тоскѣ и иронін—его великая сила, ибо онѣ—горестный плачъ объ утраченныхъ и необрѣтаемыхъ идеалахъ; въ нихъ-то, въ этой же тоскѣ и иронін—его слабость, ибо съ ними связаны у него шаткость основъ міросозерцанія, отсутствіе нравственнаго, т.-е. цѣлостнаго взгляда, отсутствіе возможности суда надъ жизнью, и поэтому самому, отсутствіе возможности быть поэтомъ эпическимъ или драматическимъ, вообще быть чѣмъ-либо, кромѣ величайшаго поэта лирическаго, или лучше сказать величайшаго лирическаго виртуоза на извѣстныхъ указанныхъ мною струнахъ. Высшее обладаніе этими струнами, есть правда, красота и сила его поэзіи, и не безнравственностью, т.-е. не ложью, а правдою увлекалъ онъ и доселѣ увлекаетъ поколѣнія, увлекалъ даже мудрецовъ, каковъ былъ Гёте, даже людей ему равныхъ, каковы были Пушкинъ и Мицкевичъ. Ложь въ поэзіи блеснетъ, какъ метеоръ, и какъ метеоръ же разсыплется прахомъ, но постоянное въ извѣстной степени дѣйствіе имѣетъ поэзія Байрона, ибо постоянно затрогиваетъ она чувствованія, живущія въ глубинѣ сердца: она не сдѣлана искусственно, она порождена духомъ человѣческимъ. Поколѣ человѣчество способно мучительно любить, глубоко чувствовать оскорбленіе и жажду мести, стонать посреди мукъ и гордо поднимать голову передъ сѣкирой палача—до тѣхъ поръ оно будетъ жадно читать и Гяура, и исповѣдь Уго передъ казнью въ „Паризинѣ“; доколѣ живетъ въ духѣ человѣческомъ необузданное стремленіе,

готовое иногда ломать всѣ преграды, полагаемыя условнымъ общежитіемъ, доколѣ обаятельно будутъ дѣйствовать на людей мрачные образы Корсара, Лары, Чайльдъ-Гарольда, Альпа и иныхъ чадъ мятежной души поэта. Байронъ есть поэтическое воплощеніе протеста, и въ этомъ опять-таки его сила и его слабость: сила его въ томъ, что протесту, вызываемому всегда болѣе или менѣе неправдою, душа горячо сочувствуетъ; слабость въ томъ, что протестъ этотъ есть протестъ слѣпой, протестъ безъ идеала, протестъ самъ по себѣ и самъ отъ себя. Повторяю, что Байронъ ничего иного не дѣлаетъ, какъ срываетъ благопристойную маску съ дикаго по существу эгоизма, пѣвчаетъ его не втихомолку уже, а прямо, но, какъ поэтъ истинный и глубокій, вѣнчаетъ съ тоской и ироніей.

Въ Байронѣ очевидна стало-быть не безнравственность, а отсутствіе нравственнаго идеала, протестъ противъ неправды безъ сознанія правды. Байронъ поэтъ отчаянія и сатанинскаго смѣха потому только, что не имѣетъ нравственнаго полномочія быть поэтомъ *истиннаго* смѣха, комикомъ—ибо комизмъ есть правое отношеніе къ неправдѣ жизни во имя идеала, на прочныхъ основахъ покоящагося,—комизмъ есть праведный судъ надъ уклонившеюся отъ идеала жизнію, казнь, совершаемая надъ нею *зрячимъ* художествомъ. Если же идеалы подорваны и между тѣмъ душа не въ силахъ помириться съ неправдою жизни по своей высшей поэтической природѣ, по вмѣстѣ съ тѣмъ, по отсутствію нравственной мѣры, не можетъ прямо назвать неправды неправдою, то единственнымъ выходомъ для музы поэта будетъ безпощадно ироническая казнь надъ неправдою жизни, казнь обращающаяся и на самого себя, насколько въ его собственную натуру въѣлась эта неправда, проникла до мозга костей, и насколько онъ самъ, какъ поэтъ, сознаетъ это искреннѣй и глубже другихъ. Возьмите самую вопіющую безнравственность въ любой поэмѣ Байрона,—вы увидите, что она есть только казнь, совершенная поэтомъ надъ другой, прикрытою мишурною хламидой безнравственностью: безнравственно, напримѣръ, отношеніе Уго и Паризины, но въ сущности оно есть только казнь, совершаемая надъ герцогомъ Азо, и казнь совершенно справедливая [1]); скиталецъ Гарольдъ исполненъ

[1]) „Паризина“ — поэма Байрона (1816); сюжетомъ ея является любовь Паризины, супруги Феррарскаго герцога Азо къ своему пасынку Уго, бывшему ранѣе ея женихомъ. *Примѣч. В. С.*

порою столь справедливаго негодованія противъ мелочности и суетности свѣтской толпы, противъ гнетущихъ жизнь условныхъ понятій, что скитальчество его становится понятно. Вездѣ, однимъ словомъ, муза Байрона есть Немезида жизни; Немезида, въ свою очередь, обращающая бичъ на самого поэта, какъ далеко на не свободнаго отъ неправды, а напротивъ, проникнутаго ею до мозга костей, и посылающая Прометеева коршуна терзать его собственное сердце.

Но снимая такимъ образомъ съ Байрона единичную отвѣтственность за отсутствіе въ поэзіи его идеальнаго созерцанія, замѣняемаго тоскою и проніею, созерцанія, котораго создать нельзя, а взять при совершенномъ разложеніи жизни не откуда, тѣмъ не менѣе можно указать на него, какъ на примѣръ весьма печальный разъединенія между поэтическимъ и нравственнымъ созерцаніемъ, разъединенія вреднаго въ отношеніи къ художеству тѣмъ, что оно, во-первыхъ, лишило натуру поэта извѣстной полноты и цѣлости, вслѣдствіе чего онъ остался только лирикомъ, со всѣми своими стремленіями къ эпосу и драмѣ; во-вторыхъ тѣмъ, что вслѣдствіе такого раздвоенія вся поэзія Байрона есть не что иное, какъ геніальная импровизація или, лучше сказать, постоянная проба на нѣкоторыхъ его, въ особенности доступныхъ ей струнахъ, именно на струнахъ ощущеній мрачныхъ, фантастическихъ, тревожныхъ и негодующихъ. Вслѣдствіе отсутствія поэтически-нравственнаго и гармонически-цѣлостнаго взгляда, у Байрона нѣтъ суда надъ жизнью и надъ создаваемыми образами, того суда, который, напримѣръ, дастъ возможность и полномочіе Шекспиру, имѣвшему прямое и цѣлостное воззрѣніе на жизнь, казнить неумолимою и разсчитанною казнью своего Фальстафа, жирнаго, сквернаго, но остроумнаго, милаго и геніально-наглаго Фальстафа, быть можетъ, такъ-же близкаго его душѣ, какъ близокъ онъ былъ душѣ казнящаго его своею холодностью Генриха,—того суда, который суроваго Данта заставилъ обречь мукамъ ада Франческу да-Римини несмотря на страстное къ ней сочувствіе; того суда, котораго враждебное отношеніе къ дѣйствительности, противорѣчащей ясно сознаваемому идеалу, не можетъ быть инымъ, какъ казнящимъ,—трагически ли казнящимъ Макбета, Отелло, Лира и Гамлета, Уголино и Франческу, или комически казнящимъ Фальстафа, Сквозника-Дмухановскаго, Самсона Силыча Большова, и того суда, при которомъ только и возможно въ художествѣ созданіе живыхъ лицъ и отно-

шеніе къ образамъ, какъ къ живымъ лицамъ—отношеніе Шекспира, Мольера, Данта, Сервантеса, Пушкина,—начиная съ его Онѣгина,—Диккенса, Гоголя. Вслѣдствіе же односторонней своей виртуозности, поэзія Байрона однообразна, а потому утомительно дѣйствуетъ на душу. Байрона можно читать только, такъ-сказать, пріемами и притомъ въ извѣстныя минуты душевнаго настройства хотя правда, что тогда онъ кажется зато высшимъ изъ поэтовъ. Въ силѣ его есть именно что-то стихійно-слѣпое, такъ что Пушкинское уподобленіе его морю остается едва ли не вѣрнѣйшимъ опредѣленіемъ его значенія. Эта сила бунтуетъ во имя самаго бунта, безъ всякихъ другихъ полномочій—поднятая эгоизмомъ, безобразіемъ, безнравственностью общественныхъ понятій, и въ неправдѣ этихъ понятій заключается оправданіе для нея самой, хотя и лишенной свѣта правды—и судима она можетъ быть не съ точки зрѣнія той общественной нравственности, которою она вызвана, какъ прямое послѣдствіе и вмѣстѣ казнь. Съ этой точки зрѣнія Гёте и Шиллеръ поэты столь же, какъ и Байронъ, безнравственные, но вѣдь есть же причина, почему, во-первыхъ, высшія стремленія духа въ этихъ блистательнѣйшихъ представителяхъ жизни духа на Западѣ, въ этихъ великихъ міровыхъ силахъ, всегда являлись чѣмъ-то враждебнымъ условіямъ окружавшаго ихъ общежитія и почему, съ другой стороны, враждебное отношеніе къ неправдѣ жизни не имѣетъ у нихъ возможности возвыситься до комизма, почему, напримѣръ, Шиллеръ вмѣсто того, чтобы, какъ нашъ Гоголь въ „Ревизорѣ“, смѣлою кистью начертать картину попіющихъ неправдъ жизни, предпочитаетъ возстать на зло—закономъ же, на безнравственность безнравственностью же, на мѣщанство—страшною утопіею „разбойниковъ“. Si ferrum non sanat, ignis sanat! И замѣтьте, что тотъ же самый образъ, который Шиллеръ осуществилъ сначала въ разбойникѣ Моорѣ, является потомъ въ свѣтлыхъ призракахъ Позы, Іоганны и Телля; есть причина, почему Гёте вмѣсто того, чтобы просто насмѣяться въ комической картинѣ надъ мѣщанской нѣмецкой семейностью, какъ напримѣръ, насмѣялся надъ семейнымъ безобразіемъ самодурства Островскій во имя высшаго идеала семейственности,—Гёте, говорю я, создаетъ утопію въ своихъ „Wahlverwandschaften“, а въ этой утопіи еще до Занда возстаетъ на святость и незыблемость семейныхъ узъ вообще. Комизмъ есть отношеніе высшаго къ низшему, отношеніе къ неправдѣ съ смѣхомъ, во имя оскорбляемой ею и твердо

сознаваемой поэтомъ правды. Когда Гоголь, напримѣръ, казнитъ взяточничество,—вы не бойтесь за комика, чтобы у него съ взяточничествомъ или развратомъ было что либо общее: по Гёте, враждебно относящійся къ мѣщанской нравственности, и самъ часто впадаетъ въ нее въ своемъ Вильгельмѣ Мейстерѣ; а Шиллеръ только по высотѣ отвлеченныхъ идеаловъ уберегаетъ себя отъ паденія. Но Байронъ, съ сатаническимъ хохотомъ и съ глубокою тоскою обоготворяющій эгоизмъ, тѣмъ не менѣе обоготворяетъ его, т.-е. не можетъ подняться выше этого эгоизма поэтическимъ созерцаніемъ; велика еще заслуга его и въ томъ, что, обоготворяя идолъ, онъ плачетъ о необходимости обоготворенія, язвительно хохочетъ и надъ жизнью, и надъ самимъ собою, обоготворителемъ идола. Въ немъ все-таки глубоко чувство правды, чувство поэзіи!—Я положилъ и положилъ, кажется, правильно различіе между Байрономъ и байронизмомъ, обозначивши дѣйствіе сего послѣдняго, какъ повѣтрія, пожравшаго силы, зловѣщаго сіянія, перелетѣвшаго съ головы Байрона на головы двухъ байроничковъ весьма даровитыхъ, Мюссе и Гейне, изъ которыхъ первый замѣчателенъ въ высокой степени искренностью и обиліемъ казни надъ самимъ собою, а другой фальшивостью непостижимою, возведенною въ принципъ и погубившею необузданно страстную натуру Полежаева. Что касается до Лермонтова, въ которомъ байронизмъ воплотился въ высшей степени ярко, то прежде всего въ жизни, въ которой онъ явился, онъ не представляетъ того значенія, какое имѣлъ Байронъ въ отношеніи къ жизни, которой онъ былъ отразителемъ. Лермонтовъ не болѣе какъ случайное повѣтріе, миражъ иного, чуждаго міра; правда его поэзіи есть правда жизни мелкой по объему и значенію, теряющейся въ безбрежномъ морѣ народной жизни: казнь, совершаемая этою, все-таки поэтическою правдою надъ маленькимъ муравейникомъ, въ отношеніи къ которому она справедлива, имѣетъ сколько-нибудь общее значеніе только, какъ казнь одинокаго отношенія этого муравейника: весь Лермонтовъ и вся его правда—въ горестныхъ созданіяхъ, что:

Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда.

что:

Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой,

что:

...не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть,

что, наконецъ, для него:

...жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,
Такая пустая и глупая шутка.

Горе или, лучше сказать, отчаяніе, вслѣдствіе сознанія своего одиночества, своей разъединенности съ жизнью; глубочайшее презрѣніе къ мелочности той жизни, которою создано одиночество, вотъ правда Лермонтовской поэзіи, вотъ въ чемъ сила и искренность ея стоновъ... Если бы Пушкинъ остался подъ искусственными вліяніями, тяготѣющими надъ первыми его вдохновеніями, онъ впалъ бы въ то же мрачное отчаяніе; если бы, съ другой стороны, Лермонтовъ не былъ постигнутъ общею трагическою участью русскихъ поэтовъ, онъ оправдалъ бы собственныя предчувствія о томъ, что онъ

Не Байронъ, а другой
Еще невѣдомый избранникъ.

И въ немъ, вѣроятно, какъ справедливо сказалъ Гоголь, готовился одинъ изъ великихъ живописцевъ роднаго быта. Не даромъ же, по собственному сознанію, „любилъ онъ родину“, „по странною любовью, не побѣдитъ ея разсудокъ мой“. Говорить о Лермонтовѣ, какъ о русскомъ Байронѣ, нѣтъ никакой возможности серьезно: стоитъ только приложить байронизмъ къ той пошлой свѣтской сферѣ, въ которой, къ сожалѣнію, вращался нашъ поэтъ, чтобы дѣло приняло оборотъ комическій: стоитъ, напримѣръ, представить себѣ типъ женскій, къ которому обращены слѣдующія строки:

Въ толпѣ другъ друга мы узнали,
Сошлись и разошлися вновь.

Или другой, который опоэтизированъ такъ:

Ей нравиться долго нельзя,
Какъ цѣпь, ей несносна привычка.
Она ускользнетъ какъ змѣя,
Порхнетъ и умчится какъ птичка.

Стоитъ представить только эти типы осуществленными въ кругѣ Лермонтовскаго муравейника, въ жалкой свѣтской дѣйствительности, и взглянуть на нихъ съ высоты идеаловъ, цѣлостно и свято хранимыхъ въ великой, не муравейной средѣ жизни, чтобы эти типы тотчасъ же развѣнчать, назвать прямо по имени и поставить на настоящее мѣсто въ комическомъ свѣтѣ. Печоринъ, какъ только вышелъ изъ Лермонтовской рамки, чрезвычайно искусной, тотчасъ

сталъ въ Тамаринѣ [1]) фигурою комическою. Съ образами Байрона вы ничего подобнаго не сдѣлаете, ибо если вы сведете ихъ съ пьедесталовъ, такъ нечего будетъ поставить на ихъ мѣсто: они точно крайнія грани общественности, ея поэтическія верхушки.

Но представьте себѣ Байроновскія требованія души, очевидныя въ Лермонтовскихъ юношескихъ образахъ, подъ гнетомъ ли или на дикомъ просторѣ развившіяся противообщественныя стремленія, въ столкновеніи съ нашимъ лицевымъ общежитіемъ и притомъ съ условнѣйшею изъ миражныхъ сферъ этого сверху сложившагося общежитія, съ искусственнѣйшею изъ нихъ, съ сферою свѣтскою. Если эти стремленія точно то, за что они выдаютъ себя, или, лучше сказать, чѣмъ они сами себѣ кажутся, то они *совсѣмъ* противообщественныя стремленія, совсѣмъ, а не только въ условномъ смыслѣ противообщественныя — и паденіе или казнь ждутъ ихъ неминуемо. Мрачныя, зловѣщія предчувствія такого страшнаго исхода отражаются во многихъ изъ лирическихъ стихотвореній поэта и въ особенности въ стихотвореніи:

Не смѣйся надъ моей пророческой тоской,
Я знаю: ударъ судьбы меня не обойдетъ, и проч.

Если же въ этихъ стремленіяхъ есть извѣстная натяжка, извѣстная напряженность, то первое, что̀ закрадется въ душу человѣка, тревожимаго ими, будетъ, конечно, сомнѣніе; но на первый разъ еще не истинно разумное сомнѣніе въ законности произвола личности, а только сомнѣніе въ силѣ самой личности.

Вглядитесь внимательнѣе въ эту пелѣную, съ дѣтской небрежностью набросанную, хаотическую драму „Маскарадъ“, и первый, но уже очевидный слѣдъ такого сомнѣнія увидите вы въ лицѣ князя Звѣздича, котораго баронесса, одна изъ героинь драмы, опредѣляетъ такъ:

Безнравственный, безбожный,
Себялюбивый, злой — но слабый человѣкъ.

Въ очеркѣ Звѣздича выразилась минута первой схватки разрушительной личности съ условнѣйшею изъ сферъ общежитія,— схватки, которая кончилась не къ чести дикихъ требованій и необъятнаго самолюбія. Слѣды этой же первой эпохи, породившей разувѣреніе въ собственныхъ силахъ, отпечатлѣлись во множествѣ

[1]) Герой одноименнаго романа М. В. Авдѣева. *Примѣч. В. С.*

стихотвореній, изъ которыхъ одни замѣчательны наиболѣе по извѣстной строфѣ, вполнѣ опредѣляющей минуту подобнаго душевнаго настройства:

Любить! Но кого же? на время—не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно!
Въ себя ли заглянешь,—тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда,
И радость, и горе, и все такъ ничтожно.

И много неудавшихся Арбениныхъ, оказавшихся при столкновеніи съ условною свѣтскою сферою жизни Соллогубовскими Леонинами, отозвались на эти строки горькаго, тяжелаго разубѣжденія: одни только Звѣздичи собою совершенно довольны.

Между тѣмъ лицо Звѣздича и нѣсколько подобныхъ стихотвореній — это тотъ пунктъ, съ котораго въ натурѣ нравственной т.-е. крѣпкой и цѣльной, должно начаться правильное, т.-е. *комическое* и притомъ безпощадно комическое отношеніе къ дикому произволу личности, оказавшемуся несостоятельнымъ.

Но до комическаго отношенія Лермонтовъ еще не дошелъ. Ему надобно было окончательно раздѣлаться съ давившимъ его образомъ, окончательно свести его въ общежитейскія формы, и вотъ, все еще поэтизируя его, онъ создалъ Печорина.

Въ сущности, что такое Печоринъ? Смѣсь Арбенинской необузданности съ свѣтскою холодностью и безсовѣстностью Звѣздича, или пожалуй, опоэтизированный и „приподнятый“ Звѣздичъ. Первоначальный, незрѣлый очеркъ Звѣздича показываетъ между тѣмъ однако, что въ Лермонтовѣ сидѣлъ тоже своего рода Иванъ Петровичъ Бѣлкинъ, который рано или поздно сперва „убоялся“ мрачнаго Сильвіо, потомъ пожалуй „продернулъ“ бы критикой простого здраваго смысла и провѣрилъ бы простымъ чувствомъ колоссальный образъ Демона.

Но о томъ, что *было бы*, разсуждать довольно смѣшно. Въ томъ, что осталось намъ отъ Лермонтова, мы видимъ еще только тревожныя и бунтующія начала, ищущія опредѣленнаго воплощенія въ образы.

Пояснить *однимъ* Байрономъ и *однимъ* вѣяніемъ байронизма крайнее развитіе этихъ тревожныхъ началъ въ поэзіи Лермонтова невозможно.

Кромѣ того, что эти тревожныя начала не чужды вообще нашей народной сущности, они въ особенности бушевали въ ту эпоху, которой Лермонтовъ былъ завершителемъ: въ эпоху нашего русскаго романтическаго броженія.

III.

НАШЪ РОМАНТИЗМЪ.

„*Романтизмъ* — писалъ Бѣлинскій въ заключительной статьѣ „Литературныхъ мечтаній“ — „вотъ первое слово, огласившее Пушкинскій періодъ; *народность* — вотъ альфа и омега новаго періода“.

Чтобы понять это раздѣленіе эпохъ, дѣлаемое Бѣлинскимъ, должно припомнить факты, о которыхъ уже говорилъ я въ одной изъ предшествовавшихъ статей.

Время, въ которое писалъ Бѣлинскій свои „Литературныя мечтанія“, было временемъ господства историческаго повѣтрія въ литературѣ.

Это была эпоха „историческихъ“ романовъ, выходившихъ дюжинами въ мѣсяцъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ,— романовъ, въ которыхъ большею частію изображенія предковъ были прямо списаны съ кучеровъ ихъ потомковъ, которыхъ *народность* заключалась только въ разговорахъ ямщиковъ, да и то еще подслушанныхъ и переданныхъ невѣрно и не свободно, а *историческое* заключалось въ описаніяхъ старыхъ боярскихъ одеждъ и вооруженій, да столовъ и кушаній, въ которыхъ *оригинальна* была только дерзость авторовъ, изображавшихъ съ равною безцвѣтностью всякую эпоху нашей исторіи... Разумѣется, что я говорю это не о романахъ Загоскина, не о романахъ Полевого, которыхъ никакъ не слѣдуетъ ставить на одну доску съ его драмами, этими несчастными плодами несчастной эпохи его дѣятельности, и въ особенности не о романахъ Лажечникова. Это были блестящія исключенія, хотя, надобно сказать правду, только даровитость и какая-то оригинальная задушевность тона выкупаютъ романы Загоскина; только смѣлыя замашки, только стремленія къ проведенію новыхъ историческихъ мыслей, вѣрныхъ или невѣрныхъ, но во всякомъ случаѣ имѣвшихъ отрицательное значеніе, сообщаютъ нѣкоторую жизнь „Симеону Кирдяпѣ“, „Клятвѣ при гробѣ Господнемъ“, и другимъ попыткамъ Полевого, который вовсе не былъ рожденъ творцомъ и художникомъ, и только романы Лажечникова остались и уцѣлѣли для насъ, со всѣми ихъ огромными, пожалуй, недостатками, но и огромными достоинствами... Все же остальное вполнѣ стоило нападокъ Бѣлинскаго. Писались, или лучше сказать фабриковались эти штуки по извѣстнымъ рецептамъ: московскія издѣлія по Загоскинскимъ, петербургскія по Булгаринскимъ.

Кромѣ того историческое повѣтріе ударилось и въ другую область, въ драму. На сценѣ постоянно горланилъ и хвасталъ Ляпуновъ, кобенился Мининъ въ видѣ Дѣвы Орлеанской, и поистинѣ въ грязь стаскивались эти великія и доблестныя тѣни. Опять должно и тутъ исключить нѣсколько попытокъ Хомяковскихъ, не смотря на ихъ странный въ приложеніи къ нашему быту, Шиллеровскій лиризмъ, подававшій поводъ къ правдивымъ и язвительнымъ насмѣшкамъ,—да пожалуй Погодинскихъ, хотя менѣе всего къ художеству способенъ достопочтенный нашъ историкъ, и только глубокое знаніе, столь же глубокое чутье историческое и пламенная любовь къ быту предковъ, подкупали въ отношеніи къ его драмамъ небольшой кругъ друзей, между прочимъ Пушкина, который вовсе не иронически писалъ къ нему извѣстное письмо объ его „Марѳѣ-Посадницѣ“. Замѣчательный фактъ, что Хомяковскія и Погодинскія попытки, т.-е. единственные остатки историко-драматическаго повѣтрія, о которыхъ можно вспомнить съ нѣкоторымъ уваженіемъ, не пользовались въ то время никакимъ успѣхомъ; на сценѣ свирѣпствовали Ляпуновы и ломались Мининны...

Таково было состояніе литературы, которое Бѣлинскій охарактеризовалъ, какъ стремленіе къ народности, и отдѣлилъ отъ прежняго, отъ стремленія романтическаго. Прежде всего самое отдѣленіе такое было неправильно. Эпоха была и долго еще оставалась романтическою; самъ Бѣлинскій былъ еще въ то время романтикомъ и потому-то впослѣдствіи, разъяснивши себѣ окончательно вопросы, всю свою энергическую вражду обратилъ онъ на романтизмъ, преслѣдуя и бичуя его нещадно... Но понятіе о романтизмѣ — до сихъ поръ столь мало разъясненное понятіе, что и воюя съ романтизмомъ, Бѣлинскій долго еще былъ романтикомъ, только въ другой кожѣ, да едва ли и переставъ быть имъ до конца своего поприща. Нѣтъ по крайней мѣрѣ сомнѣнія, что Бѣлинскій второй эпохи своего развитія, т.-е. развитія нашего общаго критическаго сознанія — эпохи и „Наблюдателя“ зеленаго цвѣта, и „Отечественныхъ Записокъ“ 1839 г., былъ романтикомъ гегелизма и съ наивно-страстною энергіею бичевалъ въ себѣ и во всѣхъ романтика старой формы, романтика французскаго романтизма.

Да и что называть романтизмомъ, мы доселѣ еще едва ли можемъ дать себѣ ясный и окончательный отчетъ.

Поэзія Жуковскаго — романтизмъ.

Гюго — романтикъ.

Полежаевъ и Марлинскій — романтики.

Гамлетъ Полевого и Мочалова—романтикъ.

А Кольцовъ развѣ не романтикъ? А Лермонтовъ въ Арбенинѣ и Мцыри, развѣ не романтикъ?

Все это романтизмъ, и все это весьма различно, такъ различно, что не имѣетъ никакихъ связующихъ пунктовъ.

Романтическое въ искусствѣ и въ жизни на первый разъ представляется отношеніемъ души къ жизни несвободнымъ, подчиненнымъ, несознательнымъ, а съ другой стороны, оно же, это подчиненное чему-то отношеніе, есть и то тревожное, то вѣчно-недовольное настоящимъ, что живетъ въ груди человѣка и рвется на просторъ изъ груди, и чему недовольно цѣлаго міра,—тотъ огонь, о которомъ говоритъ Мцыри, что онъ

отъ юныхъ дней
Таясь жилъ въ груди моей...
И онъ прожогъ свою тюрьму.

Начало это несвободно, потому что оно стихійно, но оно же, тревожное и кипящее, служитъ толчкомъ къ освобожденію человѣческаго сознанія отъ всего стихійнаго; оно же разрушаетъ кумиры темныхъ боговъ, хотя подчинено имъ еще само, и подчинено потому, что слишкомъ хорошо помнитъ, еще чувствуетъ на себѣ ихъ силу и вліяніе, но само въ то же время есть вѣяніе. Романтическое такого рода было и въ древнемъ мірѣ, и Шатобріанъ, одинъ изъ самыхъ наивныхъ романтиковъ, чутьемъ романтика отыскиваетъ романтическія вѣянія въ древнихъ поэтахъ; романтическое есть и въ средневѣковомъ мірѣ, и въ новомъ мірѣ, и въ стремленіяхъ Гётевскаго Фауста, и въ лихорадкѣ Байрона, и въ судорогахъ французской словесности тридцатыхъ годовъ. Романтическое является во всякую эпоху, только что вырвавшуюся изъ какого-либо сильнаго моральнаго переворота, въ переходные моменты сознанія.

Я упомянулъ имя Шатобріана—и въ самомъ дѣлѣ, это одинъ изъ самыхъ характеристическихъ представителей одной стороны романтическаго вѣянія, и та страница въ его „Mémoires d'outre-tombe", гдѣ онъ называетъ себя предшественникомъ Байрона, не покажется нисколько хвастовствомъ тому, кто читалъ „Начезовъ", „Рене", „Аталу". Что такое „Рене", какъ не исповѣдь самого Шатобріана? Сквозь всю шумиху фразъ и старыхъ формъ, затрудняющихъ для читателей новаго времени чтеніе поэмы „Начезы",

не прорывается ли тотъ недугъ de la mélancolie ardente, который, конечно, не въ одинаковой степени, грызъ и автора „Генія христіанства", и автора „Чайльда Гарольда"? Что такое Рене, какъ не болѣзненный первенецъ XIX вѣка, получившій въ наслѣдіе безотрадный скептицизмъ, не совладѣвшій съ нимъ и не усвоившій, какъ Байронъ, рокового наслѣдства, а бросившійся напротивъ съ отчаянія въ обожаніе разрушающихся, но величавыхъ старыхъ формъ? Что такое Рене, какъ не тотъ же Корсаръ и Лара, только не переступившій страшной бездны, въ которую они ринулись, а остановившійся передъ нею въ болѣзненномъ недоумѣніи? А помните ли вы исповѣдь Эдора въ „Les Martyrs"—единственный, но зато истинно-поэтическій оазисъ этого надутаго романа? Надъ этимъ отрывкомъ носится романтическое вѣяніе переходныхъ эпохъ. Въ тяжкой скорби, терзающей героя, въ безсознательномъ пресыщеніи жизнью его и всѣхъ лицъ его окружающихъ, въ безумно-лихорадочномъ порывѣ страсти къ Велледѣ, пробивается тотъ же романтическій недугъ, то же тревожное начало, которое равно способно и къ плачу по старомъ мірѣ, и къ его разрушенію, только неспособно ни къ какому созиданію. Поэтому-то у Шатобріана есть страшное чутье на открытіе романтической струи повсюду; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только развернуть на любой страницѣ второй томъ „Génie du Christianisme", гдѣ подмѣчаетъ онъ порывы романтическіе у Виргилія, ищетъ романтической струи въ самой Одиссеѣ Гомера, ищетъ только этой одной струи, надобно прибавить, указываетъ на нее всегда правильно и ею только въ состояніи отъ души увлекаться.

Зачѣмъ же, спрашивается, назвали *романскимъ* это начало, стихійное и тревожно-лихорадочное, которое было общее многимъ эпохамъ, и, вѣроятно, будетъ общее многимъ другимъ, этотъ озноб и жаръ съ напряженнымъ біеніемъ пульса, который равно болѣзненъ, окажется ли онъ сладкою, но все-таки тревожною и разъѣдающею мечтательностью Жуковскаго, тоскою ли по прошедшемъ Шатобріана, мрачнымъ ли и сосредоточеннымъ отрицаніемъ Байрона, безтрепетно ли роющимся вглубь жизни и души анализомъ другого великаго и равнаго Байрону поэта Гюго, лихорадкою ли литературы тридцатыхъ годовъ, борьбою ли съ этимъ началомъ свѣтлой и ясной Пушкинской натуры, подчиненіемъ ли ему до моральнаго уничтоженія натуръ Марлинскаго и Полежаева, Мочаловскими ли созданіями, воплями ли Огаревскихъ „монологовъ", или

Фетовскими странными, но для души ясными намеками на какіе-то звуки, которые

Льнутъ къ моему изголовью,
Полны они томной разлуки
Дрожатъ небывалой любовью;

которые

Такъ томно и грустно-небрежно,
Въ свой міръ разцвѣченный уносятъ,
И ластятся къ сердцу такъ нѣжно,
И такъ умилительно просятъ...

Зачѣмъ же назвали, говорю я, исключительно *романскимъ* это начало, которое столь же, если не болѣе свойственно и нашей русской природѣ, которое не разъ закружывало эту природу до безвыходной хандры, до Лермонтовскаго ожесточенія и зловѣщихъ предчувствій, до Тургеневскаго раздвоенія и разслабленія, а въ сферахъ болѣе грубыхъ до Полежаевскаго цинизма и до запоя Любима Торцова?..

Неудачное названіе придумано въ неудачную эпоху—въ эпоху такъ называемой романтической реакціи, доходившей въ Германіи, страхъ послѣдовательности логическаго мышленія, до безумствъ „Доктора любви" Захарія Вернера и до католическаго отупѣнія братьевъ Шлегелей!.. Въ этой своей формѣ—въ формѣ тоски по прошедшемъ, доходящей до кукольной комедіи въ отношеніи къ прошедшему, романтизмъ намъ мало свойственъ. Самое наше славянофильство далеко не то, что романтизмъ Гёрреса и братьевъ Шлегелей, ибо подъ формами его таится нѣчто живое, нѣчто иное, ибо иная была наша историческая судьба, и иное вслѣдствіе того возникло у насъ отношеніе къ нашему прошедшему.

Поэзія Жуковскаго, не смотря на великій талантъ Жуковскаго, мало привилась въ нашей жизни. Поэтъ остался для насъ дорогъ, какъ поэтъ истинный, но тихо-грустное вѣяніе его нѣженей, туманныя порыванія вдаль встрѣтили себѣ отпоръ въ нашемъ здоровомъ юморѣ, или тотчасъ же доведены были до послѣднихъ границъ смѣшного русскою послѣдовательностью, дошли до комическаго въ *наивныхъ* повѣстяхъ, романахъ и драмахъ Полевого, котораго „Блаженство безумія", „Аббадона" и „Уголино", въ этомъ отношеніи факты драгоцѣннѣйшіе.

Крайность развитія этой стороны романтизма необходимо вызвала и реакцію.

Было время и притомъ очень недавнее, когда все романтическое безъ различія клеймилось насмѣшкою, когда мы всѣ пытались казнить въ себѣ самихъ то, что называлось нами романтизмомъ, и что гораздо добросовѣстнѣе будетъ называть началомъ тревожнаго порыванія, тревожнаго стремленья, соединеннаго съ давленіемъ и гнетомъ разрушеннаго, но еще памятнаго, еще вліяющаго прошедшаго. Анализируя безтрепетно самихъ себя, мы дошли наконецъ до судорожнаго и болѣзненнаго смѣха Тургеневскаго Гамлета Щигровскаго уѣзда надъ тревожнымъ порываніемъ, до совершеннаго невѣрія въ тревожное начало жизни, къ которому приводилъ анализъ Толстого, до попытокъ положительныхъ успокоеній, которыя выражали собою комедіи Островскаго... На чемъ же разрѣшился процессъ нашъ? Казнь романтизма, повсюду совершавшаяся во все это время въ общемъ мышленіи и отражавшаяся во всей современной литературѣ, кончается однако вовсе не такъ рѣшительно, какъ она начиналась. Часто и въ самое продолженіе борьбы эта казнь представляла извѣстное изображеніе змѣя, кусающаго собственный хвостъ, т.-е. конецъ анализа бывалъ часто поворотомъ къ началу; притомъ же весьма у немногихъ изъ насъ доставало послѣдовательности, на основаніи вражды къ тревожному началу, взглянуть какъ на незаконныя, на многія сочувствія, въ которыхъ мы воспитались. *Храбрыхъ* въ этомъ дѣлѣ нашлось, повторяю, немного, а тѣмъ, которые нашлись, храбрость ровно ничего не стоила, т.-е. они по натурѣ лишены были органовъ для пониманія того, съ чѣмъ другимъ тяжело было разставаться. Многіе храбрились сначала, а потомъ рѣшительно теряли храбрость и возвращались потихоньку къ незаконнымъ сочувствіямъ. Тургеневъ принялся было казнить Рудина, а въ эпилогѣ круто поворотилъ къ апооеозѣ. Голоса, вопіявшіе на Лермонтова за то, что онъ мало уважаетъ своего „Максима Максимыча“, нашли мало сочувствія. Толстой, сохраняя всю силу своего безтрепетнаго анализа, впалъ въ переходную, конечно, мы на это крѣпко надѣемся, но тѣмъ не менѣе очевидную апатію мышленія. Писемскій тщетно пытался опоэтизировать точку зрѣнія на жизнь губернскаго правленія: ни сила таланта, ни правда манеры, ни новость пріемовъ не спасли отъ анти-поэтической сухости его большія, стремившіяся къ цѣлости произведенія.

Въ жару борьбы мы забыли многое, что романтизмъ намъ далъ: мы, какъ и самъ выразитель нашего критическаго сознанія, Бѣ-

линскій, осудили самымъ строгимъ судомъ, предали анаѳемѣ *тридцатые* годы нашей литературы.

У насъ въ эти годы, за исключеніемъ Пушкина и нѣсколькихъ лириковъ его окружавшихъ, было, конечно, немного. Представителями романтизма съ его тревожной стороны были Марлинскій, Полежаевъ и въ особенности Лажечниковъ. Былъ еще представитель могущественный, чародѣй, который творилъ около себя міры однимъ словомъ, однимъ дыханіемъ, но отъ него кромѣ вѣянія этого дыханія ничего не осталось,—и такъ еще мало отвыкли мы отъ казенщины и рутинности въ пріемахъ, что о немъ какъ-то странно говорить, говоря о писателяхъ, о литературѣ. Я разумѣю Мочалова, великаго актера, имѣвшаго огромное моральное вліяніе на все молодое поколѣніе тридцатыхъ годовъ, великаго выразителя, который былъ гораздо больше почти всего имъ выражаемаго,—Мочалова, слѣдъ котораго остался только въ памяти его поколѣнія, да въ пламенныхъ и высокопоэтическихъ страницахъ Бѣлинскаго объ игрѣ его въ Гамлетѣ. Единственный человѣкъ, который въ ту эпоху сталъ съ Мочаловымъ въ уровень богатствомъ романтическихъ элементовъ въ душѣ, Лажечниковъ, не давалъ ему никакой пищи, потому что писалъ романы, а не драмы: эпохи новой, эпохи типовъ геніальный выразитель не дождался, и онъ творилъ изъ самыхъ бѣдныхъ матеріаловъ, творилъ, влагая въ скудныя формы свое душевное богатство.

Для людей, отвыкшихъ отъ казенщины въ мысли и чувствѣ, будетъ поэтому нисколько не странно, что имя трагика Мочалова попало въ критическую статью о литературѣ: это сдѣлалось по тому же самому, почему имя Грановскаго, оставившаго по себѣ очень скудные письменные, литературные слѣды, займетъ самое значительное мѣсто въ очеркахъ другой литературной эпохи, тогда какъ множество много-писавшихъ господъ будутъ упомянуты только по именамъ. Какъ съ *Грановскимъ* сливается цѣлое жизненное воззрѣніе, цѣлое направленіе дѣятельности, такъ съ *Мочаловымъ* сливается эпоха романтизма въ мысли, романтизма въ искусствѣ, романтизма въ жизни—и если пришлось говорить о романтизмѣ, то нельзя миновать его имени.

Бѣлинскій, какъ воплощенное критическое сознаніе эпохи, можетъ-быть, сильнѣе всѣхъ подвергался вліянію этой стороны романтическаго вѣянія. Можно сказать, что оно наполняло всю его страстную душу въ періодъ отъ 1834 года, отъ ряда статей: „Ли-

тературныя мечтанія", до 1838 года, когда онъ въ „Наблюдателѣ" зеленаго цвѣта снѣлъ ему послѣднюю прощальную нѣжно въ страстныхъ и великолѣпныхъ статьяхъ „о Гамлетѣ и игрѣ въ немъ Мочалова", на половину уже впрочемъ пропитанныхъ мистическимъ гегелизмомъ, т.-е. новымъ видомъ романтизма.

Это „романтическое вѣяніе", съ одной стороны, пришло къ намъ извнѣ, но, съ другой стороны, нашло въ насъ самихъ, въ нашей натурѣ готовыя данныя къ его воспріятію. Тяжкую борьбу выдержала съ этимъ бурнымъ вѣяніемъ великая натура Пушкина. Но то, что одолѣлъ Пушкинъ, надъ чѣмъ сталъ онъ властелиномъ, что привелъ въ мѣру и гармонію, то другихъ, менѣе сильныхъ, закружпвало въ какомъ-то угарѣ—и сколько жертвъ пало закруженныхъ этимъ вихремъ: Марлинскій, Полежаевъ, Владиміръ Соколовскій, самъ Мочаловъ, Іеронимъ Южный... Есть книги, которыя представляютъ собою для наблюдателя нравственнаго міра такой же интересъ многоговорящей уродливости, какъ остатки допотопнаго міра для геолога. Такая книга, напримѣръ, весь Бестужевъ (Марлинскій) съ шумихой его фразъ, съ насильственными порывами безумной страстности—совершенно ненужными, потому что у него было достаточно настоящей страстности, съ дѣтскими промахами и широкими замашками, съ зародышами глубокихъ мыслей... Его уже нельзя читать въ настоящую эпоху—потому что онъ и въ своей-то эпохѣ промелькнулъ метеоромъ; но тѣ элементы, которые такъ дико бушуютъ въ „Амалатъ-бекѣ", въ его безконечно тянувшемся „Мулла Нурѣ", вы ими же, только сплоченными могучею властительною рукою художника, любуетесь въ созданіяхъ Лермонтова.

Отношеніе Бѣлинскаго къ этому, въ 1834 году еще модному, еще любимому писателю истинно изумительно и наводитъ на многія размышленія. Оцѣнка Марлинскаго Бѣлинскимъ въ „Литературныхъ мечтаніяхъ" несравненно выше и вѣрнѣе оцѣнки Марлинскаго имъ же въ „Отечественныхъ Запискахъ" сороковыхъ годовъ. Въ ней дорого то, что Бѣлинскій тутъ еще самъ романтикъ—да и какой еще! романтикъ французскаго романтизма! тогда какъ въ сороковыхъ годахъ, перешедши горнило гегелизма правой стороны и отринувши эту форму—онъ уже относится къ Марлинскому съ слишкомъ отдаленной и эпохѣ Марлинскаго чуждой высоты требованій.

Къ этой оцѣнкѣ почти нечего прибавить и въ наше время, какъ

къ чисто-художественной; слѣдуетъ только посмягчить ее тамъ, гдѣ наше сознаніе выросло до болѣе яснаго разумѣнія. По общій тонъ ея до сихъ поръ и вѣренъ и дорогъ, несмотря на то, что Бѣлинскій является здѣсь фанатическимъ поклонникомъ лицъ, подобныхъ Феррагюсу и Монриво [1]), и что самъ онъ потомъ съ такою же наивною яростью преслѣдовалъ поклоненіе этимъ призракамъ, перепося озлобленіе неофита гегелиста на всю французскую литературу...

Вотъ этотъ фактъ, этотъ быстрый переворотъ, совершившійся въ Бѣлинскомъ, въ представителѣ критическаго сознанія цѣлой эпохи, и важенъ въ высочайшей степени. Мнѣ замѣтятъ, что Пушкинъ никогда не увлекался юной французской словесностью, а умѣлъ между тѣмъ оцѣнить въ ней перлъ даровашія А. де Мюссе,—но Пушкинъ пережилъ уже тревожное вліяніе поэзіи, поэзіи Байрона—и юная французская словесность застала его уже въ зрѣлую эпоху развитія. Мнѣ замѣтятъ, что И. В. Кирѣевскій, авторъ перваго философскаго взгляда на нашу литературу, остался чуждъ этому вліянію, равно какъ и его кружокъ; но Кирѣевскій и его кружокъ были чистые теоретики, таковыми остались и такими окончательно являются. На натуры живыя, подобныя натурамъ Надеждина и Бѣлинскаго, это вѣяніе должно было сильно подѣйствовать. На натуры, богато одаренныя художественными силами, но недостаточно зрѣлыя, какъ натура Полежаева, или недостачно гармоническія, какъ натура Лажечникова, это вѣяніе опять-таки должно было дѣйствовать сильно. Кто изъ насъ, дѣтей той эпохи, ушелъ изъ-подъ этого вѣянія?

Тѣмъ болѣе, что вліяніе-то было сильное. Вѣдь „Notre-Dame“ Виктора Гюго расшевелила даже старика Гёте—и понятно почему: на что онъ слегка намекнулъ въ своей „Миньонѣ“, то геніальный уродъ, какъ долго титуловали мы великаго поэта, развилъ до крайнихъ предѣловъ поэтическаго въ своей Эсмеральдѣ! Вѣдь и теперь еще надобно большія, напряженныя усилія дѣлать надъ собою, чтобы начавши читать „Notre Dame“, не забрести, искренно не забрести вмѣстѣ съ голоднымъ поэтомъ Пьеромъ Гренгуаромъ за цыганочкой и ея козочкой въ Cour des miracles; не увлечься потомъ до страстнаго сочувствія судьбою бѣдной мушки, надъ которой вьетъ сѣть злой паукъ-судьба; не проклинать этого

[1]) Герои романовъ Бальзака. *Примѣч. В. С.*

злого паука съ другою его жертвою, Клавдіемъ Фролло: удержаться отъ головокруженія и проч. и проч. И вѣдь право, тотъ лирическій восторгъ, съ которымъ одинъ изъ нашихъ тогдашнихъ путешественниковъ, нынѣ едва ли помнящій или даже можетъ-быть постаравшійся забыть эти впечатлѣнія, описывалъ въ „Телескопѣ“ свое восхожденіе на башни „Notre-Dame“ и свое свиданіе съ В. Гюго, гораздо понятнѣе той принужденной и сочиненной холодности или того величественнаго презрѣнія, съ которымъ долго говорили мы о геніальномъ произведеніи и о самомъ геніальномъ поэтѣ. Да и не Гюго одинъ; въ молодыхъ повѣстяхъ, *безнравственныхъ* драмахъ А. Дюма, размѣнявшагося впослѣдствіи на „Монте-Кристо“ и „Мушкатеровъ“, бьетъ такъ лихорадочно пульсъ, клокочетъ такая лава страсти, хоть-бы въ маленькомъ разсказѣ: „Маскерадъ“ или въ драмѣ „Антони“ (а надобно припомнить еще, что въ „Антони“ мы видѣли Мочалова — да и какого Мочалова!) что потребна и теперь особенная крѣпость нервовъ для того, чтобы эти вѣянія извѣстнымъ образомъ на насъ не подѣйствовали. Скажу болѣе — они, эти вѣянія, должны были быть пережиты всѣ, отъ романовъ Гюго до „Мертваго осла и обезглавленной женщины“ Ж. Жанена... Эти вѣянія отразились и притомъ отразились двойственно, созидательно—съ одной стороны, и разрушительно—съ другой, на дѣятельности полнѣйшей и даровитѣйшей художнической натуры тридцатыхъ годовъ — *Лажечникова*.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что перейдя бездну, лежащую между написанными въ Карамзинскомъ духѣ „Воспоминаніями офицера“ и послѣдующими романами, натура, богатая безсознательнымъ чутьемъ, женственно-страстною впечатлительностью, но положительно лишенная самообладанія, Лажечниковъ, подъ вліяніемъ вѣянія возвысившійся до „Ледянаго дома“ и „Бусурмана“, переживши вѣяніе, отдавши ему дань—упалъ до „Бѣленькихъ и черненькихъ“, до драмы „Еврейка“ и проч.

Поразительнѣйшее явленіе этотъ огромный талантъ безъ всякаго мѣрила, въ которомъ романтизмъ получилъ русскій характеръ,—талантъ, могущественный до созданія истинно-народныхъ типовъ и безтактно сопоставляющій съ этими типами фигуры сумасбродныхъ художниковъ à la Кукольникъ, сладкихъ мечтателей à la Полевой. Но о немъ и его значеніи уже достаточно говорилъ я во второй главѣ моего изслѣдованія.

Другимъ яркимъ представителемъ этой эпохи былъ Полежаевъ, великое, погибшее дарованіе, о которомъ уже говорено въ этой статьѣ по поводу байронизма и о которомъ еще болѣе необходимо говорить, когда начинаешь вести рѣчь о нашемъ романтическомъ броженіи.

Въ самомъ дѣлѣ, вглядитесь пристальнѣе въ ту поэтическую физіономію, которая встаетъ изъ-за отрывочныхъ, часто небрежныхъ, но мрачныхъ и пламенныхъ нѣсенъ Полежаева, и вы признаете то лицо, которое устами Арбенина говоритъ:

На жизни я своей узналъ печать проклятья,
И холодно закрылъ объятья
Для чувствъ и счастія земли.

Только Лермонтовъ уже прямо и безтрепетно начинаетъ съ того, чѣмъ безнадежно и отчаянно кончилъ Полежаевъ,—съ положительной невозможности процесса нравственнаго возрожденія. О чемъ Полежаевъ еще стонетъ, если не плачетъ, о томъ Лермонтовъ говоритъ уже съ холодной и иронической тоской. Полежаевъ, рисуя мракъ и адъ собственнаго душевнаго міра, говоритъ:

Есть духи зла—непстовыя чада
Благословеннаго Творца,
Удѣлъ ихъ—грусть, отчаянье—отрада,
А жизнь—мученье безъ конца.

и описывая судъ, совершившійся надъ падшими духами, кончаетъ такъ:

Съ тѣхъ поръ враги прекраснаго созданья
Таятся горестно во мглѣ—
И мучитъ ихъ и жжетъ безъ состраданья
Печать проклятья на челѣ.
Напрасно ждутъ преступные свободы,—
Они противны небесамъ—
Не долетитъ въ объятія природы
Ихъ недостойный вниманъ.

Лермонтовъ безъ страха и угрызеній, съ ледяной иронією становится на сторону тревожнаго, отрицательнаго начала въ своемъ „Демонѣ" и въ своей „Сказкѣ для дѣтей"; онъ съ ядовитымъ наслажденіемъ идетъ объ руку съ мрачнымъ призракомъ, имъ же вызваннымъ, видитъ вмѣстѣ съ нимъ,

. . . . . съ невольною отрадой
Преступный сонъ подъ сѣнію палатъ,
Корыстный трудъ предъ тощею лампадой
И страшныхъ тайнъ вездѣ печальный рядъ;

ловитъ, какъ этотъ же зловѣщій призракъ,

. . . . . блуждающіе звуки,
Веселый смѣхъ и крикъ послѣдней муки,

подслушиваетъ „въ молитвахъ—упрекъ“,

Въ бреду любви безстыдное желанье,
Вездѣ обманъ, безумство иль страданье.

Состояніе духа, конечно, болѣе послѣдовательное, но едва ли не болѣе насильственное, нежели дрожь и зной страданія и страха, смѣшанные съ неукротимою страстностью и гордостью отчаянія, которые слышны въ Полежаевскихъ звукахъ.

Мрачныя, зловѣщія предчувствія, терзавшія душу Полежаева, вырывали порою изъ души его энергическіе стоны въ родѣ пьесы: „Осужденный“,—въ особенности ея начала:

Я осужденъ къ позорной казни,
Меня законъ приговорилъ;
Но я печальный мракъ могилъ
На плахѣ встрѣчу безъ боязни,
Окончу дни мои, какъ жилъ.
Къ чему раскаянье и слезы
Передъ безчувственной толпой,
Когда назначено судьбой
Мнѣ слышать вопли и угрозы
И гулъ проклятій за собой?
Давно душой моей мятежной
Какой-то демонъ овладѣлъ,
И я зловѣщій мой удѣлъ,
Неотразимый, неизбѣжный,
Въ дали туманной усмотрѣлъ...
Не розы свѣтлаго Пафоса,
Не ласки гурій въ тишинѣ,
Не искры яхонта въ винѣ,
Но смерть, секиры и колеса
Всегда мнѣ грезились во снѣ.

(Стихотворенія Полежаева, Москва 1857 г., стр. 59, 60.)

Эти мрачныя, зловѣщія предчувствія, звучащія стономъ и трепетомъ ужаса, совершенно понятны будутъ, если читатели припомнятъ обстановку, изъ которой вышелъ Полежаевъ. У Лермонтова такъ же выдадутся впослѣдствіи эти мрачныя, зловѣщія предчувствія, но самый каинскій трепетъ получитъ у него что-то и

язвительное и вмѣстѣ могущественное въ стихотвореніи: „Не смѣйся надъ моей пророческой тоскою“; или въ другомъ:

Гляжу на будущность съ боязнью,
Гляжу на прошлое съ тоской,
И, какъ преступникъ передъ казнью,
Ищу кругомъ души родной.

У Лермонтова все оледенится, застынетъ въ суровой и жестокой гордости. Онъ съ наслажденіемъ будетъ, вмѣстѣ съ своимъ Арсеніемъ, вематриваться въ смерть и разрушеніе:

Но приближаясь видитъ онъ
На тонкихъ бѣлыхъ кружевахъ
Чернѣющій слоями прахъ
И ткани паутинъ сѣдыхъ
Вкругъ занавѣсокъ парчевыхъ...
Тогда въ окно свѣтлицы той
Упалъ заката лучъ златой,
Играя. На коверъ цвѣтной
Арсеній голову склонилъ...
Но вдругъ затрясся, отскочилъ
И вскрикнулъ, будто на змѣю
Поставилъ онъ пяту свою.
Увы! теперь онъ былъ бы радъ,
Когда бъ быстрѣй, чѣмъ мысль иль взглядъ,
Въ него проникъ смертельный ядъ.
Громаду бѣлую костей
И желтый черепъ безъ очей
Съ улыбкой вѣчной и пѣмой—
Вотъ что узрѣлъ онъ предъ собой...
Густая, длинная коса,
Плечъ бѣломраморныхъ краса,
Разсыпавшись, къ сухимъ костямъ
Кой гдѣ прилипнула, и тамъ,
Гдѣ сердце чистое такой
Любовью билось огневой,
Давно безъ пищи ужъ бродилъ
Кровавый червь—жилецъ могилъ.

Уже и по одному такому многознаменательному мѣсту, мы всѣ были вправѣ видѣть въ поэтѣ, что онъ самъ въ себѣ провидѣлъ, т.-е. „не Байрона, а другого, еще невѣдомаго избранника“ и притомъ „съ русской душой“, ибо только русская душа способна дойти до такой безпощадѣйшей послѣдовательности мысли или чувства, въ ихъ приложеніи на практикѣ, и отъ этой трагической,

еще мрачной безтрепетности—одинъ только шагъ до простыхъ отношеній графа Толстого къ идеѣ смерти и до его безпощаднаго анализа этой идеи, или даже до разсказовъ извѣстнаго разсказчика о смерти старухи, или о плачѣ барыни о покойномъ мужѣ—разсказовъ, въ которыхъ въ самой смерти уловлено и подмѣчено то, что въ ней можетъ-быть комическаго. А между тѣмъ безтрепетность Лермонтова есть еще романтизмъ, выходитъ, какъ уже сказано, изъ состоянія духа болѣе послѣдовательнаго, но зато болѣе насильственнаго, чѣмъ настроеніе Полежаевское въ пѣсняхъ „Черная коса“, „Мертвая голова“ и проч.

Ледяное, ироническое спокойствіе Лермонтова—только кора, которою покрылся романтизмъ, да и кора эта иногда спадаетъ, какъ, напримѣръ, въ пѣсняхъ: „Къ ребенку“, „1 января“, гдѣ поэтъ, измѣняя своей искусственной холодности, плачетъ искренно, унесясь въ своего рода „Dahin!“—въ романтическій міръ воспоминаній.

И если какъ-нибудь на мигъ удастся мнѣ
Забыться,—памятью къ недавней старинѣ
Лечу я вольной, вольной птицей,—
И вижу я себя ребенкомъ, и кругомъ
Родныя всѣ мѣста, высокій барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей.
Зеленой сѣтью травъ подернутъ спящій прудъ,
А за прудомъ село дымится, и встаютъ
Вдали туманы надъ полями.
Въ аллею темную вхожу я: сквозь кусты
Глядитъ вечерній лучъ, и желтые листы
Шумятъ подъ робкими шагами.
И странная тоска тѣснитъ ужъ грудь мою.
Я думаю объ ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье,
Съ глазами, полными лазурнаго огня,
Съ улыбкой розовой, какъ молодого дня
За рощей первое сіянье!

Подобнаго рода порывы тоскующаго глубоко и искренне чувства рѣдкіе у Лермонтова, постоянно встрѣчающіеся у Полежаева („Черные глаза“, „Зачѣмъ задумчивыхъ очей“), нашли для себя особенный голосъ впослѣдствіи въ поэтѣ: „Мопологовъ“ „Дилижанса“ и другихъ, дышащихъ глубокою и неподдѣльною скорбію стихотвореній, въ поэтѣ, который, не смотря на безыскусственность и небрежность своихъ пѣсней, занимаетъ очень важное мѣсто въ

исторіи нашего душевнаго броженія, какъ искреннѣйшій поэтъ скорбей своего поколѣнія, выразитель хотя и однообразный, но глубокій его задушевнѣйшихъ стоновъ...

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

I.

ЗАКОННЫЯ СТОРОНЫ РОМАНТИЗМА.

Поэтъ скорбей и страданій того поколѣнія, которое поэтически буйствовало и вмѣстѣ стенало съ Полежаевымъ, которое думало застыть въ гордости отчаянія съ Лермонтовымъ и между тѣмъ дошло только до поворотной грани къ комизму въ лицѣ его Печорина, поэтъ отпѣлъ ему грустную и искреннюю панихиду въ своемъ посланіи къ „Друзьямъ“:

Мы въ жизнь вошли съ прекраснымъ упованьемъ,
Мы въ жизнь вошли съ неробкою душой,
Съ желаньемъ истины, добра желаньемъ,
Съ любовью, съ поэтической мечтой,
И съ жизнью рано мы въ борьбу вступили
И юныхъ силъ мы въ битвѣ не щадили...
Но мы вокругъ не встрѣтили участья,
И лучшія надежды и мечты,
Какъ листья средь осенняго ненастья,
Попадали и сухи, и желты,—
И грустно мы остались между нами,
Сплетяся дружно голыми вѣтвями.
И на кладбище стали мы похожи:
Мы много чувствъ, и образовъ, и думъ
Въ душѣ глубоко погребли... И что же?
Упрекъ ли небу скажетъ дерзкій умъ?
Къ чему упрекъ? *Смиренье* въ душу вложимъ
И въ ней затворимся —безъ желчи, если можемъ!.. [1]).

Сопоставьте съ этой дышащей искренностью панихидою Лермонтовскую „Думу“, и вы поразитесь очевидною разницей результатовъ, добытыхъ, очевидно, страданіями, тѣмъ и другимъ поэтомъ. Разумѣется о сопоставленіи по отношенію къ формѣ, тутъ не можетъ быть и рѣчи: свистящій какъ бичъ и стальной стихъ

[1]) Стихотвореніе Н. П. Огарева. *Примѣч. В. С.*

Лермонтова, энергическая сжатость его формъ, выпуклость его поэтической манеры, пойдутъ въ параллель съ небрежною формою поэта „монологовъ“, но дѣло не въ сравненіи ихъ талантовъ... Поэтъ „монологовъ“ самъ лучше другихъ сознавалъ силу и могучесть Лермонтова; самъ онъ говорилъ о немъ разъ:

Нѣтъ!.. есть поэтъ,
Хоть онъ и офицеръ армейскій...

Сила въ томъ, что въ Лермонтовской „Думѣ“, столь безпощадной въ отношеніи къ тому поколѣнію, которое бичуя воспѣвалъ онъ въ ней, въ поколѣніи, которое приравнялъ онъ къ „плоду до времени созрѣлому“, которое пройдетъ

Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ зачатаго плода [1]);

въ этихъ „дубовыхъ листкахъ“, „оторвавшихся отъ вѣтки родимой“, въ поколѣніи, котораго прахъ

Со строгостью судьи и гражданина
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ...

Сила въ томъ, говорю я, что въ этой безпощадной, мрачно-иронической „думѣ“ гораздо больше гордости и самообольщенія, чѣмъ въ панихидѣ поэта „монологовъ“ по безплодной борьбѣ и погибшимъ надеждамъ своего поколѣнія... Ну что-жъ?.. какъ будто говоритъ Лермонтовъ: да! мы таковы, да! въ насъ

И радость, и горе, и все такъ ничтожно...

да! мы сознали мелочность и ничтожность нашей радости и горя... но въ этомъ сознаніи—наша сила, и мы гордимся этою силою. Пусть грядущее наше и „пусто и темно“, пускай безвременно состарились мы „подъ бременемъ страданья и сомнѣнья“, нужды нѣтъ! Мы купили опытомъ жизни холодъ самообладанія.

И вотъ, вслѣдствіе такого нравственнаго процесса, является у поэта образъ Печорина, котораго комическія стороны едва ли и самому ему были ясны, и который долго дѣйствовалъ обаятельно на другихъ.

---

[1]) У Лермонтова: „Ни геніемъ начатаго труда“. *Примѣч. В. С.*

Какъ задатки комическаго въ образѣ Печорина, задатки обозначавшіеся рѣзко, какъ только этотъ образъ наивно повторился въ Тамаринѣ, такъ и обаятельныя, могущественно дѣйствовавшія на его воображеніе черты его—несомнѣнны. Разсмотрѣть тѣ и другія—дѣло далеко не безполезное, даже и въ настоящую минуту...

Но обаятельныя стороны Печорпнскаго образа, какъ типа человѣка *хищнаго,* въ противоположность человѣку *смирному,* представителя тревожныхъ началъ, „необъятныхъ силъ", по его собственному выраженію — въ связи съ тѣмъ же самымъ русскимъ романтизмомъ, о которомъ уже говорилъ я. Вѣдь когда обаятеленъ Печоринъ?.. Неужели тогда, когда онъ *боится* обнять Максима Максимыча и вообще форситъ великосвѣтскостью... Иначе будетъ обаятеленъ и Тамаринъ, когда онъ форситъ передъ степными помѣщиками тѣмъ, что завтракаетъ по утрамъ вмѣсто того, чтобы чай пить. Печоринъ влекъ насъ всѣхъ неотразимо и до сихъ поръ еще можетъ увлекать, и вѣроятно всегда будетъ увлекать тѣмъ, что въ немъ есть физіологически нашего, а именно—броженіемъ необъятныхъ силъ, съ одной стороны, и соединеніемъ съ этимъ вмѣстѣ сѣверной сдержанности черезъ присутствіе въ себѣ почти демонскаго холода самообладанія. Вѣдь, можетъ-быть, этотъ какъ женщина первый господинъ способенъ былъ бы умирать съ холоднымъ спокойствіемъ Степьки Разина въ ужаснѣйшихъ мукахъ. Отвратительныя и смѣшныя стороны Печорина въ немъ нѣчто напускное, нѣчто миражное, какъ вообще вся наша великосвѣтскость... основы же его характера трагичны, пожалуй, страшны, но никакъ уже не смѣшны... Какъ онъ ни изъѣденъ анализомъ и какъ ни безпощаденъ онъ въ своемъ критическомъ отрицаніи, звѣрство Мцыри прорывается въ рыданіяхъ по уѣхавшей Вѣрѣ; чуются люди иной титанической эпохи, готовые играть жизнію при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, затѣмъ ли, чтобы оставить по себѣ страничку въ исторіи, или просто такъ, изъ удали, въ его похожденіяхъ съ контрабандисткой и въ его фаталистической игрѣ, которою кончается романъ... Вотъ этими-то своими сторонами Печоринъ не только *былъ* героемъ своего времени, но едва ли ни одинъ изъ нашихъ органическихъ типовъ героическаго.

О законности этого типа въ нашей литературѣ, о законности столь же несомнѣнной, какъ и законность другого нашего типа,

типа смирнаго человѣка, я поднимаю вопросъ довольно часто но, съ опасностью наскучить читателямъ, долженъ поднять его еще не разъ: въ отношеніи же къ Лермонтову и къ его представленію о героическомъ онъ неизбѣженъ.

Около десяти лѣтъ, литература наша ведетъ и глухую и открытую, и болѣзненную и здоровую борьбу съ этимъ хищнымъ типомъ, съ легкой руки Ивана Петровича Бѣлкина.

Но Иванъ Петровичъ Бѣлкинъ былъ человѣкъ себѣ на умѣ, несмотря на свою кажущуюся простоту; онъ отшатнулся отъ мрачнаго и сосредоточеннаго Сильвіо, засвидѣтельствовавъ только, что вотъ, дескать, какой страшный человѣкъ мнѣ встрѣтился. Мы пошли дальше. Мы заподозрили въ самихъ себѣ и стало-быть въ нашихъ герояхъ начала тревоги и страстности, мы начали обвинять ихъ въ неискренности, въ „приподнятости“ и „подогрѣтости“ чувствъ, не подозрѣвая того, что сами готовы впасть въ другого рода неискренность, въ нѣкоторую мономанію искренности.

Быть искреннымъ! Да! Искренность дѣйствительно слово огромной важности, но, подвергая критикѣ все, должно и самое это слово, т.-е. понятіе, замыкающееся въ словѣ, подвергнуть критикѣ.

Есть люди, которые весьма искренно не понимаютъ Шекспира и весьма искренно въ этомъ сознаются; зналъ я даже такихъ, которые весьма искренно ругали Шекспира и ругали тѣхъ, которые, по ихъ мнѣнію, неискренно восторгались Шекспиромъ. Зналъ я также одну барыню, изъ очень эмансипированныхъ, которая помѣшалась на искренности и все сердилась на людей, что они ее преслѣдуютъ за искренность. Дѣлая величайшія несообразности и даже мерзости, эта барыня надоѣдала всѣмъ до смерти повторяемымъ ею на каждомъ шагу восклицаніемъ Марьи Андреевны Островскаго: „зачѣмъ въ людяхъ такъ мало правды?“ Что жъ, вѣдь она въ самомъ дѣлѣ была очень искренна! Она очень искренно, несмотря на свою эмансипацію, бранилась съ своими горничными, искренно метала икру, т.-е. выбрасывала передъ другими весь душевный соръ, какой наносило ей вѣтромъ въ голову или сердце, если сердце у нея было, — именно вѣтромъ, потому что своихъ собственныхъ мыслей или чувства у нея никогда не зарождалось;—но при всей этой искренности внѣшнихъ отправленій, она была въ высшей степени фальшива, чуть ли не фальшивѣе другой барыни, которой огоньки фонариковъ, озарявшихъ мизерныя аллейки сада лѣтнихъ маскарадовъ, представлялись *мер-*

щающими звѣздочками, которая закатывала глаза подъ лобъ, и, не смотря на глубочайшее невѣжество, говорила къ тонѣ героинь Марлинскаго.

Впрочемъ обѣ барыни были одинаково постыдно невѣжественны, равно какъ и тѣ господа, отъ которыхъ мнѣ часто случалось слышать искреннюю хулу на Шекспира.

Виноватъ,—впрочемъ въ господахъ можно было различить нѣсколько степеней невѣжества: 1) невѣжество „заматорѣвшее во днехъ", невѣжество русскаго помѣщика; 2) невѣжество молодое, невѣжество, примѣрно, бойкаго свѣтскаго юноши; 3) дубовое и дерзкое невѣжество школьника, всегда готоваго утвердительно или отрицательно эрготировать о вопросѣ: An non spiritus existunt [1]), школьника, воспитавшагося въ безплодной діалектической словобитнѣ и не стряхнувшаго съ себя чувства злобы, развиваемаго тяжелымъ гнетомъ бурсы; 4) окаменѣлое, опрагматизованное до поклоненія себѣ, ученое невѣжество спеціалиста, который искренно считаетъ все вздоромъ, кромѣ предмета, который онъ удостоилъ избрать, и 5) невѣжество умное, но лѣнивое, рѣшившееся на всю жизнь остаться невѣжествомъ и знающее, къ несчастію, что оно умно.

Все это, говорю я вамъ, очень искренно будетъ не понимать многаго и очень искренно заподозритъ въ другихъ сочувствіе ко многому.

Должно еще сказать, что во многихъ подозрѣніяхъ своихъ оно окажется совершенно право. Вѣдь нѣтъ ничего хуже фальшивой впечатлительности, и нѣтъ ничего вреднѣе, ибо ничто не способно такъ поддержать застоя понятій, какъ фальшивая впечатлительность. Разбирая душевный хламъ свой, каждый изъ насъ можетъ убѣдиться, что множество дурныхъ и постыдныхъ, т.-е. ложныхъ душевныхъ движеній, держится въ насъ за извѣстные типы, къ которымъ мы приковались, за извѣстныя наносныя, а не родившіяся въ насъ впечатлѣнія, на которыя мы пріучили, сперва нѣсколько насильственно, а потомъ уже очень легко и свободно отзываться струны этого диковиннаго, безконечно сложнаго и вмѣстѣ цѣльнаго инструмента, называемаго душою человѣческою.

Когда-то покойный К. С. Аксаковъ, анализируя характеръ

[1]) „Существуютъ ли духи?". *Эрготировать* — въ смыслѣ „дѣлать выводы" (отъ латин. ergo). *Примѣч. В. С.*

Ивана Грознаго, высказалъ въ этомъ анализѣ затаенную вражду свою и цѣлаго направленія, къ которому принадлежалъ онъ, вражду къ художеству, художественной способности, красотѣ. Онъ отнесъ грознаго вѣнценосца къ числу художественныхъ натуръ, которыми правда жизни уразумѣвается только черезъ образъ, въ который она облекается, и только по степени того, прекрасенъ ли и эффектенъ ли образъ или нѣтъ. Признаюсь вамъ откровенно, что эта мысль, высказанная притомъ съ замѣчательною ясностью и съ кажущеюся глубиною, еще и прежде меня долго мучила, но болѣе или менѣе превращалась всегда въ одинъ и тотъ же результатъ, т.-е. въ то, что всѣмъ, а не одной категоріи людей правда дается красотою, образомъ, что разумѣніе истины обусловлено художественною способностью, въ каждомъ изъ насъ болѣе или менѣе существующею. Бываетъ только красота истинная и красота фальшивая, но отзывъ на правду пробуждается въ нашей душѣ *непремѣнно* красотою. Красота одна можетъ воплотить правду и такое воплощеніе сообщаетъ намъ живую увѣренность „въ бытіи, свойствахъ и дѣйствіяхъ" правды. Голая мысль, добытая однимъ мозговымъ процессомъ, однимъ логическимъ путемъ т.-е. выведенная изъ однихъ только отрицаній, остается для насъ всегда чѣмъ-то чуждымъ.

Истинная истина намъ не доказывается, а проповѣдуется, что тѣмъ разумѣется, которые „могутъ пріяти", истина бываетъ очевидна съ перваго же раза и дается не почастно, а всецѣло, какъ вообще все, что ни дается душѣ человѣческой, дается не почастно, а всецѣло, или вовсе не дается. Почастно и путемъ доказательствъ могутъ входить въ меня только математическія истины, отъ которыхъ мнѣ ни тепло, ни холодно. За логическій выводъ мы не пожертвуемъ жизнью, ни даже благостояніемъ, а если и пожертвуемъ, то пожертвуемъ не собственно за него, а за подкладку живыхъ душевныхъ образованій, съ которыми онъ связанъ, за правду собственной натуры или за смутное предчувствіе живого будущаго образа, которому логическій выводъ отворяетъ почтительно двери.

Впечатлѣнія и созерцанія наши держатся за типы, сложившіеся въ нашемъ душевномъ мірѣ, и все дѣло въ томъ, какъ сложились эти типы, когда, изъ чего, и наконецъ, точно ли они сложились и образовали живые органическіе образы или засорили душу, какъ наносные пласты?.. Однимъ словомъ, дѣло въ томъ: 1) вѣ-

римъ ли мы въ эти типы или готовыя данныя души, или 2) не вѣримъ, но, восхищаясь ими (сознательно или безсознательно — это тоже очень важно), хотимъ въ нихъ вѣрить, или 3) не вѣря въ нихъ и даже не чувствуя никакого особаго къ нимъ влеченія укореняемъ ихъ въ душѣ по причинамъ совершенно внѣшнимъ и уже не естественно, искусственно, а напротивъ, насильственно заставляемъ себя на нихъ отзываться.

Крѣпость простого, неразложеннаго типа, и здоровая красота его, въ особенности когда мы возьмемъ его въ противоположеніи съ тою безцвѣтностью, какую представляютъ типы вторичныхъ и третичныхъ, но во всякомъ случаѣ искусственныхъ образованій, населяющихъ голову многихъ, весьма впрочемъ образованныхъ господъ,—эти-то прекрасныя качества типа *цѣльнаго*, выигрывающія въ особенности отъ противоположенія, и могутъ вовлечь въ наше время въ искушеніе всякую живую натуру. Живая натура познается по тому, какъ она воспринимаетъ правду; черезъ посредство логическихъ выводовъ или черезъ посредство типовъ. Любовь къ типамъ и стремленіе къ нимъ, есть стремленіе къ жизни и къ живучему и отвращеніе отъ мертвечины, гнили и застоя, жизненныхъ или логическихъ. Гоголь приходилъ въ глубокое отчаяніе отъ того, что нигдѣ не видалъ прекраснаго, т.-е. цѣльнаго человѣка, и погибъ въ безплодномъ стремленіи отыскать прекраснаго человѣка. Не зная, гдѣ его искать (ибо малороссъ Гоголь не зналъ великой Россіи, пора уже это сказать прямо), онъ сталъ по частямъ собирать прекраснаго человѣка изъ осколковъ тѣхъ же кумировъ формализма, которые разбилъ онъ громами своего негодующаго смѣха. Вышли образы безличные, сухіе, непривлекательные, почти что служащіе оправданіемъ великорусскому мошенничеству Ерша Ершовича или друга нашего Павла Иваныча Чичикова.

Дѣло въ томъ, что процессъ исканія въ себѣ и въ жизни простого и непосредственнаго завелъ насъ на первый разъ въ неминуемую односторонность. За простое и непосредственное, за чистотиповое, мы на первый разъ приняли тѣ свойства души, которыя сами по себѣ суть отрицательныя, а не положительныя.

Первый пріемъ нашей эпохи въ этомъ дѣлѣ былъ пріемъ чистомеханическій.

Въ литературахъ западныхъ, вслѣдствіе работы анализа надъ утонченными и искусственными феноменами въ организаціи чело-

вѣческой души, вслѣдствіе необходимаго затѣмъ пресыщенія всѣмъ искусственнымъ и даже всѣмъ цивилизованнымъ, явилось стремленіе къ непосредственному, непочатому, свѣжему и органическицѣльному. Существенное въ таковыхъ стремленіяхъ одного изъ великихъ поэтовъ нашей эпохи, Занда, равно какъ и нѣкоторыхъ другихъ западныхъ писателей (а въ числѣ ихъ есть люди столь замѣчательные, какъ авторъ „Деревенскихъ разсказовъ“ Ауэрбахъ)—было именно это стремленіе, порожденное анализомъ, съ одной стороны, и пресыщеніемъ—съ другой.

То же самое стремленіе, по закону отраженія, которому мы подверглись съ Петровской реформы, вдвинувшей насъ, хоть и напряженно, но естественно въ кругъ общечеловѣческой жизни, явилось и въ нашей литературѣ. По крайней мѣрѣ несомнѣнно таково происхожденіе той школы описателей простого, непосредственнаго быта, которой замѣчательнѣйшимъ представителемъ былъ Григоровичъ. Не внутреннимъ, но внѣшнимъ, чисто-рефлективнымъ процессомъ порождены даже самыя даровитыя произведенія этой школы: „Деревня“, „Антонъ Горемыка“. Всѣ они не болѣе какъ мозаика, составная работа. Какъ-будто даровитый, но заѣзжій изъ чужихъ краевъ путешественникъ подмѣчаетъ въ нихъ особенныя черты любопытнаго ему быта, записываетъ въ памятную книжку странныя для него слова и оригинальные обороты рѣчи, и складываетъ потомъ съ большимъ тщаніемъ и вкусомъ свою мозаическую, миніатюрную картинку. Картинка эта принимаетъ необходимо идиллическій характеръ...

Но кромѣ этого чисто-механическаго процесса, въ насъ совершался еще процессъ органическій, процессъ, который очеркомъ обозначилъ свои грани—въ нашемъ величайшемъ, единственно полномъ представителѣ художественномъ, Пушкинѣ; процессъ борьбы скудной, еще не воздѣланной *почвы* съ громадными и воспріимчивыми силами.

Исходною точкою этого процесса была наша критическая, анализирующая и повѣряющая жизнь способность.

Эту способность мы довели однако до крайности.

Всѣ люди, сколько-нибудь мыслящіе, знаютъ вѣроятно по личнымъ опытамъ, что первый врагъ нашъ въ дѣлѣ воспринятія впечатлѣній, это мы сами, это—наше я. Оно становится между нами и великимъ смысломъ жизни, не дастъ намъ ни удержать, ни даже уловить его, набрасывая на все внѣшнее колоритъ различ-

ныхъ душевныхъ нашихъ состояній, или, что еще хуже того и что часто бывало, вѣроятно, съ каждымъ изъ насъ, не даетъ ни о чемъ думать, кромѣ самого себя, примѣшивая ко всему новому ржавчину, часто ядовитую, стараго и прожитого. Или наконецъ, что тоже нерѣдко бывало, вѣроятно, со многими, кто только добросовѣстно въ самомъ себѣ рылся и добросовѣстно готовъ обнаружить результаты этой работы, это *я* заставляетъ при воспріятіи впечатлѣнія болѣе думать о значеніи воспринимающаго, чѣмъ о значеніи воспринимаемаго. Другими, болѣе нецеремонными словами говоря, часто мы ловили и ловимъ самихъ себя при извѣстныхъ впечатлѣніяхъ на дѣлѣ, такъ-сказать, совершенно актерскомъ: всегда какъ-то позируешь, если не передъ мухами, какъ Запдовскій Орасъ, то передъ самимъ собою, т.-е. передъ тѣмъ *я*, которое судитъ другого себя, т.-е. позирующаго, любуется красотою его позъ и сравниваетъ съ позировкою другихъ индивидуумовъ. Вотъ тутъ-то, вслѣдствіе такого сличенія и зарождаются различныя отношенія къ собственной позировкѣ. Если поза, принятая мною, *позирующимъ*, по сличеніи представится мнѣ, *судящему*, не мнѣ принадлежащею, а заимствованною или даже (что надобно отличать) во мнѣ самомъ созданною искусственно, вытащенною изъ стараго запаса и насильственно повторенною, тогда образуется къ этой позѣ отрицательное и просто даже насмѣшливое отношеніе. Критическимъ назвать это отношеніе еще нельзя—ибо оно не свободное, а родилось изъ чувства самосохраненія (сохраненія собственной личности), стало-быть по необходимости есть состояніе необходимой обороны противъ упрека въ заимствованіи или въ повтореніи. Оборонительное положеніе берется даже часто въ *прокъ*, въ запасъ, на будущее время: ампутація, нѣсколько, конечно, болѣзненная, вытерпливается героически—и избѣгая всѣми мѣрами обличеній въ подражаніи, мы готовы довести себя до состоянія нуля, чистой tabula rasa, *стушеваться*, говоря словомъ сентиментальнаго натурализма. Въ сущности же, это есть не что иное, какъ оборонительное положеніе, т.-е. новая, если не красивая, то покрайней мѣрѣ прочная поза, принятая въ конечное обезпеченіе своей личности. Этотъ процессъ столь обыкновенъ, что совершается даже и во внутреннемъ мірѣ лицъ, которыя вовсе не занимаются душевнымъ рудокопствомъ. Какое бываетъ, напримѣръ, первое отношеніе *благоразумнаго* большинства людей или собственно того, что можетъ быть названо умственно-нравственнымъ мѣ-

ицанствомъ, ко всему новому или ко всему вообще не ежедневному, необычному, во внѣшней или внутренней жизни? (я не говорю о толпѣ или о верхахъ, но о моральномъ и общественномъ мѣщанствѣ). Непремѣнно недовѣрчивость, т.-е. желаніе видѣть единственно невыгодныя стороны всего новаго. А почему? потому-что мѣщанство боится всего болѣе подвергнуть свое statu quo опасности разрушенія или опасности, для многихъ еще большей—осмѣянія. Первый пріемъ всего новаго всегда таковъ и вездѣ таковъ: это есть страхъ за личность и за все, что съ личностью тѣсно связано, общее свойство человѣческой натуры, вслѣдствіе котораго преслѣдовали Галилеевъ и смѣялись надъ Колумбами, и вслѣдствіе котораго точно также все, мало-мальски Галилеевское или Колумбовское, въ нашей душѣ возникающее, принимается мѣщанскою стороною души съ недовѣрчивостью и подозрительностью. Такъ какъ, въ большей части случаевъ, мѣщанство (общественное или наше внутреннее) оказывается въ подозрительности своей правѣе дикаго энтузіазма, который именно только въ одно новое и небывалое вѣритъ, одному новому и небывалому служитъ; такъ какъ большая часть Галилеевскаго и Колумбовскаго, возникающаго въ нашей душѣ, оказывается воздушными замками морганы, то оправданное недовѣріе становится для человѣка неглупаго просто догматомъ, точкою отправленія. Бѣда только въ томъ, что точку отправленія многіе въ наше время, такъ-сказать, останавливаютъ, считаютъ за конечную цѣль и это называютъ критическимъ отношеніемъ, когда съ нея, какъ съ исходной точки, только-что начинается настоящее, совершенно свободное, критическое отношеніе нашего *я* къ самому себѣ.

Я посмѣялся, положимъ, надъ извѣстнаго рода впечатлѣніемъ, ибо увидалъ, что оно мною или занято безъ отдачи у другихъ, его переживавшихъ, или подогрѣто изъ стараго моего душевнаго запаса. Посмѣялся,—значитъ, отрѣшился отъ него. Хорошо! Какое же отношеніе къ извѣстному внѣшнему или внутреннему явленію поставилъ я въ душѣ на мѣсто того, которое отсѣчено анатомическимъ инструментомъ? Пустого пространства быть между душой и жизнью не можетъ,—деревяжка возможна въ моральномъ мірѣ еще менѣе. Что-нибудь да я поставилъ. Что же именно?..

Возьмемъ какой-нибудь фактъ внутренней жизни,—оно будетъ видиѣе.

Положимъ, я заподозрилъ въ себѣ, и заподозрилъ совершенно основательно, романтическое чувство любви или, лучше сказать, чув-

ство любви въ его романтическихъ формахъ, съ романтическими движеніями. Беру поле всѣмъ доступное, „идѣже нѣсть ни мужескъ полъ, ни женскій, ни іудей, ни эллинъ“. Найдется ли кто, на кого бы именно то, что называется романтическимъ въ этомъ чувствѣ, не дѣйствовало *когда-нибудь*; скажу болѣе, на кого бы оно совершенно *утратило* свои дѣйствія.

Всякій чувствующій человѣкъ нашей эпохи понималъ же хотя разъ, какъ, напримѣръ, сладко-больно тревожить себя цѣлый день обаяніемъ страстной и манящей женской рѣчи, слышанной наканунѣ, какъ отрадно быть больнымъ нравственной лихорадкой, какъ хорошо, мучительно-хорошо

Шептать и повѣрять былыя выраженья
Рѣчей моихъ съ тобой, исполненныхъ смущенья,
Искать хотя одной загадочной черты
Въ словахъ, которыя произносила ты.

Какъ можно доходить до того, чтобы

...въ опьяненіи, наперекоръ уму
Завѣтнымъ именемъ будить ночную тьму...

что такое, однимъ словомъ,

Блаженство ночь не спать и днемъ бродить во снѣ...

и тому подобныя душевныя настройства.

Романтическое впечатлѣніе заподозрѣно. Прекрасно! Романтическое чувство признано зашедшимъ откуда-то, или блюдомъ изъ подогрѣтыхъ остатковъ. Еще лучше! Значитъ, названіе впечатлѣнія признано на правдивомъ судѣ незаконнымъ. А что-то вѣдь было однако? Недобросовѣстно же сказать, что ничего не было! А какъ только мы назвали это странное *что-то* какимъ-нибудь именемъ, такъ и отнесли къ извѣстному роду и приковали къ извѣстному типу.

Назовемъ ли мы впечатлѣніе просто кипѣніемъ крови, т.-е. одну физическую сторону впечатлѣнія признаемъ имѣющею права на имя, а всю романтическую его оболочку—незаконною, фальшивою, или назовемъ это именемъ моральной симпатіи, или именемъ сентиментальнаго баловства: въ томъ, и другомъ, и третьемъ случаѣ мы стараемся дать настоящее имя впечатлѣнію или чувству, вмѣсто того, которое мы нашли фальшивымъ.

Такъ, у Писемскаго въ „Бракѣ по страсти“, чувство Мари Сту-

пицыной къ Хазарову (не Хазарова къ ней, ибо тутъ ни на какое чувство и не посягалось) изъ романтическаго разжаловано въ чувственность на половину, въ баловство на другую, равно какъ романтическимъ чувствованіямъ m-me Мамиловой дано ихъ настоящее имя, имя баловства, нравственнаго сладострастія, которому только робость и нѣкоторая вялость натуры мѣшаютъ перейти въ сладострастіе настоящее.

Такъ съ большою злостью и злостью честною, если не съ искусствомъ, въ повѣсти Крестовскаго „Фразы", сведена съ романтическихъ ходуль, объяснена, растолкована, обличена въ ея эффектныхъ позахъ и ея эффектныхъ чувствахъ женская натура, представляющая собою крайнюю степень типа, къ которому принадлежитъ m-me Мамилова. Но тутъ же мы и попадаемъ на различіе разоблаченія. Кто скажетъ, чтобы анализъ Писемскаго былъ несправедливъ? Я по крайней мѣрѣ не скажу этого въ отношеніи къ m-me Мамиловой, хоть многіе и сердились, даже печатно, за это лицо на автора „Брака по страсти".

Странно между тѣмъ, что никто не сердился на автора повѣсти „Фразы". Я же лично разсердился, конечно, не на разоблаченіе лица эмансипированной барыни, а за недостатокъ глубины и за грубую рѣзкость разоблаченія. Стоитъ только сличить два этихъ образа: „m-me Мамилову" и героиню повѣсти „Фразы", чтобы понять—какое неизмѣримое различіе лежитъ между свободнымъ художествомъ, которое на все имѣетъ право, и между произведеніями, къ которымъ относится извѣстный эпиграфъ: indignatio fecit versum, которыя, будучи порожденіемъ однихъ только

„Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ",

имѣютъ странное свойство сердить за то, на что они нападаютъ совершенно законно. Замѣтьте между прочимъ, что г. Крестовскій знаетъ свѣтъ и свѣтскихъ женщинъ, умѣетъ говорить ихъ языкомъ, описывать ихъ обстановку, а Писемскій вовсе въ этомъ не силенъ, но что до этого за дѣло? Психологическая правда и сила художественной концепціи, соединенныя съ глубиною взгляда на человѣческую натуру вообще, даютъ художнику право на смѣлые очерки безъ красокъ, и, съ другой стороны, извиняютъ даже маленькую того, что въ создаваемыхъ имъ образахъ есть слишкомъ частное, если эти образы не частными своими сторонами входятъ въ созданіе.

Но на что имѣетъ право художество, т.-е. воплощеніе мысли, на то не все имѣетъ право. Голый анализъ еще не господинъ, а такой же рабъ, какъ безразличный синтезъ. Анализъ только разбиваетъ ложь, только лишаетъ моральное явленіе незаконно принадлежащаго ему имени.

Анализъ сердитъ, и сердитъ справедливо, когда явленію разоблаченному имъ, т.-е. лишенному незаконнаго имени, придаетъ первое попавшееся, ибо тогда онъ становится неправъ въ свою очередь. Лучше сказать, голый анализъ сердитъ потому, что самъ сердится, ибо сердятся на явленіе до тѣхъ поръ только, пока не опредѣлятъ ему въ душѣ мѣста и не назовутъ его по имени. За симъ его казнятъ, оправдываютъ или оставляютъ въ сторонѣ, смотря по тому, какое его имя: старая ли ложь, и притомъ злая ли ложь, или глупая и пустая ложь, или новая правда.

Повѣсть „Фразы“ разсердила лично меня когда-то, именно тѣмъ, что она сама сердится и бьетъ сплеча во что ни попало.

Авторъ казнитъ аффектацію чувства, безнравственность ощущеній, называющихъ себя тонкими и особенными, и что же противопоставляетъ этому? Деревянную ограниченность чувства, мѣщанскую добродѣтель, узенькія попятныца губернскаго или вообще условнаго курятника. Такимъ образомъ онъ рубитъ сплеча не только мишурную одежду, т.-е. фразы, но и живое тѣло, т.е. тревожное, страстное начало жизни, безъ котораго жизнь обратилась бы въ губернскій муравейникъ.

Не таково истинное художество. Своимъ правдивымъ отношеніемъ къ фальши жизни, оно не сердитъ, а „обращаетъ его внутрь души“, выражаясь словами Гамлета.

Скажу еще болѣе. Истинное художество даже не дѣйствуетъ прямо на то, что̀ повидимому казнитъ. Въ этомъ заключается его высокая безполезность. Однимъ очень умнымъ человѣкомъ по поводу „Доходнаго мѣста“, Островскаго, высказано было, что Кукушкины, Юсовы и Бѣлогубовы, которые будутъ сидѣть въ театрѣ въ представленіе пьесы (а представленія-то, между-прочимъ, по неизвѣстнымъ причинамъ до сихъ поръ еще не воспослѣдовало) [1]), вынесутъ изъ представленія *правила для жизни*, т.-е. они взглядъ

[1]) „Доходное мѣсто“, напечатанное еще въ 1857 году, встрѣтило при постановкѣ на сценѣ цензурныя препятствія, и первое представленіе его въ Александрійскомъ театрѣ состоялось лишь въ 1863 году. *Примѣч. В. С.*

на жизнь Юсова и заботы Кукушкиной о воспитаніи дочерей и о домашнемъ порядкѣ примутъ вовсе не съ комической стороны, а за настоящее дѣло. Замѣчаніе въ высочайшей степени вѣрное, въ отношеніи ко всякому произведенію, имѣющему плоть и кровь. Сколько настоящихъ Кукушкиныхъ весьма наивно не узнали себя въ лицахъ комедіи, и сколько настоящихъ Юсовыхъ сочувствовали глубинѣ Юсовскаго міросозерцанія насчетъ колеса фортуны.

Оскорбляются за разоблаченіе „всякой неправды“ не тѣ, въ комъ неправда „весьма застарѣла“, по выраженію старика-Посошкова. Наши подъячіе (я еще это помню), сами подъ гитару пѣвали остроумные и злые куплеты бывалаго времени насчетъ взяточничества, тотчасъ же велѣдъ за романсомъ: „Подъ вечеръ осенью ненастной“, и подмигивали даже такъ плутовски, что радовались какъ-будто этому остроумію, въ полномъ убѣжденіи, что, дескать, „толкуй себѣ, толкуй, а ужъ это испоконъ-вѣка заведено: не нами началось, не нами и кончится“. Это отношеніе обличаемыхъ къ обличенію, съ нѣсколько Аристофановскою свободою пріема, выразилъ Островскій въ первоначальномъ заключеніи своей первой комедіи, въ обращеніи Лазаря Елизарыча къ публикѣ. Эту же черту Крыловъ обозначилъ въ своемъ мѣткомъ стихѣ:

А Васька слушаетъ да ѣстъ...

Только совѣтъ, который дастъ онъ повару, полезенъ для повара, но не отучитъ Ваську отъ лакомаго куска, равно какъ и то, что Гоголь называетъ „страхомъ идущаго вдали закона“, весьма мало измѣнитъ нравственную сущность Антона Антоновича Сквозника-Дмухановскаго... ибо все это есть только голое отрицаніе извѣстнаго нравственнаго факта, только снятіе съ него фальшиваго имени безъ заклейменія его именемъ настоящимъ, такимъ именемъ, подъ которымъ бы онъ въ душѣ получилъ опредѣленное мѣсто въ числѣ фактовъ, или совершенно незаконныхъ, по душевному, внутреннему, а не внѣшнему, только извнѣ пришедшему убѣжденію, или законныхъ въ основахъ, но не законныхъ въ приложеніяхъ къ даннымъ обстоятельствамъ. Пустого мѣста въ душѣ оставить нельзя. Посадить на него вмѣсто факта пугало—не значитъ уничтожить фактъ, но заставить его только на время *притвориться* несуществующимъ. Живой фактъ вытѣсняется изъ души только живымъ же фактомъ, т.-е. фактомъ, составляющимъ для души убѣжденіе и сочувствіе.

Обращаясь къ тому, за что я стою, и что я называю *романтическимъ* въ мірѣ нашей души, я скажу то же самое. Литература пустилась отправлять обязанность повара, а въ продолженіе его проповѣдей, романтическій Васька слушалъ да ѣлъ. Обличители отнимали обглоданный кусокъ, но Васька крадъ другой, можетъ быть по той простой причинѣ, что Васька ѣсть хотѣлъ, а пищу ему не давали, т.-е. что *силы* чувствовали себя „необъятными“. Кто говоритъ, что котъ Васька—котъ нравственный и хорошо дѣлалъ, что крадъ; кто говоритъ, что Печоринъ, „чувствуя въ себѣ силы необъятныя, занимался спеціально „высасываньемъ аромата свѣжей, благоухающей души“, что Арбенинъ сдѣлался картежникомъ потому только, что

Чиновъ я не хотѣлъ, а славы не добился;

что Веретьевъ Тургеневскаго „Затишья“ съ его даровитостью пьянствовалъ, шатался и безобразничалъ, что Хорьковъ запилъ павѣкъ, а Тюфякъ умеръ отъ запоя; кто говоритъ, что они правы?—но не на нихъ же однихъ возложить всю вину безумной растраты силъ даромъ, растраты на мелочи или даже на зло... Изъ всѣхъ этихъ романтиковъ, такъ или иначе себя сгубившихъ, такъ или иначе попавшихъ въ бездны — одинъ только Любимъ Торцовъ, несмотря на безумную трату данныхъ ему силъ, не сдѣлался котомъ-Васькой; для него одного, „воровство“, т.-е. вообще нарушеніе порядка природнаго и общественнаго, не стало чѣмъ-то нормальнымъ, чѣмъ стало оно и для Арбенина, и для Печорина, и для Владиміра Дубровскаго, и поэтому-то онъ въ своемъ родѣ совершенно правъ, говоря: „Любимъ Торцовъ пьяница, а лучше васъ всѣхъ“... Всѣ другіе—общественные отщепенцы, которые отъ совершенно законныхъ точекъ отправленія, отъ исканія простора своей силѣ пошли въ беззаконіе или въ ложь. Трагическое въ нихъ, конечно, принадлежитъ не имъ, а тѣмъ силамъ, которыя они въ себѣ носятъ и безумно тратятъ, или нелѣпо извращаютъ, но во всякомъ случаѣ, оно есть истинно-трагическое. Едва ли даже не приходится сознаться, что всѣ „необъятныя“ силы нашего духа покамѣстъ выражались въ типѣ, одно изъ самыхъ яркихъ отраженій котораго выражаетъ собою Лермонтовскій Печоринъ.

Вглядитесь во всѣ выраженія этого типа, отъ образовъ созданныхъ Пушкинымъ до геніальныхъ начинаній Лермонтова, до лицъ постоянно мучившихъ и едва ли еще переставшихъ мучить Турге-

нева, отъ гордой, вольнолюбивой, и вмѣстѣ „какъ птичка, безза-ботной“, и вмѣстѣ восточно-эгоистической и ревнивой натуры Алеко, до того демонски-унылаго и зловѣщаго блеска, которымъ окру-жилъ Тургеневъ фигуру своего Василья Лучинова; вглядитесь въ этотъ же типъ, захваченный художниками въ болѣе простыхъ, общественныхъ отношеніяхъ, какъ, напримѣръ, Островскимъ—Лю-бимъ Торцовъ и Петръ Ильичъ, или Писемскимъ его „Тюфякъ“, вы убѣдитесь, что въ этотъ типъ вошли наши лучшіе соки, наши положительныя качества, наши высшія стихіи, и въ артистически-тонкую, мірскую жажду наслажденія Пушкинскаго Жуана, и въ критическую послѣдовательность Печоринскаго цинизма, и въ хо-лодное, сѣверное самообладаніе при бѣшеной южной страстности Василья Лучинова, и въ „прожиганіе жизни“ Веретьева, и въ за-гулъ Любима Торцова. Только стихіи эти находятся въ состояніи необузданномъ. Ихъ „тѵ̀рманомъ кружитъ“, говоря языкомъ драмъ Островскаго, и происходитъ это отъ того, что, какъ замѣчаетъ Бо-родкинъ, „основательности нѣтъ“... къ жизни, т.-е. въ жизни у нихъ не было и нѣтъ, почти всегда по независящимъ отъ нихъ причинамъ, основъ, держась за которыя крѣпко какъ за центръ, онѣ сіяли бы, какъ наши блестящія типовыя достоинства.

Морально запуганные крайними послѣдствіями логической мы-сли, ставшей въ разрѣзъ съ дѣйствительностью, и въ почвѣ не на-ходя ей отвѣта, мы впадали и въ уныніе и даже въ глубокое отча-яніе, мы скорбно стенали съ поэтомъ „монологовъ“:

> Отъ старыхъ истинъ я отрекся правды ради,
> Для призраковъ давно я заперъ дверь;
> Листъ за листомъ я рвалъ завѣтныя тетради,—
> И все, и все изорвано теперь...

и въ сознаніи собственнаго безсилія на борьбу, говорили съ нимъ же, нашимъ искреннѣйшимъ исповѣдникомъ идеализма:

> Я долженъ надъ своимъ безсиліемъ смѣяться
> И видѣть вкругъ себя безсиліе людей;

и дѣйствительно мы смѣялись надъ собою съ Тургеневымъ су-дорожнымъ смѣхомъ „Гамлета щигровскаго уѣзда“, издѣвались съ нимъ же болѣзненно надъ „Дневникомъ лишняго человѣка...“ Но именно Тургеневъ, который хотѣлъ быть искреннимъ въ казни не-состоятельной личности передъ судомъ жизни и дѣйствительности, писатель наиболѣе добросовѣстный изо всѣхъ осужденныхъ какимъ-

то роковымъ проклятіемъ добиваться отъ самихъ себя искренности, разоблачавшій самъ для себя и на глазахъ своихъ читателей и поклонниковъ различные искусственно-сложившіеся идеалы, занимавшіе въ душахъ людей современнаго ему по развитію поколѣнія незаконное мѣсто,—Тургеневъ самъ между тѣмъ борьба, и борьба болѣзненная. Слѣды этой борьбы поэта, безпощадно разоблачавшаго, напримѣръ, въ грубыхъ чертахъ своего „Бреттера", одну сторону Печорина, и во множествѣ другихъ своихъ произведеній пимя фальшивыя стороны обаятельнаго образа, видны на всей его дѣятельности, чѣмъ, можетъ быть, онъ намъ всѣмъ и дорогъ въ особенности.

Когда утомленный горькимъ и тяжелымъ обличеніемъ несостоятельности личности, Тургеневъ, отдаваясь душою всѣмъ вѣяніямъ, бросился искать успокоенія въ простомъ, органически-типовомъ, непосредственномъ, онъ нежданно удивилъ въ ту пору всѣхъ идиллическими изображеніями Хоря и Калиныча, но въ то же самое время—и это фактъ въ высшей степени знаменательный,—старый обаятельный типъ вновь поднялся у нашего поэта блистательнымъ очеркомъ лица Василья Лучинова, въ повѣсти „Три портрета", къ немалому оскорбленію неключительныхъ поклонниковъ смирнаго типа, сразу же назвавшихъ Василья Лучинова „гнилымъ человѣкомъ." А что ни говорите о безнравственности Василія Лучинова, но несомнѣнно, что въ этомъ образѣ есть поэзія, есть обаяніе. Эта поэзія, это обаяніе, въ которыхъ не виноваты ни Тургеневъ, ни мы, ему сочувствовавшіе нѣкоторымъ образомъ, это обаяніе даже сильнѣе и значительнѣе обаянія Лермонтовскаго Печорина, какъ у самого Лермонтова его недоконченный, но вѣчно мучившій его Арбенинъ или Арбеньевъ, поэтичнѣе и обаятельнѣе холоднаго и часто мелочного Печорина. Развѣнчать обаятельныя стороны этого типа, столь долго мучившаго Лермонтова и все наше поколѣніе, Тургеневъ пытался нѣсколько разъ и почти всегда, стремясь къ логической послѣдовательности въ мысли, измѣнялъ ей въ создаваемомъ имъ образѣ... То хотѣлъ онъ развѣнчать въ этомъ типѣ сторону безумной страсти или увлеченій и безграничной любви къ жизни, соединенныхъ съ какою-то отважною безпечностью и вѣрою въ минуту, и создавалъ Веретьева въ „Затишьѣ", придумывая и сочинял достойное наказаніе его безплодному существованію—и что же? безплодное существованіе, точно, являлось безплоднымъ, но созданное поэтомъ лицо, въ минуты

страстныхъ своихъ увлеченій, увлекало невольно, оставалось обаятельнымъ, не теряло своего поэтическаго колорита. Безнравственность Василья Лучинова, вы, разумѣется, моральнымъ судомъ, казнили, но то грозное, то страстное до безумія и вмѣстѣ владѣющее собою до рефлексіи, что въ немъ являлось, ни художникъ не развѣнчивалъ, ни вы развѣнчать не могли, и внутри вашей души никакъ не могли согласиться съ Аксаковымъ, назвавшимъ Василья Лучинова *гнильмъ* человѣкомъ. Василій Лучиновъ, пожалуй, не только что гнилъ,—онъ гнусенъ, но сила его, эта страстность почти что южная, соединенная съ сѣвернымъ владѣніемъ собою, эта пламенность рефлексіи, или рефлексія пламенности,—есть типовая особенность. Типовую же особенность вы не сдвинете въ душѣ вашей съ мѣста, если таковое она въ ней занимаетъ, однимъ логическимъ судомъ надъ нею; докажите, что она не типовая особенность, или лучше сказать, докажите, т.-е. покажите, что она не въ такомъ видѣ составляетъ типовую особенность, и тогда вы ее уничтожите. До тѣхъ же поръ, вы тщетно будете бороться съ ея обаятельными, т.-е. жизненными сторонами. Таковъ законъ вѣчнаго существованія типовъ и въ особенности этого типа. Василью Лучинову Тургенева я придаю особенную важность, потому что въ этомъ лицѣ старый типъ донъ-Жуана, Ловласа и т. д. принялъ впервые наши русскія, оригинальныя формы, формы нашего русскаго XVIII вѣка.

Но донъ-жуановское или ловласовское начало не исчерпываетъ еще всего содержанія типа, съ которымъ литература вступала въ открытую, добросовѣстную, но наивно-слабую борьбу.

Тургеневъ вздумалъ на глазахъ же читателей помѣряться съ отраженіемъ типа въ образѣ Рудина. Если уже въ беззаботномъ прожигателѣ жизни Веретьевѣ, или въ развратномъ и холодномъ Васильѣ Лучиновѣ есть стороны неотразимо увлекающія, обаятельныя, то тѣмъ болѣе онѣ должны быть въ Рудинѣ, человѣкѣ исполненномъ если не убѣжденій, то всей предрасположенности къ убѣжденіямъ, человѣкѣ, по даннымъ натуры котораго можно заключить, что жизнь его должна совсѣмъ не тѣмъ кончиться, чѣмъ кончается она въ эпилогѣ повѣсти, хотя эпилогъ и выходитъ апоѳеозой Рудина. Къ повѣсти „Рудинъ“ у меня, каюсь въ этомъ, есть особенная слабость, и именно вотъ за что. Въ ней, въ этой повѣсти, совершается передъ глазами читателей явленіе наивно-искреннее и совершенно особенное. Художникъ, начавши крити-

ческимъ отношеніемъ къ создаваемому имъ лицу, видимо путается въ этомъ критическомъ отношеніи, самъ не знаетъ что ему дѣлать съ своимъ анатомическимъ ножомъ и наконецъ, увлеченный порывомъ искренняго сочувствія, снова возводитъ въ апооеозу въ эпилогѣ то, къ чему онъ пытался отнестись критически въ разсказѣ. И нельзя даже подумать, чтобы критика была ловкимъ подходомъ къ апооеозѣ; такъ быстро и прямо совершается передъ глазами читателя поворотъ. Такъ послѣ прочтенія эпилога становится ясно, что все, кромѣ эпилога, до той минуты, когда Рудинъ, стоящій вечеромъ у окна и заключающій свою бесѣду, свою проповѣдь легендою о скандинавскомъ царѣ, напоминаетъ манеры, пріемы и цѣлый образъ одного изъ любимѣйшихъ людей нашего поколѣнія, покойнаго Грановскаго, что кромѣ этого, говорю я, все остальное *сдѣлано*, а не рождено, сдѣлано искусственно, хоть и не совсѣмъ искусно, вымучено изъ души насильственно... Тутъ однимъ словомъ обнаруживается въ отношеніяхъ художника къ создаваемому имъ типу, да вмѣстѣ съ тѣмъ и въ отношеніяхъ тѣхъ изъ насъ, кто только подобросовѣстиѣе, замѣчательная путаница... Что такое Рудинъ въ повѣсти? Фразеръ,—но откуда же у фразера сила, дѣйствующая на глубокую натуру Натальи и на чистую, юношески-благородную натуру Басистова? человѣкъ слабый и безхарактерный, „куцый", по выраженію Пигасова, — но отчего же Пигасовъ такъ радъ тому, что разъ подмѣтилъ его куцымъ, и отчего Лежневъ, знающій его вдоль и поперекъ, боится его вліянія на другихъ? Отчего *благородный малый* Волынскій такъ „скорбенъ головой" при своемъ благородствѣ, и отъ чего его судьба, по предсказанію положительнаго Лежнева, быть подъ башмакомъ у Натальи? Что за несчастіе въ нашей литературѣ добрымъ благороднымъ малымъ! Или они тѣни, или ихъ бьютъ. Право такъ.

Въ литературѣ у насъ или, лучше сказать, на сценѣ (ибо это вещь болѣе сценическая, чѣмъ литературная) есть комедія, пользовавшаяся и пользующаяся доселѣ большимъ успѣхомъ. По поводу этой комедіи, послѣ перваго ея представленія мнѣ случилось выдержать долгій и серьезный споръ съ однимъ изъ искреннѣйшихъ моихъ друзей насчетъ въ ней выведеннаго типа. Въ комедіи авторъ, повидимому, имѣлъ задачею анализировать и казнить лицо одного изъ отверженниковъ и отщепенцевъ общества, Ферагюсовъ и Монриво, поколику Ферагюсы и Монриво, смягченные и разжиженные, являются въ нашей жизни. Несмотря на видимую казнь,

всякому чуется въ комедіи скрытое симпатическое или ужъ по крайней мѣрѣ далеко не свободное отношеніе казнящаго къ казнимому. И это, по сознанію самого споривша̀го со мной пріятеля, происходило не отъ игры актера—игра казалась намъ довольно слабою, и мы оба хотѣли бы видѣть въ этой роли покойнаго Мочалова и оба были убѣждены, что смѣшной и до дикости странный, какъ свѣтскій человѣкъ, въ первомъ актѣ, онъ былъ бы недостигаемо великъ въ двухъ остальныхъ... Между тѣмъ и въ бѣдномъ изображеніи, которое мы видѣли, была извѣстная поэзія и его окружалъ извѣстнаго рода ореолъ.

Въ казнимомъ всякимъ моральнымъ судомъ отщепенцѣ общественномъ были обаятельныя стороны, способныя прельстить и увлечь: симпатическое или по крайней мѣрѣ весьма несвободное отношеніе къ нему автора проглядывало и въ явномъ стараніи, съ которымъ выставлялись блестящія свойства его натуры, и въ подчиненіи его моральной силѣ всего окружающаго, и въ томъ, что честный человѣкъ, благородный малый, безуспѣшно съ нимъ борющійся, представленъ какимъ-то идіотомъ и поставленъ, хоть и разъ, правда, но разъ несмываемый, разъ неизгладимый, поставленъ не то что въ комическое, въ безвыходно-срамное положеніе, и наконецъ, въ заключительныхъ словахъ общественнаго отщепенца, словахъ, которыя почти что мирятъ съ нимъ и въ которыхъ слышится не самоуниженіе, а скорѣе вѣра его въ себя, въ свои обаятельныя стороны.

Пріятель мой возставалъ противъ всѣхъ этихъ предположеній, прибѣгая болѣе къ аргументамъ ad hominem, какъ наиболѣе дѣйствительнымъ въ словесномъ спорѣ, т.-е. самого меня укоряя, какъ всегда, въ отсутствіи прочныхъ нравственныхъ убѣжденій. Я же собственно ничего не сдѣлалъ иного, какъ добросовѣстно и смѣло назвалъ по имени то чувство или то впечатлѣніе, которое какъ онъ, такъ и я испытывали равно, съ тѣмъ различіемъ, что онъ противъ впечатлѣнія принималъ оборонительное положеніе, а я давалъ впечатлѣнію полную въ себѣ волю.

Пріятеля моего гораздо болѣе убѣдили немногія слова одной прямой, правдивой и вовсе не эмансипированной женщины, чѣмъ вся наша длинная бесѣда на зеленомъ диванѣ одного московскаго клуба, и я это совершенно понимаю. Что же въ самомъ дѣлѣ, женская-то душа не человѣческая что-ли въ дѣлѣ вопросовъ о сочувствіяхъ? Вѣдь только Собакевичъ, да и то въ юридическомъ

казусѣ почелъ нужнымъ замѣнить имя: „Елисавета Воробей“, именемъ „Елисаветъ Воробей“, чтобы придать существу, носящему это имя, ревизскій характеръ,—но вѣдь область моральныхъ сочувствій не область юридическихъ вопросовъ.

Насколько мое отступленіе ведетъ къ дѣлу, предоставляю рѣшить читателямъ. Дѣло же все главнѣйшимъ образомъ въ томъ, что пока извѣстныя стороны какого-либо типа не перешли въ область комическаго, до тѣхъ поръ вы тщетно станете бороться въ душѣ вашей съ извѣстнаго рода сочувствіемъ къ нимъ. Комизмъ есть единственная смерть для типа или, лучше сказать, для извѣстныхъ его сторонъ,—но надобно, чтобы комизмъ былъ нисколько не насильственный, ибо мало-мальски онъ насильственъ—онъ цѣли своей не достигаетъ... Тамаринъ, напримѣръ, убилъ внѣшнія стороны Печорина, но зато рельефно оттѣнилъ его внутреннія. Батмановъ Писемскаго - эта грубая, но все-таки живая, художническая малевка, или его же болѣе удачный образъ Бахтіарова въ „Тюфякѣ“—цѣли своей не достигли, можетъ-быть именно потому, что художникъ, то малюя, то рисуя ихъ, предполагалъ себѣ извѣстную цѣль, вступалъ съ ними въ борьбу съ самаго начала. „Меричъ“ Островскаго, этотъ замоскворѣцкій франтъ, съ претензіями на Чайльдъ-Гарольда, лицо блѣдное, но полно очерченное, убиваетъ только мелочныя стороны Печорина. Наконецъ, лица, съ которыми ведетъ наивнѣйшую борьбу Тургеневъ, или бьютъ мимо цѣли, какъ „Бреттеръ“ или дразнятъ обаятельными сторонами типа, какъ Веретьевъ, или, наконецъ, поднимаютъ типъ до патетическаго въ „Рудинѣ“—представляющемъ другую его сторону. Въ этомъ лицѣ захвачены глубоко и стремленія и самыя формы, колоритъ стремленій цѣлой эпохи нашего развитія, эпохи могущественнаго вліянія философіи, которая только на своей родинѣ въ Германіи, да у насъ пускала такіе глубокіе, жизненные корни, съ тѣмъ различіемъ, что въ Германіи постоянно, и стало-быть органически, а у насъ, благодаря независящимъ отъ нея, философіи, обстоятельствамъ, порывами. Вслѣдствіе того, что ей удавалось дѣйствовать только порывами, и вслѣдствіе особенности русскаго ума, широко и смѣло захватывающаго мысль въ конечныхъ ея результатахъ, она быстро переходила у насъ въ практическое примѣненіе, быстро сообщала колоритъ, особенный отливъ эпохамъ общественной жизни. Русская сметливость подсказывала не только такой высокой натурѣ, какъ, напримѣръ, натура Бѣлин-

скаго, конечные результаты гегелизма,—она даже геніально-безхарактернаго самоучку Полевого ставила сознаніемъ выше Кузена, изъ котораго почерпалъ онъ когда-то всю свою мудрость, а главное дѣло, что мысль, разъ сознанная, получала тотчасъ же практическое примѣненіе. Всякое вѣяніе переходило, такъ-сказать, въ религію, т.-е. въ связанное, цѣльное бытіе идеала и дѣйствительности, мысли и жизни. Въ этомъ наша сила, но въ этомъ же, повторяю опять и повторю вѣроятно еще нѣсколько разъ, наша слабость. Книги для насъ не просто книги, предметы изученія или развлеченія: книги переходили и переходятъ у насъ непосредственно въ жизнь, въ плоть и кровь, измѣняли и измѣняютъ часто всю сущность нашего нравственнаго міра... Поэтому-то самому всякое идеальное вѣяніе, переходя у насъ непосредственно въ нѣчто реальное, сообщало доселѣ умственнымъ эпохамъ нашего развитія особый цвѣтъ и запахъ. По этому-то самому во всемъ отсталомъ нашего отечества и развито такое безсознательное отвращеніе къ мысли, болѣзнь мысле-боязни; но слѣпая отсталость, нравственное и умственное мѣщанство не видятъ по ограниченности своей, что, стараясь мѣшать мысли въ ея органической дѣятельности и заставляя ее такимъ образомъ вторгаться и дѣйствовать порывами, они сами были виною того, что мысль ломаетъ, сокрушаетъ факты вмѣсто того, чтобы распредѣлять и отстранять ихъ съ подобающею терпимостью.

Мысль, вторгаясь всегда порывомъ, дѣйствуетъ и дѣйствовала въ насъ мучительно и болѣзненно... Опять обращусь я къ единственному истолкованію тайнъ жизни, къ поэзіи, и укажу вамъ на дикіе результаты бурныхъ и слѣпыхъ стихійныхъ вѣяній романтизма въ поэзіи, въ натурѣ Полежаева; на страшную и холодно-безпощадную послѣдовательность Лермонтова; на мучительныя „Думы“ самородка Кольцова, такъ разрушительно подѣйствовавшія на натуру и жизнь нашего высокаго народнаго лирика; на глубокую религіозность поэзіи Тютчева, на скорбные стопы поэта, которые невольно цитируешь безпрестанно, какъ только заговоришь о дѣйствіи мысли на жизнь:

И ночь, и мракъ! какъ все томительно пустынно!
Безсонный дождь стучитъ въ мое окно,
Блуждаетъ лучъ свѣчи, мѣняясь съ тѣнью длинной,
И на сердцѣ печально и темно.
Былые сны! душѣ разстаться съ вами больно;
Еще ловлю я призраки вдали,

Еще желаніе въ груди кипитъ невольно!
Но жизнь и мысль убили сны мои...
Мысль, мысль! какъ страшно мнѣ теперь твое движенье,
Страшна твоя тяжелая борьба,
Грозенъ небесныхъ бурь несешь ты разрушенье,
Неумолима, какъ сама судьба!
Ты миръ невинности давно во мнѣ сломила,
Меня навѣкъ въ броженье вовлекла,
За вѣрой вѣру ты въ душѣ моей сгубила,
Вчерашній свѣтъ мнѣ тьмою назвала.

Въ этомъ глубокомъ, искреннемъ и безыскусственномъ стонѣ задушевная исповѣдь цѣлой эпохи, стонъ цѣлаго поколѣнія... Въ былые, блаженные дни юности, оно, это беззавѣтно отдававшееся мысли поколѣніе, толкуя, какъ кружокъ „Гамлета щигровскаго уѣзда“, о вѣчномъ солнцѣ духа, „переходя in's Unendliche“ съ Гёте и сливаясь съ жизнію des absoluten Geistes, ликовало, торжествовало младенчески, трепетало отъ восторга въ сознаніи, что жизнь есть великое таинство... „Было время—говорило оно тогда устами Бѣлинскаго, одного изъ высшихъ и геніальнѣйшихъ своихъ представителей, относясь съ озлобленіемъ и ожесточеніемъ неофитизма къ XVIII вѣку, своему великому предшественнику, котораго оно еще не понимало, въ чаду упоенія символами и мистеріями,—было время, когда думали, что конечная цѣль человѣческой жизни есть счастіе. Твердили о суетности, непрочности и непостоянствѣ всего подлуннаго и взапуски спѣшили жить, пока жилось, и наслаждаться жизнію во что бы то ни стало. Разумѣется, всякій по-своему понималъ и толковалъ счастіе жизни, но всѣ были согласны въ томъ, что оно состоитъ въ наслажденіи. Законы, совѣсть, нравственная свобода человѣческая, всѣ отношенія общественныя почитались не инымъ чѣмъ, какъ вещами, необходимыми для связи политическаго тѣла, но въ самихъ себѣ пустыми и ничтожными. Молились въ храмахъ и кощунствовали въ бесѣдахъ; заключали брачные контракты, совершали брачные обряды—и предавались всѣмъ неистовствамъ сладострастія; знали, вслѣдствіе вѣковыхъ опытовъ, что люди не звѣри, что ихъ должны соединять религія и законы, знали это хорошо и приноровили религіозныя и гражданскія понятія къ своимъ понятіямъ о жизни и счастіи: высочайшимъ и лучшимъ идеаломъ общественнаго зданія почиталось то политическое общество, котораго условія и основанія клонились къ тому, чтобы люди не мѣшали людямъ веселить-

ся. Это была религія XVIII вѣка. Одинъ изъ лучшихъ людей этого вѣка сказалъ:

Жизнь есть небесъ мгновенный даръ:
Устрой ее себѣ къ покою,
И съ чистою твоей душою
Благословляй судебъ ударъ
. . . . . .
. . . . . .
Ней, ѣшь и веселись, сосѣдъ!
На свѣтѣ жить намъ время срочно;
Веселье то лишь непорочно
Раскаянья за коимъ нѣтъ.

„Это была еще самая высочайшая нравственность: самые лучшіе люди того времени не могли возвыситься до высшаго идеала иной. Но вдругъ все измѣнилось: философовъ, пустившихъ въ оборотъ это понятіе, начали называть, говоря любимымъ словомъ барона Брамбеуса, надувателями человѣческаго рода. Явились новые надуватели—нѣмецкіе философы, къ которымъ по справедливости вышереченный мужъ питаетъ ужасную антипатію, которыхъ нѣкогда такъ прекрасно отшлифовалъ г. Масальскій, въ превосходной своей повѣсти: „Донъ-Кихотъ XIX вѣка“—этомъ истинномъ chef d'œuvre русской литературы, и которыхъ наконецъ недавно убила наповалъ „Библіотека для Чтенія“. Эти новые надуватели съ удивительною наглостію и шарлатанствомъ начали проповѣдывать самыя безнравственныя правила, вслѣдствіе коихъ цѣль бытія человѣческаго состоитъ будто бы не въ счастіи, не въ наслажденіяхъ земными благами, а въ полномъ сознаніи своего человѣческаго достоинства, въ гармоническомъ проявленіи сокровищъ своего духа. Но этимъ не кончилась дерзость жалкихъ вольнодумцевъ: они стали еще утверждать, что будто только жизнь, исполненная безкорыстныхъ порывовъ къ добру, исполненная лишеній и страданій, можетъ назваться жизнію человѣческою, а всякая другая есть большее или меньшее приближенье къ жизни животной. Нѣкоторые поэты стали дѣйствовать, какъ будто бы по согласію съ сими злонамѣренными философами, и распространять разныя вредныя идеи, какъ-то: что человѣкъ долженъ выразить хоть какую-нибудь человѣческую сторону своего человѣческаго бытія, если не всѣ, т.-е. или дѣйствовать практически на пользу общества, если онъ стоитъ на важной ступени онаго, безъ всякаго побужденія къ личному вознагражденію; или отдать

всего себя знанію для самого знанія, а не для денегъ и чиновъ; или посвятить себя наслажденію искусствомъ, въ качествѣ любителя, не для свѣтскаго образованія, какъ прежде, а для того, что искусство (будто бы) есть одно изъ звеньевъ, соединяющихъ землю съ небомъ; или посвятить себя ему въ качествѣ дѣйствователя, если чувствуетъ на это призваніе свыше, но не призваніе кармана; или любить другую душу, чтобы каждая изъ земныхъ душъ имѣла право сказать:

Я все земное совершила:
Я на землѣ любила и жила;

или, наконецъ, просто имѣть какой-нибудь высшій человѣческій интересъ въ жизни, только не наслажденье, не объяденіе земными благами. Потомъ на помощь этимъ философамъ пришли историки, которые стали и теоріями и фактами доказывать, что будто не только каждый человѣкъ въ частности, но и весь родъ человѣческій стремится къ какому-то высшему проявленію и развитію человѣческаго совершенства; но зато и катаетъ же ихъ, озорниковъ, почтенный баронъ Брамбеусъ! Я, съ своей стороны, право не знаю, кто правъ: прежніе ли французскіе философы или нынѣшніе нѣмецкіе; который лучше: XVIII или XIX вѣкъ; но знаю, что между тѣми и другими, между тѣмъ и другимъ—большая разница во многихъ отношеніяхъ..." (Сочин. В. Бѣлинскаго, томъ I, стр. 382).

Философскія вѣрованія были истинно вѣрованія, переходили въ жизнь, въ плоть и кровь. Нужды нѣтъ, что дѣло кончилось извѣстнымъ изображеніемъ змѣя, кусающаго свой собственный хвостъ [1]), нужды нѣтъ, что въ концѣ-концовъ, идеализмъ XIX вѣка, гордо возставшій на XVIII вѣкъ, сошелся съ нимъ въ послѣднихъ результатахъ. Дѣло не въ результатахъ, дѣло въ процессѣ, который приводитъ къ результатамъ, какъ сказалъ одинъ изъ великихъ учителей XIX вѣка въ своей Феноменологіи...

И вотъ почему всѣ, и здоровыя, и болѣзненныя попытки наши насмѣяться надъ нашимъ броженіемъ, окончательно побѣдить обаятельный типъ слагавшійся передъ нами, типъ, который въ лицѣ Печорина сознаетъ въ себѣ „силы необъятныя", растрачиваемыя на мелочи, типъ сильнаго, страстнаго человѣка, оказались тщет-

[1]) Извѣстный масонскій символъ, изображающій идею вѣчности.
Примѣч. В. С.

ными. Комизмомъ мы убили только фальшивыя, условныя его стороны.

Еще болѣе оказались мыльными пузырями попытки наши замѣнить этотъ типъ другимъ, выдвинуть на его мѣсто типъ положительно-дѣятельный. Увы! дальше героевъ, недослуживающихъ четырнадцати лѣтъ и пяти мѣсяцевъ до пряжки, мы пока не ходили [1]). Положительно-дѣятельный типъ только-что опозоренъ и промахомъ великаго Гоголя въ его Констанжогло, и промахомъ даровитаго Писемскаго въ героѣ его „Тысячи душъ", и повѣстями г. Дружинина, съ его докторами Армгольдами и другими господами, дѣйствующими благородно и ревностно въ какихъ-то никому не вѣдомыхъ областяхъ, и окончательно наповалъ убитъ этотъ типъ Штольцомъ, идеаломъ г. Гончарова.

Путемъ анализа и разоблаченія мы добрались пожалуй до того, что героическаго нѣтъ уже въ душѣ и въ жизни: что̀ кажется героическимъ, то въ сущности—тамаринское или даже хлестаковское. Но странно, что никто не потрудился спросить себя, какого именно героическаго нѣтъ больше въ душѣ и въ натурѣ, и въ какой натурѣ его нѣтъ?.. Предпочли нѣкоторые или стоять за героическое уже осмѣянное (и замѣчательно, что за героическое стояли господа, болѣе наклонные къ практически-юридическимъ толкамъ въ литературѣ),—или стоять за натуру.

Не обратили вниманія на обстоятельство весьма простое. Со временъ Петра Великаго народная натура примѣривала на себя выдѣланныя формы героическаго, выдѣланныя не ею. Кафтанъ оказывался то узокъ, то коротокъ: нашлась горсть людей, которые кое-какъ его напялили, и они стали преважно въ немъ расхаживать. Гоголь сказалъ всѣмъ, что они щеголяютъ въ чужомъ кафтанѣ, и этотъ кафтанъ сидитъ на нихъ, какъ на коровѣ сѣдло, да ужь и затаскалъ такъ, что на него смотрѣть скверно. Изъ этого слѣдовало только то, что нуженъ другой кафтанъ по мѣркѣ толщины и роста, а вовсе не то, чтобы совсѣмъ остаться безъ кафтана, или продолжать пялить на себя кафтанъ изношенный.

Была еще другая сторона въ вопросѣ: Гоголь выказалъ передъ сложеннымъ вѣками идеаломъ героическаго несостоятельность только того въ нашей душѣ и въ окружающей дѣйствительности, что на себя идеалъ примѣривало. Между тѣмъ и въ насъ самихъ,

[1]) Бельтовъ въ романѣ „Кто виноватъ" Герцена. *Примѣч. В. С.*

и вокругъ насъ было еще нѣчто такое, что жило по своимъ собственнымъ началамъ и жило гораздо сильнѣе чѣмъ то, что примѣривалось къ чуждымъ идеаламъ, что оставалось чистымъ и простымъ послѣ всей борьбы съ блестящими, но чуждыми идеалами.

Между тѣмъ самыя сочувствія, разъ возбужденныя, умереть не могли,—идеалы не потеряли своей обаятельной силы и прелести.

Да и почему же эти сочувствія въ основахъ своихъ были незаконны?

Положимъ или даже не положимъ, а скажемъ утвердительно, что нехорошо сочувствовать Печорину, такому, какимъ онъ является въ романѣ Лермонтова, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы должны были „ротитися и клятися“ въ томъ, что мы никогда не сочувствовали натурѣ Печорина до той минуты, въ которую является онъ въ романѣ, т.-е. стихіямъ натуры до извращенія ихъ. Изъ этого еще менѣе слѣдуетъ, чтобы мы все сочувствіе наше перенесли на Максима Максимыча и его возвели въ герои. Максимъ Максимычъ, конечно, очень хорошій человѣкъ, и конечно, правѣе и достойнѣе сочувствія въ своихъ дѣйствіяхъ, чѣмъ Печоринъ, но вѣдь онъ тупоуменъ и по простой натурѣ своей даже и не могъ впасть въ тѣ уродливыя крайности, въ которыя попалъ Печоринъ.

Голосъ за простое и доброе, поднявшійся въ душахъ нашихъ противъ ложнаго и хищнаго, есть, конечно, прекрасный голосъ, но заслуга его есть только отрицательная. Его положительная сторона есть застой, закись, моральное мѣщанство.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

Попытки комическаго разоблаченія Лермонтовскаго типа и его трагическая сущность.

I.

Личность дошла до крайнихъ предѣловъ своего протеста въ Лермонтовѣ, но самые предѣлы эти обусловливались данными нашего „показнаго быта“, лицевой стороны, казоваго конца нашего развитія. Тревожное начало, тотъ огонь, о которомъ Лермонтовъ устами своего „Мцыри“ говоритъ, что онъ

отъ юныхъ дней
Таяся, жилъ въ груди моей...
И онъ прожогъ свою тюрьму;

буйство силъ, выражавшееся въ дѣятельности Бестужева-Марлинскаго и Полежаева, у самого Лермонтова сказывавшееся колоссальнымъ призракомъ его „Демона“, хаотически выразившееся въ Арбенинѣ „Маскарада“, звучащее мрачными и зловѣщими предчувствіями въ его лирическихъ стихотвореніяхъ, столкнулось съ нашею условною, „показною“ дѣйствительностью.

Результатомъ такого столкновенія былъ образъ „Героя нашего времени“, образъ Печорина, въ которомъ сказалась общая тайна эпохи, le secret de tout le monde, если *всьми* назвать людей условно-цивилизованной сферы, оторвавшейся отъ всякой почвы, людей разрозненныхъ съ бытовою, непосредственною жизнію...

„Болѣзнь указана“, сказалъ самъ поэтъ въ удивительномъ предисловіи ко второму изданію своего великаго романа; но говоря это, онъ самъ еще плохо вѣрилъ въ то, что протестъ его въ этой формѣ—болѣзнь, а не нормальное явленіе. Къ болѣзни иначе относятся, нежели онъ отнесся къ своему Печорину; да романъ его тѣмъ-то и дорогъ, что онъ вовсе не сатира, а художественное засвидѣтельствованіе извѣстнаго факта.

Оппозиція застоя недаромъ накинулась на Лермонтова съ пеистовымъ озлобленіемъ [1]). Она поняла сразу великую отрицательную силу въ Лермонтовѣ; но обаянію, общему обаянію, производимому его созданіемъ, могла противопоставить только голыя ругательства.

Условныя формы Лермонтовскаго типа могла разбить только жизнь своими дальнѣйшими откровеніями, и она разбила ихъ, разбила постепенно и въ высшей степени поучительно для мыслящаго наблюдателя, гораздо поучительнѣе, чѣмъ всѣ неистовыя выходки застоя и мракобѣсія.

Оппозиція застоя не видала „слона“ въ общемъ движеніи, не видала противодѣйствія Лермонтовскому протесту личности, не слыхала, оглушенная и смущенная стонами отчаянія и хулами гордыхъ проклятій—карающаго и негодующаго смѣха Гоголя.

---

[1]) Подразумѣвается, конечно, статья Бурачка въ „Маякѣ“ по поводу „Героя нашего времени“; Григорьевъ подробно говоритъ о ней въ своей статьѣ: „Развитіе идеи народности въ русской литературѣ“ (см. 3-й выпускъ настоящаго изданія, стр. 130—136). *Примѣч. В. С.*

Въ Лермонтовѣ и его направленіи дошелъ до крайнихъ степеней своихъ протестъ *развитой на показъ* личности противъ неразвитаго быта. За Лермонтовымъ явилась отрицательная литература тридцатыхъ годовъ, потянулся длинный рядъ повѣстей, кончившихся неизбѣжно прямо ли высказаннымъ или подразумѣвавшимся припѣвомъ: „И вотъ что можетъ сдѣлаться изъ человѣка". Припѣвъ этотъ по формѣ былъ заимствованъ у Гоголя, но онъ пѣлся на Лермонтовскій ладъ. Въ повѣстяхъ этихъ, по волѣ и прихоти ихъ авторовъ, совершались самыя удивительныя превращенія съ героями и героинями, задыхавшимися въ грязной, бѣдной ощущеніями и тупоумной дѣйствительности. Все это были болѣе или менѣе поэмы о „необъятныхъ", гибнущихъ даромъ силахъ...

Но въ это же время Гоголь пѣлъ другую поэму, о несостоятельности показнаго человѣка, не указывая впрочемъ для души никакой положительной замѣны. Онъ неумолимо говорилъ современному человѣку: „Ты, мой любезный, вовсе не герой, а только корчишь героя: въ любви ты чаще всего—Хлестаковъ, зовущій городничиху подъ сѣнь струй (геніальнѣйшая безсмыслица! въ ней, какъ въ фокусѣ, совмѣщена вся романтическая чепуха, которую несутъ герои и героини Марлинскаго, Кукольника и Полевого); въ гражданскомъ отношеніи ты или Антонъ Антонычъ Сквозникъ-Дмухановскій, или, что еще несравненно хуже, Александръ Иванычъ въ „Утрѣ дѣлового человѣка", навязывающій бумажки на хвостъ собачкѣ; ты только самолюбивъ и безпеченъ, а излишнія мечты могутъ довести тебя, если ты нѣсколько горячъ, или до участи художника Пискарева, или до испанскаго трона Поприщина; и за что же ты погибнешь такъ безобразно, когда товарищъ же твой, поручикъ Пироговъ, такъ благоразумно подавитъ въ себѣ *героическую* вспышку за оскорбленіе и будетъ прекраснѣйшимъ образомъ процвѣтать и красоваться на различныхъ чиновническихъ балахъ, а Кочкаревъ основательно докажетъ, что нѣтъ ничего легче поправить ту бѣду, когда плюнутъ въ рожу. Ты не Гамлетъ, ты—Подколесинъ: ни въ себѣ, ни въ окружающей тебя жизни, ты не найдешь отзыва на твои представленія о героическомъ, которыя иногда въ тебѣ какъ пѣна поднимаются".

Прекрасно! но какой же будетъ логическій выводъ отъ этой посылки? Первый выводъ—вопросъ: что же право—представленіе ли о героическомъ, или противорѣчіе героическому, т.-е. натура? Вотъ этотъ-то вопросъ и далъ силу тому, что во времена оны

называлось натуральною школою, и что было логическимъ послѣдствіемъ Гоголя. Натурализмъ порѣшилъ дѣло тѣмъ, что если натура не даетъ силъ на борьбу за героическое, если она обмелѣла, то нечего съ этимъ и дѣлать: надобно брать вещи такъ, какъ онѣ есть. Значитъ—нѣтъ борьбы, или борьба есть донкихотство; значитъ, надобно признать таковое безсиліе за законъ бытія; значитъ, то сочувствіе, которое имѣли мы къ великимъ честолюбіямъ, надобно перенести на обидчивость маленькаго человѣка; то сочувствіе, которое имѣли мы къ страсти Ромео и Джульетты, къ мщенію Гамлета, къ заботамъ разныхъ героевъ о благѣ общественномъ, къ возвышенной, хотя нѣсколько ходульной энергіи Верины (въ „Фіэско"), перенести на страсти изъ-за угла героевъ разныхъ чердаковъ, или Тургеневскаго Пѣтушкова, на мщеніе героя одной изъ тогдашнихъ повѣстей Перепельскаго-Некрасова... Повѣсть эта (я люблю поднимать забытыя явленія) въ высшей степени характеристична, и какъ вещь молодая, представляетъ наивнѣйшее развитіе сѣмени, заброшеннаго Гоголемъ, сказавшимъ какъ-то, что въ наше время сильнѣй завязываетъ драму желаніе достать выгодное мѣстечко, отмстить за оскорбленіе и проч., чѣмъ любовь. Бѣлинскій извлекъ изъ этого цѣлую діатрибу противъ любви. Діатриба вышла пламенно-тревожная, такъ что поневолѣ можно сказать, что Бѣлинскій писалъ тревожныя статьи противъ тревожныхъ чувствъ въ пользу тревожныхъ чувствъ другого рода. Въ повѣсти тогдашняго Некрасова, стремленіе мелкаго человѣка отмстить мелкой женщинѣ за мелкое оскорбленіе такъ завязало драму, что сама душа автора тутъ запуталась: съ такою сластью изображено здѣсь мизерное лицемѣріе, что писатель видимо не возвышался надъ уровнемъ анализируемаго имъ чувства, и эта же, здѣсь уже попорченная способность возвышаться надъ уровнемъ анализа, отразилась потомъ въ нѣкоторыхъ его стихотвореніяхъ, которыя, несмотря на очевидное присутствіе пламени разбитаго, но все еще сильнаго и высокаго таланта, дышатъ горемъ для всѣхъ, не потерявшихъ свѣжести эстетическаго и нравственнаго чувства, душнымъ и тяжелымъ впечатлѣніемъ. Бѣдный, истинно мучащійся поэтъ, не можетъ ни на минуту перестать смотрѣть сквозь аналитическую призму, всюду показывающую ему ворочающихся гадовъ: въ самомъ простомъ, обычномъ фактѣ повседневной жизни, способномъ въ благоустроенной душѣ пробудить строй спокойный и мирный, какъ, напримѣръ, свадьба человѣка изъ про-

стого народа съ женщиною изъ простого же народа,—онъ способенъ видѣть только грѣхъ въ прошедшемъ и горе впереди; для трагическаго положенія матери, не имѣющей на что похоронить ребенка, онъ не видитъ и не можетъ видѣть никакого иного выхода, кромѣ продажи себя уличному разврату, въ странѣ, гдѣ слава Богу еще подаютъ милостыню и, еще болѣе слава Богу! подаютъ ее безъ критическаго разбора нравственныхъ свойствъ просящаго Христа ради и оцѣнки его личности; въ странѣ, гдѣ нерѣдко, идя по улицѣ, видите вы деревянный гробикъ на колѣняхъ у женщины и видите, какъ, снявъ шапку и перекрестившись, кладетъ въ него не одинъ прохожій свой мѣдный грошъ, а кто и болѣе, смотря по достатку и по силѣ. Вслѣдствіе этого-то, въ лицѣ сборщика на построеніе храма больной поэтъ, умиляясь, впрочемъ, какъ поэтъ, этому образу, но не умѣя вывести его появленіе на свѣтъ Божій изъ источниковъ вѣчно бьющихъ живыми ключами въ народной натурѣ, не можетъ представить въ немъ ничего иного, кромѣ раскаявшагося злодѣя...

Съ другой стороны, вопль идеалиста Гоголя за идеалъ, за „прекраснаго человѣка“, переходилъ въ школѣ сентиментальнаго натурализма въ вопль и протестъ за разслабленнаго, за хилаго морально и физически человѣка. Горькій смѣхъ великаго юмориста надъ измельчавшимъ и унизившимся человѣкомъ, смѣхъ, соединенный съ пламеннымъ негодованіемъ на ложь и формализмъ той среды жизни, въ которой мельчаетъ и унижается человѣкъ, перешли въ болѣзненный протестъ за измельчавшаго и униженнаго человѣка, вслѣдствіе чего и самый протестъ противъ ложной и чисто-формальной дѣйствительности лишился своего высшаго, нравственнаго значенія. Отдѣлите одинъ болѣзненный юморъ раздражительной натуры отъ стремленій къ идеалу въ творчествѣ Гоголя, и чудовищныя созданія появятся на свѣтъ вслѣдствіе причудъ этого болѣзненнаго юмора! Взгляните на „Акакія Акакьевича“ съ сентиментальной точки зрѣнія, проникнитесь въ отношеніи къ нему не общечеловѣческимъ, правильнымъ сочувствіемъ, а исключительнымъ, болѣзненною симпатіею, возведите на степень права требованіе героя „Записокъ сумасшедшаго“, и вотъ вамъ крайнія произведенія сентиментальнаго натурализма, котораго вина противъ искусства заключалась въ рабской натуральности, не отличающей въ дѣйствительности явленій случайныхъ отъ типическихъ и необходимыхъ.

Когда Гоголь говорилъ въ „Мертвыхъ душахъ“ о томъ, что опошлился добродѣтельный человѣкъ (т.-е. сильный человѣкъ) что пора, по его выраженію, „припрячь плутоватаго человѣка“, онъ, во-первыхъ, развѣнчивалъ ложно-добродѣтельнаго и ложно-сильнаго человѣка, развѣнчивалъ его ходульную величавость и мишурность: во-вторыхъ, онъ плакалъ, болѣлъ сердечно о томъ, что „нигдѣ не видитъ онъ мужа“; своимъ энергическимъ словомъ онъ клеймитъ же въ другомъ мѣстѣ своихъ сочиненій безсильнаго человѣка („Дрянь и тряпка сталъ всякъ человѣкъ“...)

Великій обличитель всего, что въ немъ самомъ было ложнаго, и что вокругъ себя видѣлъ онъ ложнаго, Гоголь обличилъ наконецъ самое обличеніе въ несостоятельности его, разорванности, въ отсутствіи всякаго живого средоточенія. Но обличитель въ свою очередь хочетъ стать выше самого себя, хочетъ строить свой міръ изъ обличенныхъ въ негодности матеріаловъ стараго, изъ же разрушеннаго зданія, подкрашиваетъ, сколачиваетъ и падаетъ, разбитый сознаніемъ безжизненности въ созданьи, сожигаемый тоскою объ идеалѣ, которому формъ не находитъ.

Страшный урокъ, страшно трагическое событіе! Но въ немъ есть смыслъ и смыслъ великій, утѣшительный.

Гоголь былъ весь человѣкъ сдѣланный, какъ великій умъ и великій художественный талантъ; онъ, нося въ себѣ эту язву, яснѣе всѣхъ другихъ, носившихъ ее въ себѣ, сознавалъ это и преслѣдовалъ ее въ себѣ и въ другихъ пещадно. Простой великій человѣкъ (одинъ изъ простѣйшихъ, какихъ когда-либо посылало небо землѣ), безпаказанно выносившій на себѣ всякія чуждыя краски, которыя съ лѣтами упали „ветхой чешуей“, и оставшійся всюду съ своей собственной богатой природой, опредѣлилъ ему самому его значеніе такъ, что никто лучше его не умѣетъ выставить „пошлость пошлаго человѣка“ [1]). Анализъ всего въ душѣ нашей пошлаго и анализъ окружающей жизни сквозь призму внутренней пошлости, вотъ въ самомъ дѣлѣ вся задача Гоголевскаго творчества. У всякаго писателя есть его задушевное слово и это-то именно слово онъ призванъ сказать міру, ибо оно-то именно міру и нужно, какъ новое слово, и оно-то вмѣстѣ дѣло души, о которомъ такъ часто говоритъ Гоголь въ своей Перепискѣ и въ своихъ письмахъ. Это слово, въ конечной формѣ, есть послѣдняя

[1]) Выраженіе С. Т. Аксакова. *Примѣч. В. С.*

правда души о ней самой и о ея цѣлостномъ пониманіи Божьяго міра, центръ малаго міра въ его страданьемъ и борьбою купленномъ (такъ или иначе) отождествленіи съ центромъ великаго міра.

Мучась вопросомъ художественнымъ, Гоголь въ то же самое время мучился вопросомъ нравственнымъ, окончательно добиваясь отъ себя правды въ его разрѣшеніи... Онъ внутренно огорчался своимъ призваніемъ выставлять пошлость пошлаго человѣка, т.-е. снимать личину эффектной наружности съ того, что въ сущности обыкновенно, и что, обличенное, становится пошлымъ. Его огорченіе проглядываетъ почти во всѣхъ его лирическихъ страницахъ, но у него оно оставалось только стремленіемъ къ идеалу и оправданіемъ своего дѣла, какъ отрицательнаго пути къ идеальному, между тѣмъ какъ у тѣхъ, которые были ближайшими его послѣдователями, у сентиментальныхъ натуралистовъ, оно на время обратилось въ слѣпой, хотя часто энергическій протестъ за безсильнаго человѣка.

Но дѣло въ томъ, что, какъ ни развернулись впослѣдствіи смѣха Гоголевскаго обличенія несостоятельности, и къ чему ни повели они, Гоголевскій анализъ разбилъ несостоятельныя показныя формы.

Въ свою очередь сама безсознательная литература сороковыхъ годовъ, столько же, если еще не болѣе, подорвала кредитъ Гоголя, за что она ратовала, кредитъ этихъ „необъятныхъ“ силъ, гибнущихъ въ смрадной дѣйствительности... Дошло дѣло до того, что реакція самаго узкаго, мѣщанскаго или, что еще хуже, бюрократическаго протеста за дѣйствительность при пособіи замѣчательнаго внѣшняго таланта г. Гончарова, встрѣчена была сильнымъ сочувствіемъ, дошло до того, что читались даже фантастически-ложныя повѣсти г. Дружинина съ его *где-то*, въ какихъ-то фантастическихъ вѣдомствахъ дѣйствующими на „пользу общую“ героями, что Писемскій дошелъ до *положительнаго* Калиновича.

И вотъ, почти одновременно съ началомъ реакціи, старый Лермонтовскій типъ, размѣнявшійся на героевъ и героинь сороковыхъ годовъ, вдругъ вздумалъ повториться буквально...

Бываютъ странныя книги, но едва ли найдется книга страннѣе и коли хотите, знаменательнѣе „Тамарина“—г. Авдѣева, этого загадочнаго таланта, наивно-повторившаго *формы* Лермонтовскаго типа и наивно же доведшаго въ „Подводномъ камнѣ“ до крайнихъ границъ нелѣпости идею эмансипаціи.

Гоголь заставилъ насъ сомнѣваться въ нашей личности и ея состоятельности; литература сороковыхъ годовъ подорвала кредитъ обилія „необъятныхъ“ силъ въ нашемъ быту; Тургеневъ болѣзненно отмѣтилъ большинство изъ насъ *кущыми*,—но развѣнчать исключительный типъ Лермонтова можно было не иначе, какъ повторивши его въ тѣхъ же самыхъ формахъ, въ которыхъ онъ явился у поэта, съ наивною вѣрою г. Авдѣева въ законность этихъ формъ.

II.

Съ фигурой Лермонтовскаго героя знакомы болѣе или менѣе всѣ, знакомо, вѣроятно, и поколѣніе юныхъ Базаровыхъ, хотя оно вообще ничего вчерашняго не читаетъ, но наивное повтореніе типа г. Авдѣевымъ совершенно забыто, и потому я считаю необходимымъ напомнить его многознаменательное содержаніе.

Повтореніе началось съ повѣсти „Варинька“, которую г. Авдѣевъ напечаталъ въ „Современникѣ“ 1849 года. Авторъ назвалъ свой разсказъ „повѣстью Ивана Васильича“. Иванъ Васильичъ, нѣчто вродѣ Максима Максимыча, только, разумѣется, въ немъ нѣтъ и тѣни той высокой художественной истины, той неподражаемой простоты, съ которыми начерченъ знакомый всѣмъ образъ у Лермонтова. Иванъ Васильичъ помѣщикъ, не очень старый и не очень молодой, находится нѣкоторымъ образомъ подъ туфлею дражайшей половины. Но еслибъ вы знали, какъ поэтически подчасъ описываетъ женскую красоту этотъ помѣщикъ. Его половина вѣрно бы сказала при этомъ случаѣ: „Ахъ, Антоша, какія ты слова употребляешь!“ только разумѣется съ инымъ чувствомъ, нежели городничиха. Вообще, Иванъ Васильичъ, за которымъ хотѣлъ скрыться авторъ, не удался ему. Иванъ Васильичъ, собравшись по пріѣздѣ изъ Москвы (куда онъ ѣздилъ перезакладывать имѣніе въ Опекунскій совѣтъ) навѣстить всѣхъ своихъ сосѣдей, прежде всего ѣдетъ къ Сергѣю Петровичу Тамарину, богатому молодому человѣку, который принужденъ жить въ своемъ Рыбномъ. Сергѣй Петровичъ утомленъ жизнью, что и высказываетъ Ивану Васильичу, да и мало ли что высказываетъ. Ему, напримѣръ, приносятъ при Иванѣ Васильичѣ раздушенную записку; добрый Иванъ Васильичъ и не спросилъ бы вѣроятно изъ учтивости, отъ кого эта записка, но онъ самъ ему объявляетъ, что записка отъ баронессы Б. Впрочемъ онъ человѣкъ весьма порядочный, даже великосвѣтскій:

завтракаетъ съ чаемъ ветчину, къ крайнему удивленію степныхъ помѣщиковъ; у него есть и конь арабской породы, и т. д. За этимъ разсказчикъ ѣдетъ навѣстить свою сосѣдку, Мавру Савишну, у которой есть дочь Варенька. Въ восемнадцать лѣтъ она дошла уже до того, что „любила всѣхъ и потому никого не любила". За ней ухаживаетъ добрый Володя, но ее тревожитъ еще незнакомый ей Тамаринъ, о которомъ пріятельница, „губернская дѣвушка и львица" пишетъ ей, что его въ школѣ прозвали „демономъ"... Въ этомъ названіи, которое Иванъ Васильичъ и всѣ другіе, даютъ на каждомъ шагу Тамарину, небольшая разница между нимъ и Печоринымъ, котораго, какъ извѣстно, такъ не называли. Варенька требуетъ, чтобъ Иванъ Васильичъ свелъ ее съ „демономъ". Доброму Ивану Васильичу, разумѣется, показалось это почему-то непонятно; но онъ исполнилъ ея желаніе, исполнилъ даже въ большей степени, нежели она просила: „позвалъ къ себѣ не только Тамарина, но и баронессу Б., даму лѣтъ двадцати трехъ, высокую, худенькую, стройную и очень блѣдную. Лицо у нея было предоброе, но въ большихъ черныхъ глазахъ было много смѣлости и цинизма: эта женщина, должно быть, испытала горе, но не поддалась ему. Кто будетъ глядѣть на одно лицо, тому будетъ жалко; кто взглянетъ въ глаза—холодно отвернется отъ нея". Значитъ, она по крайней мѣрѣ не похожа на Вѣру. Послѣ свиданія съ Тамаринымъ, Варенька пишетъ къ подругѣ письмо. Изъ письма этого открываются слѣдующія обстоятельства: 1) она думала встрѣтить демона-брюнета, а встрѣтила блондина; впрочемъ нашла, что „демонъ" подъ этой личиной гораздо опаснѣе ея идеала; 2) что она подслушивала разговоръ его въ саду съ баронессой, вышедшей съ нимъ вслѣдствіе того, что во взглядѣ его была какая-то воля; баронесса тоже звала его „демономъ" и между прочимъ боялась, чтобъ онъ не слишкомъ занялся Варенькой, которой ему очень легко вскружить голову. По этой причинѣ Варенька рѣшилась мстить *демону* и покорить его, но вскорѣ призналась въ письмѣ къ подругѣ, что онъ *„разнообразенъ, новъ, великъ"*. Тамаринъ въ разговорахъ съ нею говоритъ, что „когда пройдешь полжизни, не драпируясь ни въ какія чувства, тогда рождается горькое убѣжденіе" и т. д., и между тѣмъ драпируется ужасно. Послѣ разговора съ Варенькой, Тамаринъ „прошелъ два раза по аллеѣ, зашелъ на пять минутъ къ Аврѣ Савишнѣ и уѣхалъ очень довольный собою"—точь въ точь Печоринъ, послѣ

того, какъ ему удалось вбѣгить Мери покупкой ковра. Автору впрочемъ самому стало какъ будто совѣстно за самодовольство своего героя. Тамаринъ сидитъ и думаетъ въ своемъ кабинетѣ. „О чемъ онъ думалъ? Богъ вѣдалъ: его лицо такъ привыкло не выдавать тайныхъ думъ, что и наединѣ, какъ въ гостиной, оно было по привычкѣ холодно, спокойно и безмолвно. Только въ его глазахъ было выраженіе. Это не было выраженіе мелочного самодовольства, удовлетвореннаго самолюбія. Нѣтъ, въ нихъ было гордое выраженіе человѣка, сознавшаго собственную силу, что-то похожее на благородное торжество оскорбленнаго самолюбія, которому отдали должную справедливость". Онъ все жаловался, что „его никто не любитъ этой любовью, которая не выпрашивается волокитствомъ, не возбуждается насильственно-романтическими чувствами, театральными положеніями". Насколько онъ способенъ отдаться такой любви, мы увидимъ далѣе. Баронесса приходитъ къ нему ночью и умоляетъ его оставить Вареньку. Онъ даетъ слово покончить съ ней завтра. Онъ началъ было уже и исполнять это слово, т.-е. совѣтовать Варенькѣ не любить его (извѣстно, что это значитъ въ переводѣ); но во время разговора получилъ письмо отъ баронессы, которая прощается съ нимъ, раскаивается въ томъ, что „когда-то нанесла ударъ его страшному самолюбію, безпощадно пронзила его мягкое, дѣтское сердце". Получивъ письмо, Тамаринъ говоритъ Варенькѣ: „любите меня хоть немного!" Потомъ къ нему пріѣзжаетъ свѣтскій фатъ, который пугаетъ его тѣмъ, что онъ растолстѣетъ, когда женится, и Тамаринъ уѣзжаетъ съ нимъ въ другой городъ. Варенька ѣдетъ за нимъ въ тотъ же городъ, къ крайнему прискорбію Ивана Васильича,—который, впрочемъ, кругомъ виноватъ въ этой исторіи.

Въ городѣ Н., какъ видно, не нашлось добраго Ивана Васильича, котораго бы *демонъ* могъ удивлять тѣмъ, что утренній чай замѣняетъ завтракомъ, и онъ принялся писать дневникъ. Оно иначе и быть не можетъ: Печоринъ писалъ дневникъ, какъ же ему не писать? Въ глазахъ его нѣтъ вѣдь ничего замѣчательнѣе его собственной достолюбезной личности. И начинаетъ онъ откровенія высокой души своей, какъ слѣдуетъ истинному демону. „Умереть со скуки—говоритъ онъ—выраженіе чисто гиперболическое. Мнѣ кажется, я началъ скучать съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ чихнулъ при рожденіи, однако, слава-Богу, живу до сихъ-поръ". И какъ вѣдь онъ радъ, бѣдный, своей якобы остроумной выходкѣ

(надъ которой, замѣтимъ въ скобкахъ, точно помрутъ со смѣха всѣ господа, скучающіе отъ бездѣлья, и всѣ барышни, ожидающія появленія такого „демона", чтобы ему отдаться, подразумѣвается, платонически), какъ онъ доволенъ, что не принадлежитъ къ счастливцамъ, которыхъ смиренный умъ живетъ помаленьку; съ какимъ торжествомъ причисляетъ онъ себя къ „семьѣ празднопатающихся умниковъ, которые не умѣютъ примирить дѣятельность души съ дѣятельностью жизни". Между прочимъ объявляетъ онъ, что не хочетъ жить вмѣстѣ съ Островскимъ, тоже однимъ изъ лицъ повѣсти, приводя пословицу, что „два медвѣдя въ одной берлогѣ не ужившутся, хотя онъ (Островскій) и доказывалъ, что эта пословица не относится ко львамъ"—мѣсто замѣчательное въ высшей степени по своей претензіи... Далѣе онъ жалуется на свѣтъ за то, что этотъ свѣтъ говоритъ кое-что объ отношеніяхъ его къ Варенькѣ, но тутъ онъ явно лжетъ внутренно: онъ очень доволенъ этими толками, потому что дѣлалъ и будетъ дѣлать все возможное для ихъ возбужденія. Вообще этому достойному господину нельзя вѣрить ни въ одномъ словѣ, развѣ только, проговорится какъ-нибудь, по врожденной пустотѣ и хлестаковской вѣтренности. Нельзя ему вѣрить, когда онъ, какъ наивная пансіонерка, груститъ о томъ, что у свѣта всегда черный взглядъ на вещи; нельзя ему вѣрить и въ его скукѣ. Самъ же онъ пробалтывается, что ему скучно отъ того, что нѣтъ Вареньки. И Варенька, впрочемъ, не нужна ему, какъ она сама,—ему пріятно было рисоваться передъ нею, парадировать своимъ непризнаннымъ величіемъ, своими грошовыми страданіями. „Я любилъ, пишетъ онъ,—задумчивый, любящій взглядъ ея темно-голубыхъ глазъ, когда, по праву сельской свободы, сидя вдвоемъ въ саду, въ теплый осенній вечеръ, я передавалъ ей свои холодныя убѣжденія или разсказывалъ пеструю повѣсть моей прошедшей жизни, а она слушала, пристально смотря на меня хорошенькими глазками, и казалось хотѣла спросить ими: неужели ты все это пережилъ и перечувствовалъ? и нѣтъ морщинъ на твоемъ челѣ! и нѣтъ въ кудряхъ сѣдого волоса! и весело можешь ты смотрѣть на вседневную жизнь"! Чувствуете ли вы, какъ привольно ему, блѣдному сколку съ Печорина, какъ сладко ему поклоненіе и удивленіе неопытной дѣвочки, основанныя единственно на томъ, что она не знаетъ его? Какъ по-сердцу эта ложь его истомленной ложью натурѣ?.. Что за дѣло, что никто, кромѣ незнающей свѣта дѣвчонки или пере-

зрѣлой женщины, не повѣритъ въ это величіе,—онъ доволенъ и такимъ поклоненіемъ. Тутъ онъ искренекъ, потому что тутъ онъ наивно обличаетъ себя самого въ возмущающей душу лжи; искренекъ онъ и вслѣдъ затѣмъ, говоря: „Смѣшное, смѣшное! вотъ бичъ, отъ котораго блѣднѣетъ наше поколѣніе! Вотъ слово, которое убиваетъ хуже чумы“, и т. д. Тутъ онъ весь наголо, со всею своей пустенькой, пошленькой и даже трусливой природой, онъ, имѣющій необъятныя претензіи на демонизмъ. Не бойтесь за его скуку: она не доведетъ его до какого-либо эксцентрическаго поступка; она разсѣется тотчасъ же, какъ только войдетъ онъ опять въ свою сферу.

Варенька съ матерью скачетъ за нимъ въ городъ П. Но тутъ у нея есть уже наперсница Надинька, зрѣлая дѣва, которую Тамаринъ весьма не любитъ, можетъ-быть потому, что она очень сходна съ нимъ, что въ ней, по его собственному выраженію, такъ мѣткому, «все ложно, начиная съ чувствъ и до косы включительно». Вотъ наконецъ и сфера дѣятельности, вполнѣ достойная его великой души: начинается борьба, въ которой онъ можетъ выказать свои блестящія качества, употребить въ дѣло всю свою тактику. Тактика эта немудреная, хоть и всегда сильная въ отношеніи къ дѣвченкѣ; вся она заключается въ способности не краснѣть, когда уличаютъ въ явной лжи или лицемѣріи, въ умѣньи не затрудняться таинственнымъ и ничего не значущимъ отвѣтомъ, когда дѣлаютъ щекотливый вопросъ. Тамаринъ любитъ эти ничего не разрѣшающіе отвѣты, какъ любитъ всякую недосказанность, ложь положенія. Онъ страшно доволенъ первою встрѣчей съ Варенькой. „Теперь, говоритъ онъ, наши взаимныя отношенія такого рода, что отъ нихъ такъ же близко къ короткости, какъ и къ совершенному разрыву“. Далѣе онъ разсуждаетъ, и честно, и неоспоримо логично: мы скоро дойдемъ до той точки, на которой порядочные люди или разрываютъ связь, или женятся. Разрывъ тогда будетъ труднѣе чѣмъ теперь, а жениться я не намѣренъ. Другой аргументъ (!): „мнѣ порядочно скучно; если я не буду занятъ Варенькой, мнѣ будетъ еще скучнѣе; къ тому же Варенька меня любитъ, и разрывъ со мною очень огорчитъ ее“ (Что за нѣжная гуманность!). „Спрашивается, благоразумно ли будетъ обрекать себя на скуку, а Вареньку на печаль изъ одной боязни будущаго? Это сцѣпленіе обстоятельствъ такъ запутано, что я рѣшаюсь посовѣтоваться съ Федоромъ Федорычемъ“.

И вотъ, по щучьему велѣнью, является Федоръ Федорычъ, такая же жалкая пародія на доктора Вернера, какъ самъ Тамаринъ жалкая пародія на Печорина. „Мы не были съ нимъ друзьями, потому что не вѣрили въ дружбу, не были большими пріятелями, потому что уважали другъ друга". Что это такое? спроситъ удивленный читатель. Мы сознаемся въ нашей ограниченности. Бесѣда Тамарина съ Федоромъ Федорычемъ исполнена такихъ дикихъ претензій со стороны двухъ этихъ господъ, что ее слѣдовало бы выписать цѣликомъ въ назиданіе читателей. Федоръ Федорычъ еще послѣдовательнѣе Тамарина: онъ до того послѣдователенъ, что становится даже комиченъ. „Да что жъ въ самомъ дѣлѣ?—говоритъ онъ по поводу отношеній Тамарина къ Варенькѣ.— Вы дали Варенькѣ нѣсколько слезъ, ту боль сердца, которая называется страданіями; да вѣдь это страданія моральныя и относительныя! Они зависятъ отъ раздражительности нервовъ и чувствительности сердца; какія это страданія! Это не кусокъ черстваго хлѣба, не жесткая скамья да продранное платье! вотъ страданія такъ страданія! За то знаете ли, что̀ вы дѣлаете этимъ? Вы ее избавите отъ скуки. Боже! какъ это много! Вы ей доставите право говорить своимъ подругамъ и вамъ впослѣдствіи, что вы разбили ея жизнь, что вы отравили ея лучшія вѣрованія, и проч., и проч. Великое для дѣвицы право! И брани васъ, подруги ея будутъ тайно думать: счастливица эта Варинька! И подруги ея будутъ правы, потому что вы ей дадите жизнь, и сама Варинька съ наслажденіемъ вспомнитъ пережитое время. А вы гордо будете скучать своимъ успѣхомъ, смѣясь надъ мнѣніемъ старухъ вмѣстѣ съ молодежью". Комично все это потому, что есть тутъ своя относительная правда, т.-е. правда въ отношеніи къ тому миражу жизни, какимъ жила извѣстная часть нашего общества, что все это какъ-будто цѣликомъ взято изъ разныхъ поэтовъ, на разные тоны взывавшихъ, во время оно, о гордомъ страданіи, о блаженствѣ страданія, и о прочемъ. Дѣйствительно, и Тамарину и Варенькѣ жизнь не въ жизнь безъ глубокихъ страданій, безъ душевныхъ язвъ; жизнь не въ жизнь, если сердце у нихъ не разбито, лучшія вѣрованія, которыхъ собственно никогда и не было, не отравлены. Во что бы то ни стало, надобно разбить сердце,—кто жъ это живетъ съ неразбитымъ сердцемъ! Какъ это жизнь пройдетъ безъ повторенія драматическаго отношенія:

Они любили другъ друга такъ долго и нѣжно,
Съ тоскою глубокой и страстью безумно-мятежной,
Но, какъ враги, избѣгали признанья и встрѣчи,
И были пусты и хладны ихъ краткія рѣчи.

Какъ же, наконецъ, не разстаться въ безмолвномъ и гордомъ страданьи? Горе въ самомъ дѣлѣ женщинѣ, которая не насиловала себя для воспроизведенія подобной драмы; горе, если здоровье и свѣжее сердце отдала она любящему и любимому человѣку! Нѣтъ, давайте намъ страданья, во что бы то ни стало,— давайте прошедшаго и вѣчнаго воя о прошедшемъ, хотя бы это прошедшее само въ себѣ не стоило ровно ничего, хотя бы полнѣе и смысломъ и жизнью было настоящее.

Но мы увлеклись тирадою доктора Вершера (онъ же и Федоръ Федорычъ), будемте слѣдить дальше драматическія отношенія Тамарина съ Варенькой. Тамаринъ снова позволяетъ себѣ увлечься ею, сознается, что онъ счастливъ, совершенно счастливъ, и между тѣмъ восклицаетъ: „какая скука быть совершенно счастливымъ!“ Отчего же въ самомъ дѣлѣ это противорѣчіе? Да просто оттого, что ни въ Тамаринѣ, ни въ Варенькѣ нѣтъ условія для счастья, что всю непосредственность чувства подтачиваетъ у нихъ холодное разсужденіе, и притомъ не самобытное, а внѣшнее, такъ-сказать, наносное. Оба они вообще подъ вліяніемъ qu'en dira-t-on, и въ частности *глубокій мыслитель* Тамаринъ (каковымъ онъ самъ себя признаетъ такъ откровенно) подъ вліяніемъ пьяной или праздной болтовни Островскаго, а она, эта страстная и свѣжая Варенька, подъ вліяніемъ мелочныхъ расчетовъ своего друга, Наденьки, и вмѣсто того, чтобы любить беззавѣтно, безъ задней мысли, „ожесточаетъ сердце дружбой“, по выраженію одного непечатавшагося поэта.

Тамаринъ самъ довольно ясно понимаетъ то странное настроеніе души, которое обладаетъ имъ и Варенькой: „что за странная прихоть сердца — говоритъ онъ — составляетъ несчастную любовь, тогда какъ у насъ есть всѣ условія для счастливой любви? Въ самомъ дѣлѣ, нашу любовь можно назвать несчастной, потому что сумма маленькихъ страданій составитъ одно большое. У дикихъ, у необразованныхъ людей есть ножъ, есть кровь, есть убійства и истязанія. У насъ, людей отполированныхъ, нервы такъ раздражены, чувствительность такъ утончена, что мы не имѣемъ нужды прибѣгать къ такимъ сильнымъ и грубымъ средствамъ: у насъ

есть другія мученія,— невниманіе, равнодушіе, предпочтеніе и насмѣшка — убійственная насмѣшка! И Боже мой! какъ иногда глубоко и тяжко страдаетъ самолюбивый человѣкъ отъ одного неблагосклоннаго взгляда или небрежнаго отвѣта".

Въ какой степени легко уязвляемо самолюбіе Тамарина, показываютъ его дальнѣйшія отношенія съ Варенькой. По поводу того, что ей вздумалось подразнить его ревность букетомъ довольно пустого юноши, Володи Ишнина, онъ рѣшительно выходитъ изъ себя, или лучше сказать, тутъ-то именно онъ и вошелъ опять въ свою колею, попалъ на эту точку и вертится на этой линіи. Въ самомъ дѣлѣ, обширное и главное поле дѣйствія раскрывается передъ Ловласомъ города П**: уничтожить минутное торжество презрѣлой дѣвы, сокрушить пробудившуюся гордость въ дѣвочкѣ, стереть съ лица земли соперника, котораго нельзя серьезно и счесть соперникомъ. Читая описаніе его подвиговъ, мы повторяли слова неизвѣстнаго критика-современника о Ловласѣ Ричардсона: „Не слышите ли въ этомъ взрывѣ гордаго восторга нѣчто подобное радостному реву льва, подкарауливша го добычу?"

Средство, избираемое Тамариномъ для мести, разумѣется, женщина, именно Марія Б., прозванная Маріонъ имъ и его пріятелями. Является по крайней мѣрѣ хоть одно лицо, взятое не цѣликомъ изъ романа Лермонтова, хотя такъ же мало, какъ и другія, взятое изъ дѣйствительности. Маріонъ, *разумѣется*, замужемъ, *разумѣется* также, мужа своего въ грошъ не ставитъ. Она пережила уже все, что можетъ пережить женщина,—и говоритъ она иногда, точно, какъ женщина много пережившая, но непонятно только, какъ она не видитъ насквозь Тамарина, т.-е. не презираетъ его. Онъ же самъ говоритъ, противъ обычая своего, довольно откровенно: „какъ должны быть смѣшны въ ея глазахъ мы, маленькіе Ловласы, съ нашими маленькими страстями и маленькими объясненіями." А между тѣмъ на балу, куда она отправилась съ букетомъ Тамарина, за которымъ этотъ послѣдній посылалъ чуть не за сто верстъ, Маріонъ прямо говоритъ ему, что она могла бы имъ увлечься, если бы не пережила такъ много. Вообще вся эта сцена съ Маріонъ, хоть и не найдется въ романѣ Лермонтова, зато такъ и отзывается извѣстнымъ стихотвореніемъ поэта:

Какъ ты, кружась въ весельи шумномъ,
Не замѣчая никого,

Дѣлюся съ умнымъ и безумнымъ,
Живу для сердца своего...
Въ толпѣ другъ друга мы узнали.
Сошлись и разошлися вновь,
Была безъ радостей любовь,
Разлука будетъ безъ печали.

Во всей этой сценѣ такъ и сквозитъ повсюду задняя мысль автора: опоэтизировать отношенія Тамарина и Маріонъ, какъ двухъ существъ равно высшаго разряда, равно принадлежащихъ къ беззаконнымъ кометамъ въ кругу расчисленныхъ свѣтилъ, равно разубѣжденныхъ и равно неспособныхъ отдаться увлеченіямъ: отношеніе въ самомъ дѣлѣ трагическое въ стихотвореніи великаго поэта, и возбуждающее невольный смѣхъ, когда имъ прикрываются губернскіе львы и львицы. Г. Авдѣевъ уловилъ даже новый поэтическій оттѣнокъ этого отношенія; это минута, когда Тамаринъ и Маріонъ собираются на балъ и отдаются какому-то молодому, благоухающему наитію. Въ самомъ дѣлѣ, представьте въ этомъ состояніи души одного изъ грозныхъ героевъ Байрона, за нѣсколько минутъ до совершенія какого-либо страшнаго дѣла, или одну изъ истинно жившихъ и страдавшихъ героинь Запада,— эффектъ выйдетъ поразительный. Но развѣ можно дорожить подобною минутою въ Тамаринѣ? Всѣ *страшныя* дѣла его заключаются въ весьма невинныхъ дѣтскихъ шалостяхъ, да въ хлестаковскихъ выходкахъ, а Маріонъ мы вовсе не знаемъ, потому что нельзя же вѣрить рекомендаціи Тамарина. Что она говоритъ умно — это ровно ничего не доказываетъ. И самъ герой г. Авдѣева, вращаясь въ безвыходномъ и тѣсномъ кругѣ своихъ идеекъ, мимоходомъ говоритъ вещи не совсѣмъ пошлыя; такъ, напримѣръ, ему удалось довольно рѣзко указать на страпности женской дружбы: „Несмотря на все мое вліяніе надъ Варенькой — говоритъ онъ—я не могу разубѣдить ее (т.-е., говоря по русски—убѣдить, потому что съ предлогомъ *раз* смыслъ выходитъ противоположный), что между двумя дѣвочками это чувство неестественное, что это просто взаимное обморочиваніе, средство для одной имѣть вліяніе на другую. Такъ нѣтъ! говоритъ, что я не понимаю этого чувства, что я скептикъ, что я ошибаюсь. А просто на этихъ губернскихъ барышень находитъ какое-то бѣшенство на дружбу. Увидятся во второй разъ въ жизни—и ужъ ходятъ подъ руку, такъ что ихъ водой не разольешь: увѣряютъ другъ друга во взаимной симпатіи и раскажутъ про себя всю подноготную. Затѣмъ начи-

шается переписка, обмѣнъ колецъ и браслетовъ, внутри коихъ вырѣзывается: A. à son amie B., годъ, мѣсяцъ и число. Все это продолжается, разумѣется, до первой кости, послѣ чего слѣдуютъ объясненія, чувствительныя сцены, разрывъ. Тотчасъ послѣ этого выбирается съ обѣихъ сторонъ новая подруга: ей жалуются на старую, разсказываютъ всѣ ея маленькіе секреты, которые послѣ этого отправляются по городу, — и опять та же пѣсня".

Тамарину ни разу не удавалось быть такъ мѣтко злымъ въ своихъ запискахъ: по большей части онъ предобрый, въ особенности въ отношеніи къ своимъ собственнымъ маленькимъ слабостямъ, отъ которыхъ, какъ извѣстно, не свободны и великіе люди. Одна изъ этихъ маленькихъ слабостей великаго человѣка,— привычка неумѣренно радоваться маленькимъ тріумфамъ, или, лучше сказать, овацiямъ. Какъ онъ въ духѣ на этомъ балѣ, гдѣ удается ему взбѣсить Вареньку: онъ весь распустился, какъ Маниловъ передъ Павломъ Иванычемъ Чичиковымъ, онъ, гордый демонъ, ходячій скандалъ, предметъ ужаса всего города N.! „Мнѣ захотѣлось быть первымъ между всею молодежью, и я успѣлъ въ этомъ. Я не пропустилъ безъ вниманія ни одной дамы, будь она sur le retour, ни одной дѣвицы, будь она зрѣлой дѣвой, и даже дѣвицы говорили обо мнѣ: il est charmant. Я даже не оставилъ въ покоѣ стариковъ и старухъ: и старики и старухи были отъ меня въ восхищеніи". Восторгъ его не знаетъ наконецъ предѣловъ, когда удается ему новый многотрудный подвигъ—одурачить Володю Имшина... и велѣдъ затѣмъ, оканчивая первую тетрадь своихъ записокъ, онъ опять надѣваетъ на себя передъ самимъ собою маску демона и спрашиваетъ себя самодовольно: „неужели я началъ уже старѣться?" не подозрѣвая въ душевной простотѣ, что маска, надѣваемая имъ на себя, дѣйствительно состарѣлась и износилась, а у него самого, по русскому выраженію, молоко еще на губахъ не обсохло. Въ томъ-то вся и бѣда, что онъ безпрестанно насилуетъ свою въ сущности пустенькую природу, надувается, какъ мыльный пузырь. Самообманываніе обратилось у него въ болѣзнь, и, къ сожалѣнію, эта болѣзнь неизлѣчима, потому что ничто не вырветъ его изъ заколдованнаго круга ограниченнѣйшихъ понятій, и въ этомъ кругѣ есть для него всегда возможность примиренія съ самимъ собою. До старости онъ будетъ поэтизировать свои маленькія страданія и придавать важность мельчайшимъ событіямъ своей пустой и праздной жизни.

Мы не станемъ анализировать въ подробности вторую тетрадь его записокъ. Скажемъ только, что изъ Печорина онъ обращается подъ конецъ въ Онѣгина, выдавши Вареньку замужъ за Володю Ишнина, терзаетъ ее неотвязною любовью, прежде, разумѣется, насильственно истерзавши самого себя. „Я не ухаживаю за Варенькой—пишетъ онъ черезъ нѣсколько времени послѣ ея свадьбы,— не потому, чтобы это было слишкомъ рано, а изъ боязни уронить себя въ ея глазахъ. Я увѣренъ, она бы оскорбилась и не простила бы мнѣ моего волокитства. Но сознаюсь, меня что-то влечетъ къ ней,— что? не знаю! Можетъ-быть, привычка, прелесть потеряннаго, или наконецъ избалованное самолюбіе, которое безпрестанно запрашиваетъ все болѣе и болѣе. Впрочемъ, надобно и то замѣтить, что теперь Варенька не деревенская дѣвочка: она имѣетъ всю заманчивую привлекательность женщины, да еще въ добавокъ такъ недавно выстрадавшей опытность. Еще одна новая, тщательно скрываемая черта Варенькина характера притягиваетъ меня своей загадочностью: мнѣ удалось подмѣтить въ ней какую-то внутреннюю сухость, какой-то душевный холодъ“ и т. д.

Не правда-ли, что здѣсь всякая черта напоминаетъ стихи изъ Онѣгина: то

Запретный плодъ намъ подавай,
А безъ того намъ рай не въ рай;

то:

Не потому-ль, что въ высшемъ свѣтѣ
Теперь являться я должна;

то наконецъ:

И какъ теперь окружена
Крещѐнскимъ холодомъ она.

Удивительно только то, что Варенька, по всѣмъ вѣроятностямъ читавшая „Онѣгина“, ни разу не отвѣчаетъ Тамарину этими стихами, а напротивъ, повторяетъ съ нимъ отъ полноты убѣжденія послѣднюю сцену Пушкинскаго романа.

Наконецъ Тамаринъ рѣшается уѣхать лѣчиться отъ воображаемыхъ болѣзней. „Сельскій воздухъ, говорятъ, живителенъ“—замѣчаетъ онъ съ важностью.

И вотъ онъ въ деревнѣ; онъ хочетъ, говоря высокимъ слогомъ, „успокоить измученную грудь на лонѣ природы“. Не надѣйтесь, чтобы искренно сочувствовалъ онъ природѣ—нѣтъ! на него самое сумѣетъ онъ навести сѣренькій, туманный колоритъ своей мелкой тоски и въ уединенной бесѣдѣ съ самимъ собою, онъ по-ста-

рому будетъ становиться на ходули. Онъ будетъ вспоминать только о томъ, что безполезно пролетѣло передъ нимъ, а внутри себя радоваться тому, что оно пролетѣло передъ нимъ безполезно. Нельзя иначе: онъ долженъ же до конца пародировать своей жизнью стихи поэта, доживать вѣкъ по заданной напередъ темѣ, повторять самодовольно о себѣ самомъ извѣстную строфу изъ „Сказки для дѣтей“:

Душа ея была
Изъ тѣхъ, которымъ рано все понятно;
Для мукъ и счастья, для добра и зла
Въ нихъ пищи много. Только невозвратно
Идутъ онѣ, куда ихъ повела
Случайность, безъ раскаянья, упрековъ
И жалобы. Имъ въ жизни нѣтъ уроковъ,
Ихъ чувствамъ повторяться не дано...

Дальше кажется нельзя было идти въ пародіи, какъ понялъ г. Авдѣевъ, не думавшій, впрочемъ, нисколько о пародіи.

Жизнь должно-быть за него думала. Жизни нужна была пародія для того, чтобы разбить формы завѣтнаго типа, какъ незаконныя, мелочныя и условныя.

Переступивши этотъ шагъ повторенія, сознаніе уже смѣло принялось за простое разоблаченіе.

Нигдѣ, можетъ-быть, разоблаченіе всего комическаго въ условныхъ формахъ типа не совершено съ такою честною послѣдовательностью, какъ въ одномъ изъ умныхъ „Провинціальныхъ писемъ“ г. Анненкова; на одной изъ забытыхъ теперь фигуръ ихъ, на „Володѣ Верженцевѣ“, я считаю столь же необходимымъ остановиться, какъ на „Тамаринѣ“. Володя Верженцевъ, ни болѣе ни менѣе какъ разоблаченный Тамаринъ, *герой нашего времени*, сведенный съ ходуль, поставленный къ лицу съ настоящею дѣйствительностью и оказавшійся лицомъ крайне комическимъ. Очеркъ его не болѣе какъ очеркъ, схватывающій только рѣзкія черты лица; авторъ „Провинціальныхъ писемъ“, какъ извѣстно, вовсе не художникъ, а просто умный человѣкъ, который прямо, смѣло и просто смотритъ на явленія жизни.

Начавши свое письмо злымъ и остроумнымъ разъясненіемъ значенія товарищей дѣтства вообще, авторъ разсказываетъ объ одномъ изъ такихъ товарищей.

„Звали его—говоритъ онъ—Вольдемаромъ, но этимъ пышнымъ именемъ красовался онъ на сторонѣ, а между нами извѣстенъ

былъ подъ именемъ Володи. На двадцатомъ году своего возраста Володя отличался добродушіемъ, мягкосердіемъ, терпѣніемъ и кротостью, — всѣми добродѣтелями прекраснаго молодого человѣка. Его можно было тогда посадить за книгу и оторвать въ какое угодно время отъ книги, увѣрить, что онъ геніальный человѣкъ, и черезъ часъ убѣдить, что онъ пустой человѣкъ; принудить его цѣлую недѣлю ѣсть хлѣбъ и соль изъ презрѣнія къ расточительности и матеріальнымъ наслажденіямъ, а потомъ въ одинъ день заставить промотать все свое мѣсячное жалованье. Надо сказать къ стыду товарищей, что послѣднюю штуку они довольно часто повторяли съ нимъ".

Итакъ, товарищъ дѣтства автора, какъ видится изъ дѣла, принадлежитъ къ числу людей, что называется безхарактерныхъ, мягкихъ какъ воскъ и всегда готовыхъ подчиняться чужому вліянію, особенно если сумѣютъ возбудить ихъ самолюбіе, до крайности раздражительное. Для нихъ не существуетъ ясно сознанныхъ понятій о дурномъ и хорошемъ, о справедливомъ; у нихъ нѣтъ даже прочныхъ привязанностей ни къ людямъ, ни къ занятіямъ. Ихъ можно вести куда угодно и какъ угодно; раздразнивши ихъ самолюбіе, можно заставить ихъ рѣшиться даже на самые эксцентрическіе поступки, повидимому совершенно противорѣчащіе ихъ мягкой натурѣ. Такіе люди всего болѣе боятся того, чтобы не заподозрили въ нихъ безхарактерности, робости и слабости, и случается даже, что они долгое время слывутъ за людей рѣшительныхъ, энергическихъ, пока наконецъ не оборвутся на какомъ-нибудь ничтожномъ обстоятельствѣ.

„Въ одну эпоху молодости — продолжаетъ авторъ — Володя былъ сильно занятъ вопросомъ: къ какому роду людей принадлежитъ онъ? къ храброму ли десятку или къ благоразумному отдѣлу ихъ? Не понимаю, для чего нужно ему было знать это, но только онъ навязывался съ вопросомъ ко всѣмъ своимъ собратамъ".

Мы такъ думаемъ напротивъ, что весьма понятно, почему Володя терзался въ эту раннюю эпоху своей жизни такимъ вопросомъ. Душа его смутно чувствовала, что отъ разрѣшенія этого вопроса зависитъ вся его послѣдующая жизнь. Постараемся быть справедливѣе и нѣсколько человѣколюбивѣе автора въ отношеніи къ его герою. Та же самая раздражительная воспріимчивость, которая создала въ немъ столько смѣшныхъ и ложныхъ сторонъ,

могла при другихъ обстоятельствахъ послужить основою для благороднѣйшихъ стремленій.

Но окруженный людьми, изъ которыхъ одни увѣряли, что онъ болѣе походитъ на труса и въ видѣ опроверженія заставляли его спускаться по жолобу съ верхняго этажа, лазить по крышамъ, перескакивать овраги и т. п., другіе, наоборотъ, предполагали, что онъ имѣетъ врожденное чувство доблести, которое еще въ немъ не развито, и заставляли его дѣлать почти то же самое.

Окруженный натурами болѣе его опытными, но столько же пустыми, Володя совершенно растерялся; подстрекаемый безпрестанно къ экцентрическому, привыкъ самъ отъ себя требовать постоянно крайностей. Отъ такого состоянія одинъ только шагъ къ другому, въ которомъ человѣкъ, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, становится на ходули, причисляетъ себя къ числу избранныхъ натуръ, которыя „невозвратно идутъ, къ чему ихъ повела случайность", самую безосновность свою считаетъ за безграничность стремленій, безсодержательность за широту души, которой „міра недовольно". И такимъ образомъ создался уже Фаустъ, который въ смѣшномъ самоослѣпленіи взываетъ:

Хотѣлъ бы міръ обнять я мыслью безконечной
И въ смертный часъ сказать—вотъ міръ, а это я...

маленькій Чайльдъ-Гарольдъ, который готовъ надѣлать страшныхъ глупостей, чтобы создать себѣ репутацію чудовища; маленькій донъ-Жуанъ, который всякую дебелую барыню, отдавшуюся ему con amore, возводитъ въ достоинство жертвы; маленькій Ловласъ, готовый remuer ciel et terre для побѣдъ надъ мѣстными миссъ Клери.

Такимъ уже встрѣчаетъ своего товарища дѣтства г. Анненковъ черезъ десять лѣтъ. Онъ слышитъ о немъ, какъ о человѣкѣ съ каменнымъ сердцемъ, съ желѣзнымъ характеромъ. Что за чудо? думаетъ онъ.

„Вышло чудо, еще большее, чѣмъ я ожидалъ. Вообразите себѣ: Володя, тотъ Володя, къ которому я чувствовалъ родъ нѣжнаго влеченія, принялъ меня какъ нельзя хуже... Онъ сбилъ меня совершенно съ толку: на первый мой порывъ связать нить нашего знакомства, порванную временемъ, Володя отвѣчалъ холодно; къ воспоминаніямъ молодости, которыми я думалъ задобрить его, онъ остался совершенно равнодушенъ, и наконецъ всякое теплое слово

мое (а какъ удержаться отъ него при встрѣчѣ съ пріятелемъ, Богъ знаетъ гдѣ!) удостоивалъ явнымъ презрѣніемъ, которое даже старался и выразить такъ положительно, чтобъ никакого сомнѣнія не осталось въ умѣ моемъ".

Иначе и быть не могло. Володя больше всего заботился о томъ, чтобъ въ самомъ дѣлѣ разорвать всѣ связи съ тою ранней эпохою жизни, когда еще для него возможенъ былъ выходъ изъ страшной лжи.

„Но я замѣтилъ, продолжаетъ авторъ, одну легкую, едва видимую черту, заставившую меня продлить посѣщеніе, безполезность котораго начинала проявляться довольно ощутительно. Мнѣ показалось именно, что Володя заранѣе приготовилъ всю эту холодную манеру, которая должна была сказать мнѣ: ты и не воображай поддѣть меня чувствами, я уже не тотъ слабый человѣкъ, который дорожилъ прежде всякими пустяками".

Естественно, что какъ для Печорина докторъ Вернеръ, для Тамарина Федоръ Федорычъ, такъ и для Володи Верженцова необходимъ собесѣдникъ, который бы игралъ съ нимъ комедію разочарованія. Авторъ рѣшился поддѣлаться подъ его тонъ.

„Это удалось мнѣ какъ нельзя болѣе. Мы ѣдко и чрезвычайно тонко принялись разбирать нравственныя качества насъ самихъ. Володя оживился и говорилъ, какъ книга. Всѣ крупныя и мелкія черты собственныхъ характеровъ разобрали мы удивительно тонко и съ великимъ знаніемъ самого предмета. Къ концу засѣданія каждый изъ насъ имѣлъ удовольствіе убѣдиться, что въ собесѣдникѣ его не остается ни свѣжаго чувства, ни свѣтлой мысли, и ничего потребнаго для составленія некрепкой, продолжительной связи".

И разъ принявши на себя роль доктора Вернера, авторъ дѣйствительно достигъ самыхъ удовлетворительныхъ результатовъ. Этими результатами онъ любуется съ злобнымъ наслажденіемъ:

„Родъ какой-то странной ежедневной комедіи сталъ развиваться передо мною съ этой минуты,—комедіи, полной самыхъ забавныхъ, самыхъ чудныхъ монологовъ. Я никогда не думалъ, чтобъ такъ много было у Володи содержанія для нихъ, но вѣдь коротко только испытанное, а заимствованіе и подражаніе безграничны какъ жизнь. То приходилъ ко мнѣ Володя мрачнѣе ночи, въ недужномъ состояніи головы и сердца, и отъ наморщенныхъ бровей его

вѣяло печалью, какъ отъ плакучей ивы, колеблющейся надъ свѣжей могилой. Всякое слово его повито было крепомъ, звучало мѣрно, какъ погребальный колоколъ".

Если бы мы хотѣли отмѣчать всѣ черты, рѣзко схваченныя наблюдательнымъ авторомъ, намъ пришлось бы выписывать цѣликомъ многія мѣста; но по этимъ немногимъ выпискамъ читатели могутъ судить, какой подвигъ со стороны г. Анненкова этотъ этюдъ, разоблачающій до-нага надоѣвшихъ всѣмъ героевъ нашего времени. Здѣсь дорого каждое слово, каждое замѣчаніе. Въ обществѣ, Володя у него „ясенъ и блестящъ, но ясенъ и блестящъ, какъ ледъ на зимнемъ солнцѣ".

Съ иронической улыбкой смотрѣлъ онъ кругомъ себя, снисходительно отзывался о подозрительныхъ людскихъ дѣйствіяхъ, съ недовѣріемъ о тѣхъ, которые были похваляемы и вообще былъ страненъ въ холодномъ спокойствіи своемъ. Только взоръ, искоса брошенный на меня—добрый Володя! объяснилъ, что все это говорено было собственно съ одной цѣлью: показать мнѣ разницу между старымъ и новымъ Володей.

Быть, во что бы то ни стало, выше самого себя, дѣйствительно единственное стремленіе людей, подобныхъ Володямъ, которыхъ, къ сожалѣнію, завелось не мало въ нашемъ обществѣ. Авторъ обозначилъ слегка причины такого страннаго настройства души, но намъ кажется, что онъ не обратилъ надлежащаго вниманія на первыя впечатлѣнія ранней молодости своего героя: Володя долго служилъ потѣхою для своихъ товарищей, и разумѣется, вслѣдствіе этого, онъ безъ негодованія не могъ вспомнить о своемъ прошедшемъ. Разойтись съ нимъ, съ этимъ опостылѣвшимъ ему прошедшимъ, показать, что онъ уже не прежній, что имъ нельзя уже играть какъ шашкой, вотъ его цѣль. Но онъ и не видитъ, бѣдный, что ему суждено вѣчно быть игрушкой тѣхъ или другихъ, что для него возможна только перемѣна обстановки. Онъ весь истратился на мелочь, весь раскидался, разсѣялся, распустился: въ головѣ его хаосъ, въ сердцѣ—ложь и тьма безъ малѣйшихъ проблесковъ свѣта. Тайный, ни чѣмъ не заглушимый голосъ говоритъ ему, что такъ жить нельзя, что рано или поздно надобно выйти изъ ложнаго положенія; самолюбіе же подсказываетъ ему, что онъ, какъ высшая натура, можетъ выйти изъ лабиринта только крайними путями. И вотъ передъ нимъ стоитъ постоянно, вопреки его слабой и робкой натурѣ, обаятельный идеалъ демон-

ской силы, абсолютнаго отрицанія; въ ушахъ его такъ и звучатъ стихи поэтовъ:

Какъ царь пѣмой и гордый, онъ сіялъ
Такой волшебно-чудной красотою,
Что было страшно, и душа тоскою
Сжималася.

Или:

Ликъ младой,
Былъ гнѣвенъ, полонъ гордости ужасной.
И весь дышалъ онъ силой неземной.

И несчастный ребенокъ начинаетъ насильственно рвать у себя въ душѣ всѣ моральныя основы для того, чтобъ и объ немъ сказалъ кто-нибудь:

Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ,
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

Онъ начинаетъ поддѣлывать лицо, голосъ, рѣчь, движенія, онъ добивается отъ себя ледяной улыбки, готовъ взваливать на себя уголовныя дѣла, лишь бы походить на страшный призракъ, преслѣдующій его повсюду.

Въ минуты такого душевнаго настроенія, Володя обыкновенно садился небрежно въ кресла, сжималъ голубые глазки свои, придавая имъ выраженіе дѣтскаго добродушія, и самымъ умильнымъ голосомъ начиналъ повѣствовать, какъ не существуетъ для него ни радостей, ни огорченій въ жизни, какъ убилъ онъ въ себѣ всѣ безпокойныя стремленія, всѣ душевные и сердечные порывы, какъ счастливъ онъ одинъ съ самимъ собой, какое чудное одиночество образовалось у него въ груди, и проч., и проч.

Бѣдный ребенокъ, онъ не видитъ, что всѣ эти огромныя претензіи расходятся съ условіями его физической и нравственной природы; что всякому зрѣлому человѣку и всякой свѣжей непочатой натурѣ, которая какъ-нибудь придетъ съ нимъ въ столкновеніе, тотчасъ же разоблачаются всѣ эти дикія претензіи; онъ идетъ безъ оглядки по выбранной имъ дорогѣ, не подозрѣвая, что рано или поздно разразится надъ нимъ неизбѣжная катастрофа разоблаченія. Двоякимъ образомъ можетъ совершиться эта катастрофа, смотря по тому, совершенно ли испошлился человѣкъ, или осталось еще въ немъ что-нибудь нетронутое, неперемѣнное;

ибо часто въ подобныхъ несчастныхъ натурахъ лежатъ залоги лучшаго, и въ такомъ случаѣ, опыты жизни раскрываютъ человѣку глаза и внутри его начинается кара сознанія—самая ужасная изъ каръ, но ведущая всегда къ благодатному исходу: путемъ саморазоблаченія, искреннимъ презрѣніемъ къ самому себѣ доходитъ онъ до того, что снова доискивается въ самомъ себѣ глубокихъ основъ, вѣры въ истинное, а не фальшивое человѣческое достоинство. Гораздо же чаще разоблаченіе не производитъ никакихъ другихъ послѣдствій, кромѣ того, что герой, „непонятый людьми", еще крѣпче закутывается въ продыравленную мантію трагическаго величія, отправляется лѣчиться „живительными соками природы", впадаетъ въ какое-то сонное состояніе, сонными глазами смотритъ и на себя и на природу, и умираетъ въ грезахъ того же самообольщенія. Такъ или иначе, но катастрофа ждетъ на этомъ пути,—она же постигаетъ и Володю. Онъ сталкивается съ натурой крѣпкой, непочатой. Авторъ „Провинціальныхъ писемъ" прекрасно очертилъ m-lle Anne, которая была Немезидою для его Володи.

Она совсѣмъ не имѣла способности къ насмѣшкѣ, къ быстрому, поражающему отвѣту, совсѣмъ не обладала даромъ ѣдкаго выраженія мысли, но замѣщала всѣ эти качества какой-то врожденной мягкостью всѣхъ своихъ сужденій, какой-то зоркостью, невольно удивлявшей васъ.

Всѣ постепенности отношенія между Володей и m-lle Anne, чуждой всякихъ претензій, простой и искренней, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно способной отличать правду отъ лжи и владѣющей какимъ-то чутьемъ въ этомъ случаѣ, обозначены авторомъ съ самою строгою логическою послѣдовательностью:

„Разумѣется, Володя съ первой же минуты своего знакомства почелъ за нужное показать дѣвушкѣ, полной вниманія ко всему окружающему, холодную, безстрастную маску, которой украшалось его чело, и которой она не видала еще ни на комъ. Разумѣется также, что первое впечатлѣніе дѣвушки было удивленіе. Нѣсколько времени она колебалась, не зная, что думать про новое лицо, смѣло требовавшее ея вниманія во имя собственнаго безобразія. Ей уже случалось читать описанія подобныхъ характеровъ въ книгахъ, но свѣжая и неопытная мысль ея никакъ не могла представить себѣ яснаго образа ихъ, несмотря на весь издержанный талантъ авторовъ.

Нечего кажется и пояснять, что здѣсь авторъ является наблюдательнымъ и опытнымъ психологомъ. Онъ не поставилъ своей героини на ходули, не придалъ ей того, чего въ ней не было и не могло быть—ранней опытности. Онъ снабдилъ ее только тактомъ, только непосредственными дарами, и понятно, что первое чувство ея было—удивленіе, болѣе еще желаніе повѣрить на дѣйствительномъ фактѣ идеалы современныхъ писателей; понятно также въ ней и нѣкоторое чувство страха.

Встрѣтивъ живьемъ одну изъ такихъ личностей, m-lle Anne естественно испугалась. Въ отношеніяхъ ея съ Володей наступила та минута отчужденія, перѣшимости, которая предшествуетъ иногда самымъ близкимъ, короткимъ связямъ, но врожденное любопытство дѣвушки, составлявшее основную черту ея характера, превозмогло первое впечатлѣніе. M-lle Anne принималась затрогивать одну по одной разныя струны въ душѣ Володи, единственно изъ желанія узнать, какой звукъ издаютъ онѣ, и прислушаться къ нимъ. Сперва приступила она къ дѣлу весьма робко, но чѣмъ далѣе шла, тѣмъ дѣвушка становилась смѣлѣе. Вѣроятно, въ самыхъ звукахъ не было ничего раздирающаго и болѣзненнаго, потому что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ m-lle Anne знала свой инструментъ въ совершенствѣ и играла на немъ такъ бойко, какъ самая записная концертистка.

Легко предвидѣть развязку комедіи. Володя разбитъ въ прахъ, фантастическое величіе его разсѣяно какъ дымъ, на него находятъ припадки откровенности и душевныхъ изліяній, потребности въ чужихъ совѣтахъ, въ чужомъ участіи. Когда, по совѣту автора, онъ рѣшается напрямки сказать m-lle Anne, что онъ только напуталъ на себя всѣ ужасныя вещи, она отвѣчаетъ ему съ убійственной улыбкой:

— Я давно знала, Владиміръ Семенычъ, что вы неспособны ни къ чему, о чемъ говорили... и передъ другими всегда за васъ заступалась.

Когда послѣ этого онъ предлагаетъ ей дружбу и вмѣстѣ съ ней свою опытность, знаніе свѣта и разсудокъ, она говоритъ:

— Я и не воображала, чтобъ по контракту можно было дружбу заключать.

Такимъ образомъ, ему не остается ничего, кромѣ ложнаго и притомъ смѣшного положенія. Бѣдный! а онъ вѣроятно льстился надеждою заключить драму совершенно по-печорински: высосать

апельсинъ и бросить его, спросить гордо: „Вы меня презираете?“ получивъ въ отвѣтъ: „Я васъ ненавижу!“ поклониться и выйти съ невозмутимымъ челомъ, въ величавомъ спокойствіи. Вышло не такъ: онъ попалъ въ смѣшное положеніе и не можетъ выйти изъ него.

— Какъ же ты до сихъ поръ не понимаешь,—возражаетъ онъ на всѣ увѣщанія автора, совѣтующаго ему бросить все и уѣхать,—что если я не могу подойти къ Аннѣ Александровнѣ, то и уйти отъ нея рѣшительно не въ силахъ.

Итакъ, судъ разразился надъ нимъ, надъ этимъ soi-disant „героемъ нашего времени“, такъ долго тѣшившимъ себя грезами о собственномъ величіи, и какъ нарочно, безжалостный авторъ кончаетъ этюдъ самой злой и сухой ироніей. На званомъ вечерѣ, куда уѣхалъ онъ, чтобы разсѣять непріятное впечатлѣніе, произведенное на него признаніями Володи,—встрѣчаетъ онъ нѣкотораго Нила Ивановича, имѣющаго привычку выражаться отборными фразами, и вотъ что говоритъ ему Нилъ Ивановичъ:

„При проѣздѣ сюда я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ. Выходя отъ Владиміра Семеныча, вы меня не замѣтили, но у меня пробѣжала въ головѣ мысль, которую сообщить вамъ считаю за долгъ. Короткое знакомство съ людьми непремѣнно имѣетъ вліяніе на собственный нашъ образъ мыслей. Вотъ почему слѣдуетъ быть крайне осторожнымъ съ Владиміромъ Семенычемъ. Конечно, ни я и никто въ нашемъ городѣ не усомнится во врожденной твердости его характера,—это его неотъемлемое качество,—но, къ сожалѣнію, сухость души и холодность сердца мѣшаетъ ему заслужить то уваженіе, на которое онъ могъ бы имѣть право, владѣя даромъ, отъ природы даннымъ ему“.

Язвительнѣе этого заключенія трудно что-либо выдумать, и далѣе—комическое разоблаченіе впѣшнихъ сторонъ Лермонтовскаго типа идти не могло.

III.

Прежде чѣмъ разсмотрѣть, что именно въ типѣ, созданномъ Лермонтовымъ, могло подвергнуться и дѣйствительно подверглось комическому представленію и коснулось ли оно, это комическое представленіе, существенныхъ сторонъ типа—надобно взглянуть еще на другую сторону типа, и на то, какъ она, въ свою очередь, перешла въ комизмъ.

Ибо и тотъ, болѣе искренній, хотя менѣе опредѣленный образъ, который возстаетъ для читателей изъ-за Огаревскаго „Юмора“ и его же „Монологовъ“, образъ идеалиста, гордо проносящаго черезъ всю жизнь свои завѣтные идеалы, гордо каменѣющаго въ нихъ, дошелъ до комическаго въ нашей литературѣ.

Идеализмъ—одна изъ болѣзней нашего вѣка. Требовать отъ дѣйствительности не того, что она дастъ на самомъ дѣлѣ, а того, о чемъ мы напередъ гадали; приступать ко всякому живому явленію съ отвлеченною и слѣдовательно уже мертвою задпею мыслью; отпатнуться отъ дѣйствительности, какъ только она противопоставитъ отпоръ требованіямъ нашего я, и замкнуться гордо въ самого себя—таковы самые обыкновенные моменты этой болѣзни, ея неизбѣжныя схемы. Права ли дѣйствительность, правы ли требованія нашего я—вопросъ довольно щекотливый, и едва ли можемъ добросовѣстно рѣшить его мы, болѣе или менѣе страдавшіе этою болѣзнью. Тоска, которая грызла скептика Обермана, романтика Рене, героевъ Байрона, перешла и къ намъ, людямъ эпохи Бельтовыхъ и Рудиныхъ, по наслѣдству. Мало людей, которыхъ бы не коснулось ея тлетворное дыханіе, да и тѣхъ не коснулось оно развѣ только потому, что вообще мало касались ихъ какіе-либо интересы духа. Но передъ поколѣніемъ предшествовавшимъ имѣемъ мы то преимущество, что могли сколько-нибудь отрѣшаться отъ этой болѣзни, исторически добраться до ея корней. Историческій анализъ, по возможности спокойный и безпристрастный, былъ наше единственное право, и имъ мы должны поневолѣ ограничиться. Разрѣшить задачу болѣзни окончательно, если только она разрѣшима, и теперь еще должно предоставить будущему времени. Одно только кажется несомнѣнно—то, что насколько съ участіемъ и даже уваженіемъ къ больнымъ мѣстамъ, должна быть разсматриваема настоящая болѣзнь, настолько же должна быть подвергаема посмѣянію и презрѣнію жалкая страсть къ *ходульности*, болѣзнь дешево купленнаго; праздпаго разочарованія.

Разъ въ литературѣ нашей явилась вещь, нисколько не замѣчательная, даже манкированная [1]) въ литературномъ отношеніи, но любопытная и поучительная, какъ констатированіе извѣстнаго психическаго факта. Это „Идеалистъ“, повѣсть г. Станкевича, появившаяся въ 1851 году въ сборникѣ „Комета“. Съ перваго взгляда

[1]) Т.-е. неудачная (une oeuvre manquée). *Примѣч. В. С.*

представляется много сходнаго между Тамариным и Левиным (герой разсказа г. Станкевича): тотъ и другой тратятъ душевную энергію на мелочи; тотъ и другой приступаютъ къ мелочамъ съ самыми широкими планами, упражняются въ нетрудномъ подвигѣ— одурачить семнадцати-лѣтнюю дѣвчонку; тотъ и другой равно далеки отъ мысли соединить на вѣки свою судьбу съ судьбою этой дѣвчонки, и вмѣстѣ съ тѣмъ одинаково мучатся, когда она освобождается изъ-подъ ихъ вліянія; но это только внѣшнее сходство, и было бы грубою ошибкою признать между ними внутреннее сродство.

Избѣгая отвлеченныхъ разсужденій, я передамъ содержаніе „Идеалиста".

Въ селѣ Березовѣ ждутъ молодого помѣщика, еще не заглядывавшаго въ него ни разу съ того времени, какъ оно досталось ему по смерти отца. Левинъ проживалъ въ столицахъ, странствовалъ за границей, каждый годъ писалъ своему управляющему, что будетъ въ Березово, и всегда отлагалъ поѣздку туда до слѣдующаго года. Пріѣзжаетъ наконецъ помѣщикъ, вовсе не такой, какимъ воображала его себѣ дворня:

„Черезъ нѣсколько минутъ влетѣла на дворъ коляска, и лихой ямщикъ мастерски осадилъ у крыльца четверню свою. Въ коляскѣ сидѣлъ очень блѣдный господинъ въ парусинномъ пальто, бѣлой фуражкѣ и съ тростью въ рукахъ. Онъ расклапивался со встрѣчавшими его, и что-то, казалось, смутило его: яркая краска покрыла его блѣдныя щеки, и потупивъ глаза, онъ съ какою-то неловкою поспѣшностью выскочилъ изъ коляски и вбѣжалъ въ домъ. Недостатокъ важности, приличный случаю и лицу, въ пріѣхавшемъ господинѣ былъ замѣченъ встрѣчавшими его, и дворня разбрелась въ какомъ-то недоумѣніи".

Нѣтъ! этотъ человѣкъ, такъ добросовѣстно смущающійся отъ сознанія своей несостоятельности въ столкновеніи со всякою, какою бы то ни было дѣйствительностью, не хочетъ изъ себя корчить ничего, не имѣетъ претензіи на невозмутимое спокойствіе. Онъ самъ съ глубокимъ прискорбіемъ видитъ странность и фальшивость своего положенія, и только выходя изъ него, сосредоточиваясь снова въ самого себя, пріобрѣтаетъ гордо-спокойный взглядъ. Онъ самъ болѣетъ своимъ разобщеніемъ съ дѣйствительностью, самъ въ иныя минуты готовъ сулить себя, какъ Гамлетъ, но, какъ Гамлету же, ему не остается ничего иного, какъ уходить въ самого себя. Можно сказать даже, и не безъ основанія, что

этотъ человѣкъ ближе гораздо къ Лаврецкому „Дворянскаго гнѣзда“, чѣмъ къ Тамарину или Володѣ Верженцову. Вотъ онъ въ своемъ родовомъ наслѣдіи, въ домѣ своихъ предковъ, и предки смотрятъ на него изъ старинныхъ рамъ портретовъ. „Почти на всѣхъ лицахъ мужскихъ и женскихъ, несмотря на различіе формъ и чертъ, лежала какая-то одна печать; всѣ они до того были лишены индивидуальности, рѣзко отличительнаго выраженія, что казалось, память съ трудомъ могла бы сохранить какое-нибудь изъ этихъ лицъ, не смѣшивая его съ другимъ“.

Только два портрета поражаютъ Левина. Оба портрета изображали одну и ту же женщину въ разные годы ея жизни. Это была одна изъ бабокъ Левина, жившая во времена Екатерины II. Отецъ ея готовилъ ей супруга, но она бѣжала изъ родительскаго дома съ какимъ-то щеголемъ тогдашняго вѣка, скоро покинувшимъ ее; дѣдъ Левина далъ ей пріютъ и хлѣбъ въ своемъ домѣ, гдѣ она жила до конца дней своихъ, презираемая роднею, сварливая и озлобленная. Понятно, почему взглядъ Левина остановился преимущественно на двухъ изображеніяхъ этой „кометы въ кругу расчисленныхъ свѣтилъ“; понятно, что какъ-то неловко ему въ кругу этихъ безмятежныхъ, неподвижныхъ физіономій, что хоть чего-нибудь сходнаго съ собою ищетъ онъ въ ихъ кругу.

„Наступилъ вечеръ, Левинъ вошелъ въ гостиную и опустился въ кожаныя кресла у раскрытаго окна. Передъ нимъ былъ старый, тѣнистый садъ, спускавшійся къ рѣкѣ,—за рѣкою лугъ, за лугомъ поля и лѣсъ. Тонкій, прозрачный туманъ весеннихъ сумерекъ одѣвалъ окрестности; рогъ молодой луны еще не ярко обозначился на небѣ; соловей пѣлъ въ саду. Дума овладѣла Левинымъ; онъ впалъ въ то состояніе, когда безчисленные образы, давнія желанія и стремленія, забытыя событія, даже мимолетныя впечатлѣнія, все, мгновенно ли, долго ли жившее внутри человѣка, все минувшее опять произвольно возникаетъ въ душѣ его, и въ нѣсколько минутъ онъ вновь переживаетъ всю жизнь свою“.

И вотъ передъ Левинымъ проносятся дни дѣтства и мелькаетъ образъ матери, нѣжно любящей, вѣчно лелѣющей...

„Вотъ онъ наконецъ юноша; душа полна стремленій разнообразныхъ и неопредѣленныхъ; для всего бьется сердце, за всѣмъ гонится мысль, для всего есть восторгъ и жаръ; вокругъ юноши свѣжія, мягкія лица, жизнь шумна и легка, а объ руку съ нимъ всегда братъ и другъ, и все раздѣлено, все пережито вмѣстѣ, и

какъ полны всѣ дни, всѣ мгновенія! Непрерывно далѣе и далѣе стремится и работаетъ мысль юношей, и безконечность жизни и духа открылась передъ нимп; смѣло и жадно рвутся они туда, и мощный, всеобъемлющій, великій идеалъ навсегда покорплъ ихъ молодыя души, приковалъ къ себѣ ихъ взоры...“

Да простятъ намъ читатели, что мы перервемъ эту нить воспоминаній Левина, что мы остановимся здѣсь на минуту. Левинъ какъ всѣ мы, болѣе или менѣе поразился грандіозностью чужого идеала, прямо, на вѣру принялъ его за собственный, внутри души живущій. Идеалъ этотъ у него притомъ чисто нѣмецкій; все въ его воспоминаніяхъ отзывается мечтами Шиллера, звучитъ великою пѣснью германскаго поэта о радости [1]). Немудрено, что этотъ идеалъ самъ въ себѣ нашелъ начало раздвоенія, когда и у самого Шиллера всюду проходитъ одна мысль, что

Es ist das Loos des Schönen auf der Erde ([2]),

что

Das Dort ist niemals hier ([3]).

Немудрено, что такой неопредѣленный идеалъ не могъ перейти въ дѣло. Левинъ исключительно увлекся Шиллеровскимъ идеаломъ, и понятно, что какъ только проходитъ паръ энтузіастическаго упоенія, какъ только внезапная тишина объемлетъ его послѣ веселаго и шумнаго дружескаго пира, ему съ этой тишиной не ужиться.

Энергія поддерживалась въ немъ внѣшними, нѣсколько насильственными средствами; въ немъ самомъ нѣтъ ничего опредѣленнаго, установленнаго.

„Потянулись другіе дни; смущенъ, озадаченъ юноша представшею ему дѣйствительностью; онъ всматривается въ жизнь съ напряженіемъ, прислушивается ко всѣмъ звукамъ, тревожно допрашивается смысла всѣхъ ея явленій; съ недоумѣніемъ и вопросомъ обращается онъ къ людямъ, ихъ дѣламъ и стремленіямъ, и представляется ему, что все шутка, что настоящій смыслъ жизни зачѣмъ-то скрытъ отъ него, что тайна и истина наконецъ откроются ему. Нетерпѣливо ждетъ онъ ихъ призыва; онъ ждетъ, а жизнь несется мимо, и напрасны его усилія броситься въ ея

---

[1]) Подразумѣвается извѣстный гимнъ Шиллера: „An die Freude“, которымъ воспользовался Бетховенъ въ финалѣ 9-ой симфоніи. *Примѣч. В. С.*

([2]) „Таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ“,

([3]) „*Тамъ* не будетъ вѣчно здѣсь“ (Жук.). *Примѣч. А. Григорьева.*

волны: несокрушимы цѣпь и мощь овладѣвшаго имъ идеала. Поетъ и сохнетъ душа въ безплодной борьбѣ; потянулись дни безчисленныхъ противорѣчій, безсильнаго бѣшенства, дни плача и проклятій, мучительныхъ сновъ и стоновъ".

Состояніе страшное, котораго долго не вынести душѣ человѣческой.

„И вотъ тянутся дни безсильной тоски, затѣмъ дни равнодушія и безчувствія, замерло и притихло сердце, и голова начала свою вѣчную работу. Опять предстаетъ Левину безконечность жизни, но теперь она не пугаетъ его: гордо съ поднятой головою смотритъ онъ въ безконечную даль ея; страданіе вызвало въ немъ прежде невѣдомую силу. Теперь нѣтъ въ немъ ни вопроса, ни желанія: ничего онъ не ищетъ, ничего не требуетъ отъ жизни, но спокойно и радушно встрѣчаетъ всѣ ея явленія".

Полно, такъ ли? Примиреніе ли это—когда внутри шевелится сѣмя, брошенное матерью въ его душу, сѣмя любви и преданности, и внезапно становится онъ разстроенъ, смущенъ и мраченъ. Страшное это спокойствіе, возмущаемое яснымъ небомъ, свѣтлымъ днемъ, видомъ счастливой четы—страшное спокойствіе, разрѣшающееся агоніею и Гамлетовыми проклятіями на себя самого, бесѣдою съ призраками предковъ!

„Мы жили, слышишь ты, мы жили, а ты—ты только смотрѣлъ на жизнь. Куда ты рвался? чего хотѣлъ? Не по обычаю предковъ жилъ ты, не посмотрѣлъ себѣ подъ ноги, и вотъ, презрѣнный, жалкій, ты растерялся и заблудился. Презрѣнный, не срамилъ бы ты нашего дома и пропадалъ бы себѣ, гдѣ знаешь".

Чѣмъ же кончится этотъ судъ человѣка надъ самимъ собою? Неужели голосъ отжившаго и умершаго восторжествуетъ безусловно надъ нимъ, сыномъ настоящаго?.. Вопросъ, неразрѣшенный г. Станкевичемъ, да не разрѣшенный доселѣ окончательно и никѣмъ еще.

Вотъ его герой бродитъ по своему имѣнію: все ему чуждо тутъ, все самое обыкновенное ему непонятно, или возмущаетъ его, потому что не согласно съ сложившимися въ его головѣ представленіями,— а почему его представленія лучше того, что̀ есть на самомъ дѣлѣ, и точно ли они лучше, и стоитъ ли окружающее его одного холоднаго презрѣнія или величаваго равнодушія,—онъ не хочетъ подумать.

„Онъ прошелъ по селу, замѣтилъ беззаботливость и лѣнь на

лицахъ мужиковъ, обратилъ вниманіе на дородство и ростъ бабъ, рѣшился спросить у возвратившагося водовоза, отчего скрипятъ колеса его бочки, и получивъ отвѣтъ, что они не мазаны, побрелъ къ мельницѣ".

И только подобное видитъ Левинъ, и только подобныхъ вопросовъ удостаиваетъ онъ окружающее его. Если онъ такъ прислушивался ко всѣмъ звукамъ жизни, если онъ такъ допрашивался смысла всѣхъ ея явленій, если никогда не сходилъ онъ съ своего карточнаго Олимпа, то не мудрено, что настоящій смыслъ жизни скрытъ отъ него, и при томъ не зачѣмъ-то, а просто потому, что онъ, гордый и безстрастный идеалистъ, не въ силахъ принять его сердцемъ. Даже насчетъ сердца заблуждается онъ, даже о сердцѣ напоминаетъ ему вызванный имъ же призракъ бабки.

„Чѣмъ же ты такъ смущенъ,—заговорила прекрасная бабка тѣмъ мягкимъ и покоряющимъ голосомъ, который дается только сильной и страстной юности,—неужели рѣчами старика? Не слушай никого, слушайся только себя, покоряйся только своему сердцу. Ты задавилъ его, а отъ него только счастье. Дай ему волю, полную и безграничную волю".

Левинъ повсюду слышитъ только рѣзкіе тоны, и призракъ вызванъ имъ, какъ представитель другой крайности—слѣпой стихіи, волнуемой жаждою наслажденій, точно такъ же неопредѣленною, какъ его жажда и его стремленія. Мудрено ли, что этотъ призракъ, весь кипящій страстными порывами, вдругъ превращается передъ нимъ въ старуху съ сморщеннымъ и потемнѣвшимъ лицомъ, или, какъ у Кальдерона въ „El magico prodigioso"—красавица мгновенно обращается въ скелетъ. Неизмѣримая пропасть вырыта между мыслью и дѣломъ: у первой отняты всѣ основы, которыми бы могла она опереться на почву, а послѣднее лишено всякой вѣры и всякаго положительнаго достоинства...

И безсильна становится мысль, истощенная вращеніемъ въ одномъ и томъ же безысходномъ, околдованномъ кругѣ, тупѣя въ застоѣ, на который сама себя осудила, и все постыдѣе и постыдѣе падаетъ дѣло, и подъ гнетомъ безсильной, тяжелой мысли, которая то старѣетъ, то шалѣетъ, и все становится привязательнѣе, тащится человѣкъ по жизни, словно клича, сбившаяся съ дороги. И пусть ищетъ онъ утѣшенія въ сравненіи съ гордыми и вольными орлами, какъ „идеалистъ" г. Станкевича; утѣшенія эти кратковременны, какъ всякое самообольщеніе. Жажда

жизни нѣтъ иного исхода, кромѣ жизни. Все насильственно задавленное уходитъ во внутрь, какъ червь точитъ внутренность, и живетъ, питаясь ея соками.

Я привелъ только первыя страницы разсказа г. Станкевича, потому что онѣ одни важны въ немъ. Впечатлѣніе, оставляемое имъ, совсѣмъ не художественное впечатлѣніе, потому что дѣйствуетъ болѣзненно, но тѣмъ не менѣе, эти страницы искренія, патетическія.

Съ чисто художественной стороны и самыя эти страницы не имѣли большого достоинства. Онѣ повторяли только, и, такъ сказать, расплажали то чувство, которое прежде сильнѣе и лучше сказалось во многихъ стихотвореніяхъ; онѣ были навѣяны какъ будто „Старымъ домомъ“ Огарева:

Я ждалъ знакомыхъ мертвецовъ—
Не встанутъ ли вдругъ кости...
Съ портретныхъ рамъ, изъ тьмы угловъ
Не явятся ли въ гости.

Еще менѣе художественнаго таланта было во всемъ послѣдующемъ, въ самой драмѣ. Вездѣ видѣнъ былъ въ авторѣ человѣкъ мыслившій, жившій и глубоко чувствовавшій; вездѣ прекрасныя цѣли, и нигдѣ артистичности исполненія. Вся исторія представляла собою развитіе одного изъ Лермонтовскихъ стихотвореній, изъ которыхъ такъ многія высказали въ могучемъ образѣ страданія поэта и людей его поколѣнія. Всѣ знаютъ стихотвореніе:

Ночевала тучка золотая, и т. д.

Никто не станетъ отрицать, конечно, что вся трагическая сторона отношенія испытаннаго въ бурѣхъ жизни человѣка къ минутно посѣтившему его призраку молодости, обозначена въ этихъ стихахъ съ удивительною энергіею. Никто также не станетъ отрицать и того, что подражатели Лермонтова напрасно распространяли его стихи въ цѣлыя повѣсти, что все, бывшее настоящею бурею въ душѣ поэта, обратилось у нихъ просто въ бурю въ стаканѣ воды. Лермонтовъ далъ много, но едва ли не одинъ онъ въ состояніи былъ воспользоваться какъ слѣдуетъ тѣмъ, что онъ далъ. Приложите извѣстное стихотвореніе его, взятое изъ Гейне, но поднятое тономъ выше:

Они любили другъ друга и долго, и нѣжно,

или стихотвореніе выше нами приведенное, къ жизни какого-нибудь Ивана Ивановича или Марьи Петровны,—выйдетъ нѣчто комическое. Что-то комическое же являлось въ повѣсти г. Станкевича, являлось противъ воли ея весьма серьезнаго автора, наперекоръ желанію читателя, который видѣлъ въ „Идеалистѣ“ не Тамарина, а человѣка дѣйствительно мыслившаго и много страдавшаго. Въ особенности смѣшны были орлы, являвшіеся Левину и во снѣ, и во-очію на пароходѣ.

„Левинъ сидѣлъ на палубѣ, закутавшись въ плащъ свой, и смотрѣлъ на безбрежную, движущуюся передъ глазами его пустыню. Вдали показался островъ, и когда пароходъ приблизился къ нему, Левинъ увидѣлъ большого орла, поднимавшагося со скалы его. Онъ вспомнилъ другую пустыню, другого орла, и слова слышанныя отъ него во снѣ: „пари и гордо созерцай до послѣдней минуты своей“. Онъ поднялъ взоръ свой за орломъ, поднявшимся и исчезнувшимъ въ полетѣ къ небу, и ему почудилось, что вѣчность представилась ему въ образѣ безпредѣльнаго неба и безпредѣльной движущейся пустыни, и онъ услышалъ ея мощный призывъ. Глубокій вздохъ вырвался изъ груди Левина. Онъ чувствовалъ, какъ душа его расширилась и порвала цѣпь любви, страданія и страсти, въ которыхъ томилась она (?). Радостно почувствовалъ онъ вновь свою свободу. Гордо поднялась опять голова его, смѣло и спокойно смотрѣлъ взоръ, и съ этой минуты въ Левинѣ воскресъ и жилъ прежній холодный, безстрастный идеалистъ. Опять странствовалъ онъ, учился, смотрѣлъ, останавливался и задумывался передъ безчисленными явленіями; но въ немъ все болѣе изощрялась и развивалась несчастная способность видѣть отрицательную сторону предметовъ и лицъ, и онъ никогда ничему не предавался и ни съ чѣмъ не заключалъ союза. Жизнь его навсегда осталась, какъ и была, пустою и праздною.

IV.

Я прослѣдилъ съ возможною полнотою, съ опасностью наскучить даже читателямъ, комическія выраженія тревожнаго типа, типа хищнаго человѣка, въ нашемъ литературномъ сознаніи.

И что же выходитъ, какъ конечный выводъ изъ этихъ комическихъ представленій? Развѣ Тамаринъ и тѣмъ болѣе еще Володя Верженцевъ похожи въ самомъ дѣлѣ на Печорина, а Левинъ съ

его орлами на тотъ грустный и поэтическій образъ, который возстаетъ изъ-за „монологовъ“ и другихъ пѣсенъ тоски и страданія — поэта, котораго мѣщанство, думая вѣроятно унизить его, зоветъ теперь „пензенскимъ стихотворцемъ“, или на Рудина, который не перестаетъ быть поэтическимъ, несмотря на то, что Пигасовъ причисляетъ его къ числу *купцыхъ*, даже при своей видимой *„купости“?*

Нисколько.

Тамаринъ и еще болѣе Верженцевъ смѣшны не какъ представители тревожнаго типа, а какъ пародіи на тревожный типъ: Левинъ смѣшонъ не тревожными страданіями, а *книжностью*, надуманностью, *сочиненіемъ* своихъ страданій.

Тревожный типъ остается все-таки при всѣхъ правахъ своихъ на необходимость существованія и выраженія. Еще разъ повторю: попробуйте сдѣлать *смѣшнымъ* Печорина въ ту минуту, когда онъ Богъ-знаетъ изъ-за чего играетъ жизнью съ контрабандисткой, бросается въ окно головою, чтобы схватить пьянаго и разсвирѣпѣвшаго казака; съ адскою холодностью необузданнаго самолюбія подвергаетъ себя почти вѣрной смерти въ дуэли съ Грушницкимъ изъ-за того только, чтобы имѣть право сказать ему подлеца; когда онъ гонится за Вѣрой и, загнавши коня, рыдаетъ въ звѣриномъ припадкѣ? Увы! даже и тогда трудно сдѣлать его смѣшнымъ, когда онъ холодно встрѣчаетъ Максима Максимыча: смѣшно это было бы въ великосвѣтскомъ хлыщѣ, но не въ Печоринѣ, который весь съѣденъ анализомъ. Равномѣрно попробуйте сдѣлать смѣшнымъ того господина, который въ непотребномъ мѣстѣ исповѣдуетъ передъ нами свою душу, полную необузданныхъ стремленій, глубокой жажды любви и безвыходной тоски:

Вино кипитъ во мнѣ и жжетъ меня лобзанье...

который тутъ-то именно высказываетъ намъ завѣтнѣйшую свою тайну:

Когда-бъ я не любилъ, вѣдь я-бъ не ненавидѣлъ.

Кажется, какой удобный случай въ самой обстановкѣ для комическаго представленія, а все-таки ничего не подѣлаете. Прямая сила остается силой, искренній стонъ глубокой души—все тѣмъ же искреннимъ стономъ.

Чего же могло коснуться и чего коснулось комическое представленіе? Условной формы—великосвѣтскости въ Печоринѣ, книжности въ идеалистахъ. Формы разбиты и, разумѣется должны были быть разбиты. Въ Тамаринѣ разоблачился тотъ нравствен-

ный недугъ, котораго вліянію подвергались даже высшія изъ представителей нашихъ, недугъ нравственнаго лакейства передъ условнѣйшею изъ сферъ общежитія, соприкосновеніе которой испортило широкую и великодушную, хоть нѣсколько вѣтренную натуру Онѣгина, доводило подчасъ до мелочностей глубокую и страстную натуру Печорина. Недугомъ этимъ мы всѣ болѣе или менѣе страдали,—страдали, даже протестуя противъ него. Мы долго Чацкаго считали донъ-Кихотомъ.

Эту несчастную болѣзнь выносилъ на себѣ и даже по преимуществу выносилъ великій духъ Лермонтова. Еслибъ даже графъ Соллогубъ не написалъ своего „Бѣса“, гдѣ, какъ гласятъ никому уже не секретныя литературныя преданія, въ фигурѣ Леонина довольно ловко выставилъ комическую сторону великосвѣтскихъ стремленій поэта,—процессъ, совершившійся и далеко еще не завершившійся въ немъ, былъ бы намъ очевиденъ изъ матеріаловъ его юношеской дѣятельности, изъ этихъ первоначальныхъ драматическихъ концепцій, въ которыхъ героемъ является необузданно-самолюбивый и *обиженный* судьбою и людьми—Арбеньевъ... Мѣсто обидчивости заступаетъ потомъ протестъ, и является уже не обиженный Арбеньевъ, а мрачный, все презирающій и ломающій Арбенинъ „Маскарада“, поясняемый отрывкомъ, въ которомъ описываются его дѣтскіе годы.

Протестъ неугомонный, и дѣйствительно могущественный протестъ, ищетъ для себя такого воплощенія, которое было бы совершенно по его мѣрѣ, постепенно отвергая разныя формы, замѣняя нелѣпаго Арсенія въ „Бояринѣ Оршѣ“ художественнымъ *Мцыри*, хотя Мцыри выполняетъ далеко не всѣ задачи хаотической, но громадной по замыслу поэмы. Разъ даже этотъ протестъ въ поэмѣ о купцѣ Калашниковѣ ищетъ слиться съ народными формами, и какой задатокъ представляетъ собою это великое произведеніе!

Но отчужденный отъ широкой народной жизни, постигавшій ея формы только смутнымъ, хотя геніальнымъ чутьемъ, замкнутый на холодныхъ *верхахъ* общежитія, запертый въ условнѣйшую сферу, художникъ, какъ художникъ, ищетъ какого бы то ни было, но опредѣленнаго, осязаемаго образа. И вотъ является Печоринъ; къ нему прилипла вся слизь миражной жизни, и эту шелуху обиваетъ комическая разработка. Но все-таки онъ—сила и выраженіе силы, безъ которой жизнь закисла бы въ благодушествованіи Максимовъ Максимовичей, въ ихъ, хотя и героической, но отрицательно-героической безотвѣтности, въ томъ смиреніи, которое легко обращается у насъ изъ высокаго въ баранье.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА

подъ редакціей **В. Ѳ. Саводника.**

Вышли въ свѣтъ слѣдующіе выпуски:

Выпускъ 1-й. Автобіографія Апол. Григорьева: „Мои литературныя и нравственныя скитальчества" (съ біографическимъ очеркомъ В. Саводника). Ц. 60 к.

Выпускъ 3-й. Развитіе идеи народности въ нашей литературѣ со смерти Пушкина. Ц. 50 к.

Выпускъ 5-й. „Горе отъ ума" Грибоѣдова. Ц. 15 к.

Выпускъ 7-й. Лермонтовъ и его направленіе. Ц. 35 к.

Печатаются и выйдутъ въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени:

Выпускъ 2-й. Парадоксы органической критики (съ критической статьей В. Саводника).

Выпускъ 4-й. О правдѣ и искренности въ искусствѣ.

Выпускъ 6-й. Взглядъ на русскую литературу со смерти Пушкина.

Выпускъ 8-й. Гоголь и его „Переписка съ друзьями".

Выпускъ 9-й. Русская литература въ серединѣ XIX вѣка (Бѣлинскій и его „историческая критика").

Выпускъ 10-й. И. С. Тургеневъ и его литературная дѣятельность.

Выпускъ 11-й. О комедіяхъ Островскаго и ихъ значеніи въ литературѣ и на сценѣ.

Выпускъ 12-й. Раннія произведенія гр. Л. Н. Толстого.

Выпускъ 13-й. Поэзія Некрасова.

Выпускъ 14-й. Русскія народныя пѣсни съ ихъ поэтической и музыкальной стороны.

Тво И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К° Москва.

2007051005